

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Южно-Уральский государственный университет
Юго-Восточный институт геополитики
Кафедра политологии

Ю2
Х341

В.Е. Хвоцев

**ТЕОРИЯ АКТИВНОСТИ:
ОТ ИСТОКОВ К НАЧАЛАМ**

Монография

Челябинск
2008

ББК Ф01:Ю + Ю21
Х341

Хвощев В.Е. **Теория активности: от истоков к началам: монография** / В.Е. Хвощев – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; Изд-во ЮВИГ, 2008. – 168 с.

В монографии предпринята попытка проследить становление и развитие представлений об активности, как фундаментальном свойстве материи и материальных объектов, энергии, движения и самодвижении, в том числе на социальном (в частности, политическом) уровне.

Начала теории активности формируют основу для разработки методологии активизма – исследовательского подхода пригодного для применения в широком диапазоне естественных, социальных, гуманитарных наук, начала отмечают феномен трансактивности, выявляют наметившуюся глобальную тенденцию к социальной трансактивизации общественной жизни.

Большое внимание уделяется поиску преемственности российской и советской науки по проблемам активности, вопросам деидеологизации активистских концепций отечественных исследователей предперестроичного периода, предлагается ориентировочная количественная интерпретация политической активности субъектов.

Работа подготовлена для поддержки проблемного курса «Политическая активность и толерантность» по специальности 030201-Политология, но может представлять интерес для специалистов самого широкого профиля.

Рецензенты:

О.Ю. Малинова, доктор философских наук, профессор,
О.Ф. Русакова, доктор политических наук, профессор.

Одобрено Советом Исторического факультета

© Хвощев В.Е., 2008
ISBN.978-5-696-03746-2 © Издательство ЮУрГУ, 2008
© Издательство ЮВИГ, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Основы активности и активность основ	10
1.1. Природа и сущность активности	12
1.2. Историко-философские предпосылки теории	15
1.3. Основатели теории активности	32
1.3.1. Учение об эманации Прокла Диадоха	33
1.3.2. Альберт Эйнштейн: симбиоз массы и энергии	40
2. Активность материи и материальных объектов	41
2.1. Отражение активности объектов естественными науками	41
2.2. Векторы активности	50
3. Промежуточные формы активности	51
4. Социальная активность	55
4.1. Социометрия социальной активности	69
4.2. Проявления социальной активности	75
4.2.1. Дискурс социальной активности	77
4.2.2. Разновидности социальной активности	86
4.2.2.1. Политическая активность субъектов	88
4.2.2.1.1. Дискурс политической активности.....	109
4.2.2.1.2. Динамика политической активности	118
4.2.2.1.3. Влияние активности субъектов на развитие политических институтов	122
4.2.2.2. Трудовая активность	128
4.2.2.3. Творческая активность	130
4.2.3. Технологическая активность.....	136
5. Активизм – методология науки	142
Заключение	148
Библиографический список	150

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении новейшей (постсоветской) истории России ее состояние оценивалось преимущественно в духе апокалипсиса: кризис, край пропасти, крах. И каждый раз после очередной ступени к упадку находились слова и выражения, подчеркивавшие и усиливавшие глубину нашего падения. Не так давно ситуация в стране характеризовалась и вовсе как системный кризис – общее расстройство экономической, политической, социальной жизни. Упаднические настроения то усиливаются, то ослабевают, а жизнь неумолимо продолжается, преодолевая одни трудности и порождая другие.

Естественными и логичными в подобных условиях выглядят попытки ученых и практиков определить причины кризисных явлений, установить их значимость, наметить пути устранения. Несомненно, что в этом направлении в ближайшее время будут достигнуты успехи, которые обеспечат стабилизацию социальных процессов или, по крайней мере, временную видимость благополучия.

Для реального преодоления системных трудностей необходимо сосредоточить силы на источнике, основе общественного развития. Таким источником, бесспорно, является *созидательная активность народа*, а первопричиной всех наших бед – *снижение общего уровня созидательной активности*.

В литературе можно встретить тезис о катастрофическом падении пассионарности русского или даже славянского этноса. Ошибочность такого утверждения кроется в отождествлении пассионарности как устойчивой характеристики этноса с проявлениями социальной активности общества – феноменом ситуативным и крайне чувствительным к неблагоприятным условиям и обстоятельствам жизни. Игнорируя не вполне убедительные тезисы о неизбежности тотального этнического вырождения, отметим лишь очевидное снижение на рубеже веков активной массы российского общества и ухудшение качества социальной активности.

Известно, что социальная активность включает в себя конструктивную и деструктивную составляющие. При социализме деструктивные действия и протесты в обществе решительно подавлялись. Не имея достаточных экономических стимулов к созидательной деятельности, социалистическое государство приобщало людей к социальному творчеству в рамках системы с помощью идеологии. В этом усеченном пространстве сохранялась одна из немногих возможностей самореализации личности. Тем не менее, вырабатывая массовую «привычку» к созиданию, пусть и лишенную материальной заинтересованности, социалистическое общество добилось, по крайней мере, видимости в нем высокой активности индивидов.

В конце второго – начале третьего тысячелетия в социальной активности россиян стали преобладать деструктивная и протестная составляющие. Первая включает в себя теневую, криминальную активность, которая исключительно высока в российском обществе. Вторая реализуется в демонстрациях (шествиях), пикетированиях, голодовках и других формах протеста, имеющих колеблющуюся частоту и масштабность. При этом *высокая деструктивная и протестная составляющие социальной активности общества вытесняют его созидательную активность, заметно снижая тем самым темпы социально-экономического развития.*

Социальная активность личности и общества может проявляться в различных сферах человеческой жизни – политической, экономической, учебно-познавательной, досуговой. Но с особым для общества эффектом реализуется она в трудовой деятельности, в сфере общественного производства. Именно здесь созидание дает социально значимые результаты в случае действительно массового проявления активности. В свою очередь, разрушение производственной сферы, сужение возможностей приложения сил в сфере трудовой высвобождает социальную энергию человека, которая приобретает, нередко, деструктивные и протестные формы.

Очевидно, что проявления социальной активности общества неоднородны и распределяются между индивидуальными носителями неравномерно. Эти неоднородность и неравномерность, к тому же, весьма динамичны под воздействием разного рода факторов. Особо быстротечны и радикальны внешние изменения социальной активности общества за счет неблагоприятно направленной миграции населения. Такой процесс идет сегодня в России в двух угрожающих государству и обществу направлениях. В одном из них, происходит «утечка мозгов», выезд за рубеж наиболее активной части граждан, в другом – приток мигрантов, преимущественно созидательно пассивных, деструктивно ориентированных элементов из соседних государств. В результате подобной миграции *происходит общее снижение социальной активности общества и ее качественная трансформация.*

И если в конце советского периода созидательная активность российского общества возрастала темпами ниже желаемых и даже общественно необходимых, то в современной России происходит заметный спад этой важнейшей составляющей социальной активности. Подобные процессы создают проблемы, тормозящие развитие общества.

Однако за снижением в целом социальной активности российского общества кроется ряд сложных вопросов общественных отношений, порождающих существенное для современной России противоречие. Его суть сводится к тому, что в трансформированной политической системе *возникло и углубляется противоречие между высокой предпринимательской активностью тонкого слоя российского общества и низкой созидательной активностью широких масс населения.* Логичными следствиями этого противоречия являются неспособность общества к эффективному развитию, иждивенческие настроения, рост политической нестабильности, с одной стороны, коррупция и преступность, с другой.

Вопреки здравому смыслу, *исследование созидательной активности личности и общества не востребовано современной российской наукой и практикой.*

Между тем, в 60–70-х годах прошлого столетия усилиями, главным образом, советских ученых стали складываться концепции социальной, трудовой, политической активности. Подъем научного интереса тогда к этим важным феноменам обеспечил заметные успехи в становлении теории активности и строительстве социалистического общества. Несомненно, что усилия в этом направлении могут дать и сегодня существенный положительный социальный эффект.

Проверка этой и многих других гипотез возможна лишь при разработанной социометрии активности. Отсюда понятен интерес социологов и политологов к измерению объема (уровня) активности отдельного индивида и на этой основе оценке состояния активности групп, классов, общества в целом. Достижения советских исследователей в этом направлении трудно переоценить, хотя показатели активности того времени – участие в социалистическом соревновании, в трудовых починах и движениях, искусственных формах самоуправления, выполнение общественных поручений и т.д. и т.п. – окончательно утратили в наше время какой бы то ни было смысл.

В середине 80-х годов новые формы общественного бытия в Советском Союзе предопределили начало вытеснения из социальной практики не только теории активности, но и всей общественной науки. С начала же 90-х с разрушением экономических и политических основ советского государства общественные науки были незаслуженно ошельмованы, а некоторые фактически упразднены дорвавшимися до власти безответственными политиками. С высот сегодняшнего дня разговоры о кризисе общественной науки в СССР¹ следует

¹ См. Хвоцев, В.Е. Снижение созидательной активности российского общества как причина системного кризиса // Тезисы выступлений международной научной конференции «Стратегия опережающего развития для России XXI века». –Т. 4. – Ч. I. – М., 1999.

оценивать как не соответствующие истине, поскольку в действительности произошла замена вполне качественного продукта – разновидности марксизма – на продукт безликий и не дееспособный, но более подходящий для других общественных отношений. Однако отношения эти по разным причинам не складываются, а в большей части общества обозначился тотальный застой. Пассивная масса населения достигла такого объема, что стала тяжелой обузой развитию. Не исключено, что пассивные формы жизни обречены на вырождение. При таких обстоятельствах увеличение социальной активности россиян становится жизненно необходимым, а исследование активности исключительно актуальным.

Уместно заметить, что исследование социальной активности субъектов сопряжено с рядом трудностей локального и глобального характера. Часть этих трудностей тесно связана с особенностями русского языка, который содержит множество близких понятий, обладающих тонкими смысловыми различиями. Это дает возможность исследователю точнее отражать и глубже анализировать интересующую его действительность. Одновременно языковое богатство становится источником дополнительной путаницы, нередко ведущей к потере смысла. Сказанное прямо касается столь близких понятий активности, инициативности, энтузиазма, творчества. Вот почему, определяя активность, следует стремиться к максимальному уточнению вкладываемого в это понятие смыслового значения.

Другая часть трудностей исследования социальной активности в настоящее время обусловлена глобальными изменениями традиционных сфер человеческой деятельности. Трудно не согласиться с Ж. Бодрийяром, подметившем взаимопроникновение этих сфер – «политика не сосредоточена более в политике, она затрагивает все сферы: экономику, науку, искусство, спорт... И спорт уже вышел за рамки спорта – он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле дости-

жений»². Согласно «закону смешения жанров» «все сексуально, все политично, все эстетично. Все одновременно принимает политический смысл... Все становится сексуальным... И одновременно все становится эстетичным...»³. Размывается традиционная идентичность и относительная автономия основных сфер человеческого существования, на смену которым приходит «трансполитика, транссексуальность, трансэстетика». Вполне естественно, что в условиях «смешения жанров» рушатся представления о социальной активности, как совокупности ее проявлений в трудовой, политической, творческой и т.д. сферах и зарождается новое интегральное понятие, которое предстоит осмысливать – **трансаktivность**.

В преддверии разворота исследований в этом направлении разумно подвести некоторые итоги становления теории социальной активности, являющейся важным эволюционным звеном в разработке био-социальной категории «трансаktivность».

Остается сожалеть, что теория активности представляет собой более четверти века фактически не востребованное наукой и практикой учение. По этой причине само обращение к этой тематике содержит значительный элемент относительной во времени новационности. Мало того, прежние разработки в этом направлении страдали существенными недостатками – отсутствием универсальности своих построений, преходящим ситуационным характером качественных показателей активности, чрезмерной идеологизированностью рабочих гипотез и выводов. В монографии делаются попытки деидеологизации теории активности, очистки комплексного показателя активности от наносных и отмерших форм, закладываются начала модернизации теории и методологии политической активности.

² Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр – 2-е изд. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – С. 15.

³ Там же, с. 17.

Очевидно, что такие намерения предполагают уточнение основных понятий и, прежде всего, понятий активности и политической активности. И эти понятия нуждаются в деидеологизации, универсализации, модернизации. Однако акцентировать внимание на уточнении устаревших определений вряд ли имеет смысл: *в политической жизни и науке созрело для серьезного анализа явление и соответствующее ему понятие политическая трансактивность.*

В этом же ключе (деидеологизация–универсализация–модернизация) предпринята попытка переосмысления истоков теории активности и определения ее действительных основоположников. В развитии методологии активности предлагается пересмотр места и роли, по-видимому, ключевых фигур Прокла Диадоба и Альберта Эйнштейна, чьи идеи в этом направлении недооцениваются теоретиками.

Важно подчеркнуть, что известные теоретические конструкции активности ко всем присущим им недостаткам имеют серьезный общий изъян – тотальную методологическую слабость: они не рожают специфических методов анализа действительности, в том числе, и политической. Для преодоления отмеченного недостатка ниже предпринята попытка создания под условным названием «активизм» метода научного анализа становления, развития, взаимодействия материальных объектов с последующей доработкой системного подхода.

Главная цель настоящей работы – подвести итоги теоретического осмысления активности и наметить направления ее дальнейшего исследования.

1. ОСНОВЫ АКТИВНОСТИ И АКТИВНОСТЬ ОСНОВ

В мире нет ничего кроме движущейся материи – утверждают материалисты: только «атомы и пустота» наполняют вселенную. С позиций современной науки такого рода заключения выглядят, по крайней мере, неточными. Всем известно сегодня, что атомы не представляют собой мельчай-

шей первоосновы мира, а являются всего лишь конкретными материальными объектами. Да и понятия «пустоты», «эфира», «вакуума» при объяснении устройства мироздания создают новых логических проблем больше, чем предлагают решений прежних.

Не вполне убедительны и абстрактные построения общей картины мира, заканчивающиеся дихотомией «материя—движение». Не убедительны они, хотя бы потому, что движение, как способ существования материи, должно бы по логике занять место на лестнице абстракции ступенью ниже самой материи. Но такое допущение, в конечном итоге, создает новые тупики в миропонимании. Преодоление подобных препятствий в мыслительных конструкциях с помощью теологических ухищрений для современников считается неприличным. Поэтому многие естествоиспытатели нашего времени смирились с непреодолимой парадоксальностью концепций, которые они используют для достижения практических целей.

Признание фрагментарности знания, некритичное восприятие научного «инакомыслия», подрывают основы, в первую очередь, философской науки. В настоящее время философия утрачивает остатки методологичности, превращается в описательную дисциплину. Превращение это активно стимулируется политическими интересами, а у нас, в России во многом является следствием растерянности отечественных философов перед натиском поверхностных, но не лишенных остроумия работ философствующих западных авторов различного профиля.

В результате общественных перемен диалектический материализм был не критически вытеснен из нашей науки плохо систематизированной историей философии и общими, такими же хаотичными размышлениями о науке и образовании, о человеке и обществе, о культуре, искусстве и т.д. и т.п.

В этих условиях движение от частного к общему, от конкретного к абстрактному бывает долгим и трудным. Гораздо легче и в духе сегодняшнего дня попытаться постулировать

общие положения, пользуясь более или менее определенными наукой понятиями и категориями среднего уровня.

Путь этот разумно начать с некоторых предположений:

1. *Аксиома 1*: мир (среда, вселенная) представляет собой неоднородную, но единую и неделимую субстанцию,

2. *Аксиома 2*: неоднородность субстанции определяется наличием в ней двух нераздельных компонент – материи (объективной реальности, которая дана человеку в его ощущениях, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями) и энергии (объективной реальности, которая не дана человеку непосредственно в его ощущениях, которая не копируется, не фотографируется, не отображается нашими ощущениями, а может быть обнаружена косвенным путем),

Аксиома 3: переход материи в энергию и энергии в материю воспринимается чувствами (ощущениями) и отражается сознанием как движение.

В таком случае, мир субстанционален и представляет собой существование материально-энергетических (энергоматериальных) объектов.

1.1. Природа и сущность активности

Каждое материальное образование обладает неотъемлемым свойством – способностью к движению. Эту способность, еще не реализованную, принято определять термином «энергия». Относительно материи энергию можно считать ее внутренним атрибутивным свойством. То же справедливо для энергии: ее атрибутивным свойством является материальность.

Для отдельного материального объекта нетрудно выделить энергию внутреннюю, присущую непосредственно этому объекту и характеризующую его сравнительно устойчивое состояние, и энергию внешнюю, которая может воздействовать на объект как окружающая его среда.

Энергия материального объекта (его способность совершать движение) находится, как правило, в «связанном» состоянии и лишь эпизодически, по разным причинам реализуется в форме движения.

Тот факт, что понятия «энергия» и «движение» развивались преимущественно механикой, затрудняет использование этих терминов в других областях знания, где они приобретают дополнительный специфический смысл. В этих случаях требуются постоянные оговорки по поводу смыслов энергии и движения, не сводимых однозначно к принятой в механике их трактовке.

Следует с большой осторожностью вводить взамен понятий «энергия» и «движение» новые, со специфическими смысловыми оттенками. Особенно это касается термина «движение», который в философии прочно вошел в научный арсенал. А вот понятие энергии было бы полезно трансформировать в некоторое свойство, качество объекта, выражающее его способность, готовность при определенных условиях совершать движение. Это свойство давно известно, в литературе обозначается термином «активность» и используется в смысле достаточно близком к понятию энергии.

Активность как способность, готовность к движению, деятельности (если речь идет о социальных объектах) может существовать в виде некоторой потенции или объективироваться в реальном движении. Последнее, являясь в какой-то мере проявлением активности, используется как ее важнейший индикатор. Правда, индикатор этот весьма приблизительный: движение никогда не бывает точным выражением активности движущегося объекта, поскольку в него всегда включены внешние, навязанные, не свойственные объекту побудительные влияния.

Выше отмечалось, что внутренняя энергия материального объекта находится в «связанном» виде, и ее высвобождение возможно лишь в чрезвычайных условиях, мало предсказуемо и практически не управляемо. По этой причине материальное тело представляется как исключительно стабильное образование. Другое дело – индивидуумы, чьи проявления активности (энергии) могут регулироваться внутренними волевыми усилиями или побуждаться внешними стимулами.

Уместно заметить, что «излучение», «извержение» внутренней энергии материальными объектами до сих пор является принципиально непонятым наукой, а значит, и неуправляемым процессом. Несмотря на очевидные научные успехи, человек не только не понимает, как управлять термоядерной реакцией, но и мало что знает о собственной энергетике – активности. Человечеством накоплен опыт, позволяющий составить представление о результатах проявления энергии, активности материальных объектов и людей. На этой же основе построены ориентировочные догадки об энергетических возможностях, активных способностях различных объектов совершать движение или осуществлять определенные действия. Но основные характеристики самодвижения, самодеятельности и, особенно, параметры перехода потенциального в актуальное остаются не выясненными.

Движение или действие объекта, по распространенной логике, прогнозируемо и управляемо лишь в той их части, которая задается внешними силами. Любое «соучастие» в процессе сил внутренних, обусловленных активностью, неизбежно вносит в этот процесс неопределенность и задает вероятностный характер отражения развития. В тех же случаях, когда самодвижущая, самодеятельная компонента участвующих в процессе объектов начинает доминировать, создается впечатление утраты порядка и возникновения хаоса.

Вместо того чтобы попытаться увидеть в эпизодически возникающем «хаосе» действие активных составляющих участников процесса, некоторые исследователи объявили подобные эксцессы принципиально непредсказуемыми – бифуркационными состояниями. И действительно, преобладание во внешнем движении объектов их внутренних энергий (активности) выглядит как неупорядоченность, бессистемность, хаотичность данного процесса.

Таким образом, представление высокого уровня активности материальных объектов как беспорядка и хаоса, попытка ограничиться вероятностной констатацией проявлений

активности объектов без учета особенностей их внутреннего энергетического наполнения существенно обедняют понимание действительности.

1.2. Историко-философские предпосылки теории активности

Общеизвестно, что «...у вещей имеется не только внешнее, но и сопряженное ему, нечто внутреннее»⁴. Эта простая мысль долго и трудно осваивалась человечеством.

Внутренняя сила, энергия субстанции привлекала мыслящее сознание с глубокой древности. На основе представлений о «самости» бытия строились научные мировоззренческие концепции, а на базе отрицания этого феномена – серьёзные теологические учения.

История и методология философии может рассматриваться не только в свете противопоставления сознания материи, но и как поиск ответа на волнующий человеческое воображение вопрос о причинах движения материальных объектов. Этот вопрос в науке нашел отражение в противостоянии позиций «проактивности–реактивности». Причем сторонников первой, на мой взгляд, становится все больше. Это те, кто считает, что «истоки всех форм поведения находятся внутри самой личности. Люди скорее совершают поступки, чем реагируют»⁵. Здесь Хьелл и Зиглер цитируют точное наблюдение Маслоу: «Будущее человека находится внутри него, и оно в данный конкретный момент динамически активно» (Maslow, 1961, p.59). По-видимому, позицию реактивизма, объясняющую или строящую поведение исключительно или даже преимущественно в форме реагирования на внешнее воздействие, следует считать односторонней, теологичной, недостаточной.

⁴ П. Гейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – С. 55.

⁵ Хьелл, Л., Зиглер, Д. Теория личности (Основные положения, исследования и применение. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – С. 47.

Все больше исследователей приходят к выводу, что в фундамент мироздания имманентно заложено активное начало. «Бытие... подразумевает способность быть активным; пассивность исключает бытие»⁶.

Религиозные представления активности мира. Религиозное отражение действительности сознанием человека чрезмерно перегружено бытовыми аналогиями, но оно не столь фантастично и бессмысленно, как может показаться современному человеку на первый взгляд. Налет некоторой сказочности в религиозных концепциях всего лишь внешний. За этой формой в религиях мира скрывается весьма строгая логика воззрений, близкая научной. В ее основе лежит семиотический подход видения природных явлений и процессов. Даже с самой точной из наук – математикой религию роднит знаковый принцип обозначения реальности. С той лишь разницей, что природа, ее отдельные элементы отображаются в одном случае условными знаками, в другом – идеализированными человеческими образами божественных существ – моделями, которым вполне адекватно приписаны свойства и причины развития реального мира. Сухой бихевиоризм точных наук бывает нередко посрамлен эстетизмом и интуитивизмом, заложенными в основание любой религии, а в некоторых ситуациях оказывается даже менее эффективным средством познания сложных форм движения материи.

Можно утверждать, что большинство религиозных учений вполне объективно и не более схематично, чем естественные науки, отражают свойства материального мира и текущие в нем процессы. Отражают они и важнейший атрибут всякой субстанции – ее активность. Но отражают сомнительно, отрывая активное начало мира от материи, наделяя активностью, а, следовательно, и первопричинностью, лишь возвеличиваемые на этой почве божественные потусторонние силы.

⁶ Фромм, Э. Иметь или быть? Пер. с англ. / Общ. ред. и посл. В.И. Добренко. – 2-е изд., доп. – М.: Прогресс, 1990. – С. 95.

Индийская философия. Суть древнеиндийской диалектики – понимание развития как регресса активности. В этом смысле вся индийская философия сводится к проповеди пассивности как оптимального состояния души и тела. Вместе с тем, движения к пассивности предполагается достигать здесь активными методами – сознательно, заинтересованно, преодолевая телесные и духовные искушения. Другими словами, лейтмотивом большинства древнеиндийских философских систем является активная устремленность человека к собственной пассивности. В этом состоит определенное своеобразие, входящего в широкое употребление активизма, направленного не столько на преобразование среды обитания, сколько на перестройку, «перевоплощение» собственной души сообразно окружающим условиям.

Буддизм. Едва ли не главное в буддизме – добровольное изгнание из человека активных начал, утверждение абсолютной пассивности путем достижения нирваны. Отрицание борьбы и стремление к бездеятельности, покорности, отрешенности от мира и на этой основе «угашение» человеческих страданий, мук, которые лежат в основе индивидуальной и общественной активности людей.

Разновидности Ведизма. Опираясь в восприятии действительности на систему ведизма, его сторонники не столь едины в понимании активности мира. И хотя различия в таком принципиальном вопросе являются источником постоянных расколов среди приверженцев учения, многими исследователями истории философии они до сих пор кажутся мало существенными тонкостями, незначительными оттенками в толковании Вед. А между тем, вопрос о концентрации активного начала мира в едином боге, внешнем по отношению к субстанции, или о внутреннем рассредоточении активности в многообразии вселенских душ является первостепенным индикатором активистских воззрений. По-видимому, Веды являются одним из самых ранних постановочных источников вопроса об активности мира.

Идеалистические направления. Содержание индийского идеализма, не считая деталей, не отличается от аналогичных направлений остального мира. Разнообразные по форме, идеалистические концепции индийской философии наиболее ясно выражены брахманизмом. Согласно взглядам почитателей этого и многих близких в этом отношении к нему течений основой всего сущего является мировой дух-брахман, творящий мир посредством некоей иллюзии (майи). Материя и сознание в таких схемах миропонимания являются в лучшем случае производными от основы, в худшем – второстепенными составляющими бытия, пассивно воспринимающими действия внешней активной силы.

Материалистические направления. Материалистические системы древнеиндийской философии не смогли дать в силу своих наивных взглядов удовлетворительного объяснения активности природы и человека. Уже в древнейшей из них (Санхья) указывается на материальность первопричины всего существующего в природе, ее всепроникающей способности. А в атомистике вайшешика особо отмечается пассивность бестелесной субстанции, подчеркивается недвижность таких субстанциальных форм как пространство и время в противоположность физическим элементам субстанции – земле, воде, воздуху, свету. Но и в последних элементах древнеиндийским материалистам не удалось найти места для активности. Поэтому скоро они стали располагать ее источник вне субстанции, отчего фактически сошли с последовательных материалистических позиций, умножив тем самым ряды сторонников религиозных воззрений.

Китайская философия. Уже в древне-китайской философии можно встретить, пусть косвенные, но вполне определенные представления об активности мира. Они заметны в примитивной атомистике, в наивном делении субстанции (ци) на противоположные взаимопроникающие виды (янь ци и инь ци), в попытках разместить источник активности в разреженных или тончайших видах субстанции, оставив их тем

самым внутри природы, одновременно противопоставляя безжизненным сгущенным и грубым видам. Древнейшая «И-Цзинь» – «Книга перемен» толкует изменения в мире как результат взаимодействия пронизывающей Вселенную биполярной энергии. Эта книга об эволюции энергии, по сути, об активности природы, на ее основе строилась могущественная цивилизация. Не лишены следов активности и представления китайских футуристов того времени (учения о дао). В их схемах усматривается присутствие, по крайней мере, некоего подобия активности не зависимо от места средоточения активных начал: будь-то где-то в «поднебесной», в руках ли самого «небесного владыки» и в компетенции его «небесной воли» или в самой природе в качестве естественного и предопределенного закона-пути развития (Лао-цзы, Ян Чжу, Сюньцзы). Намного позже в Китайской философии стали разрабатываться более детальные, хотя и чисто умозрительные, представления о взаимосвязи активности и материи как об одушевлении некоторой непознаваемой разумной творческой силой пассивной субстанции. У Чжан Цзяя, к примеру, реальный мир предстает уже как результат взаимодействия активных и пассивных частиц субстанции. Таким образом, и в Китайской философии вольно или невольно, обдуманно или неосознанно ставятся и по своему решаются вопросы активности мира. Более того, мышлению китайцев свойственна в значительной мере «энергетическая парадигма» и их философов, по-видимому, следует относить к одним из первооснователей активизма.

Греко-римская философия. Благодаря широкому распространению атомистических представлений и достаточно последовательных материалистических взглядов, идеи саморазвития мира в античной философии занимают весьма заметное место. Элементарная логика подталкивала античных мыслителей прибегать в объяснении устройства мира к помощи «первотолчков» и «импульсов», без которых невозможно было привести в движение воображаемые ими «перво-

элементы» – составляющие материального мира: воду, землю, воздух, эфир. В отличие от своих восточных коллег древнегреческие философы в большей мере и чаще проявляли реалистичность во взглядах на природу в силу многих исторических причин. Это, не в последнюю очередь, касается философских традиций растворять активные начала мироздания – ветер, огонь, дух – в окружающей действительности. Так возникли представления о неуничтожимом огне, «мерами возгорающимся и мерами потухающим», о бессмертном и вечно мятущемся духе, оживляющем своим присутствием косную материю. История греко-римской философии, как никакая другая, переполнена попытками объяснения активности мира. Еще Демокрит в размышлениях о причинности вещей указывал на некоторую универсальную причину бытия, которая может толковаться при минимальной натяжке как активное начало природы. Не говоря уже об аристотелевском учении об энтелихии. Вероятно, что это одна из первых целостных концепций активности, объясняющая переход потенциального в актуальное, возможного в действительное. А во взглядах на природу Эпикура совсем явно просматривается идея самодвижения, обусловленного внутренними свойствами атомов. С активностью атомов Эпикур прямо связывал и свободу человека. Как блестящую можно охарактеризовать попытку стоиков синтезировать догадки об активности мира в единое учение. Их понятие «пневмы» – особого телесного дыхания, пронизывающего материальный мир и наполняющего его жизнью, казалось, открывало тайны материально-энергетического единства мира. Но логика изменила стоикам: отрицая свободу и отстаивая жесткую необходимость происходящего, представители этого направления не сумели последовательно развить идею активности мира. По этой причине, наметившаяся было синтетичность их учения, превратилась в банальную эклектику.

В блестящей плеяде античных философов, внесших вклад в развитие активистских идей, нельзя не отметить осо-

бо малоизвестного широкой публике, но редкого по глубине понимания активности мира «платониста» Прокла.

Западно-европейская философия. Наметившийся после средневековья прогресс философской мысли, ее постепенный отход от религии и переориентация на практическую деятельность человека определили многие особенности развития науки. Одной из таких особенностей было акцентирование внимания философов на преобразующей деятельности человека, укреплении его власти над силами природы, переосмыслении собственного места в мире и своей активной роли в процессе развития. Творческим духом активизма проникнуты работы Ф. Бэкона, ставившем задачи завоевания природы и совершенствования человеческой жизни. Пассивному созерцанию английский философ противопоставляет активные методы освоения действительности и получения новых знаний. Он призывает смело вторгаться в природу и с помощью эксперимента добывать конкретные знания. Такой направленности научных интересов придерживались в то время уже многие исследователи. Однако даже на этом фоне гениальной догадкой выглядит определение природы Б. Спинозой как «Causa sui». Остается сожалеть, что талантливый ученый не сумел развить этот тезис в более или менее стройную теорию. Его субстанция, существующая «сама в себе» и не нуждающаяся в представлении «через другую вещь» – образование, тем не менее, косное, замкнутое, неизменное и, в конечном счете, пассивное. Ей движет бог – «абсолютно первая причина вещей». И хотя бог у Б. Спинозы лишен ума либо воли, действует «по законам своей природы», составляет «производящую причину не только существования вещей, но и сущности их», он все же остается чем-то внешним по отношению к вещи. Поэтому-то у Б. Спинозы «вещь, которая определена к какому либо действию, необходимо определена таким образом богом, а не определенная богом сама себя оп-

ределить к действию не может»⁷. А раз так, то выстраивается знакомая логика: движение объекта обусловлено причиной лежащей в другом объекте, которая порождена следующей причиной, связанной с третьим объектом и так далее до первоначальной причины, которой и является бог. И пусть бог Б.Спинозы субстанционален и един с природой, картина мира, которую дает философ, туманна и противоречива. Его высказывание о природе как причине самой себя на деле оказывается не более атеистического тезиса, не нашедшего продолжения в построении системы. В этом отношении Б.Спиноза не смог преодолеть механицизма Р. Декарта, утверждавшего, что «всякая вещь пребывает в том состоянии, в каком она находится, пока ничто ее не изменит», что там, где господствует телесная субстанция, налицо «пассивные притяжения». И все же взгляды Б. Спинозы на движение материи можно рассматривать как существенные для понимания природы активности.

Качественный шаг в понимании природы активности принадлежит современнику Б. Спинозы Г. Лейбницу. В своей монадологии последний наделяет вещи внутренне присущей им энергией, «живой силой». У него субстанция – существо, способное к действию, существо – саморазвивающееся, отчего она (субстанция) всегда «беременна» своим будущим. «...естественные изменения монад исходят из внутреннего начала...»⁸. «...в них (монадах – В.Х.) есть самодовление (autarceia), которое делает их источником их внутренних действий...»⁹. Восприятие и стремление и связанные с ними страдание и действие – вот основные свойства лейбницеvских монад – простейших, не имеющих частей, по сути активных субстанций. Можно не соглашаться с монадностью мира

⁷ Этика, доказанная в геометрическом порядке. Антология мировой философии в четырех томах. – Т.2. – М.: Изд-во «Мысль» – 1970. – С. 356.

⁸ Монадология. Антология мировой философии в четырех томах. – Т.2. – М.: Изд-во «Мысль» – 1970. – С. 451.

⁹ Там же, с. 452–453.

Г. Лейбница. Современная теория скептически воспринимает «элементные» теории, даже если «атомы вещей представляют всю Вселенную», сохраняя тем самым единство мира и объясняя его многообразие. Еще, вероятно, труднее признать «ряды мышления» монад. Не совершенна, по-видимому, схема взаимодействия монад, порочна, скорее всего, их замкнутость («Монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти»¹⁰). Тем не менее «не знающий покоя принцип деятельности», «деятельная сила» субстанции, ее «мир для себя», ее «самодовлеющее единство» – составляют принципиальные основы понимания активности. Идеи Г. Лейбница о самодвижении субстанции, несмотря на сомнительность монадологии в целом, заслуживают самой высокой оценки. Субстанция в его понимании «дышит», «живет» своей жизнью; она самодвижется, саморазвивается, она активна. Монады Г. Лейбница (пусть порой это и выглядит чересчур наивно) «...живые, подвижные, весь мир отражающие в себе, обладающие смутной способностью представления (души своего рода)...» (Л. Фейербах). Таким образом, Б. Спиноза и Г. Лейбниц занимают особое место в становлении теории активности. Первый – утверждением природы как причины самой себя, второй – детально проработанной попыткой внедрения в первооснову мироздания источника самодвижения. И хотя такого рода положения высказывались и предшественниками и последователями обоих философов, именно в их трудах они приобрели наиболее концентрированное выражение.

Русская философия. Может показаться, что русскому человеку чуждо или недоступно абстрактное мышление, настолько скуден вклад наших соотечественников в развитие мировой философской культуры. Вместо творцов учений и создателей школ в истории философии России мелькают раз-

¹⁰ Монадология. Антология мировой философии в четырех томах. – Т.2. – М.: Изд-во «Мысль» – 1970. – С. 451.

ношерстные «дружинники», «просветители», «социал-демократы», «декабристы» и прочие деятели. Вероятно, лучшим и едва ли не единственным русским философом прошлого, в строгом смысле этого звания, следует считать не философа М. Ломоносова. Силу его философских обобщений на основе (что немаловажно) собственных естественно-научных исследований трудно преувеличить. И как талантливый естествоиспытатель, М. Ломоносов не мог не отметить в своих философских изысках многих аспектов активности мира. Будучи по необходимости (в силу естественно-научных занятий) материалистом, по роду своих открытий – атомистом, по убеждению – механицистом, он вынужден был (как законопослушный гражданин) сохранять лояльность по отношению к церкви. В таких рамках можно было проповедовать только деизм, что вполне удовлетворяло многих исследователей-материалистов. И действительно, акт первотворения, как и возможность апокалипсиса, находятся, похоже, вне предмета научного знания, а всякие умозаключения о начале и конце «света» не имеют точного смысла. Тогда, поделив «сферу влияния» по этим границам, наука и религия могут прийти к консенсусу, оставив за наукой реально существующий мир, а религии отдав сферу фантазий, не доступную опытной проверке. Такого рода «сделки» давно практиковались между сторонами и устраивали материалистов, вынужденных поступаться всего лишь не столь важным, на их взгляд, принципом, касающимся первоначальной «накачки» энергией материального мира. Руководствуясь этой позицией, М. Ломоносов признавал «существование всемогущего двигателя» – бога, чьему первоначальному усилию мир обязан непрерывным движением. Такая уступка, с одной стороны, позволяла ограничить вмешательство религии в дела науки, но, с другой, неизбежно усугубляла механицизм взглядов исследователя, поскольку сосуществование религии и науки оставляет для последней пассивность, созерцательность или, по крайней мере, снижает активистский потенциал, а то и

связывает руки. Вершиной ломоносовского механицизма, проросшим на этой почве, можно считать закон сохранения движения. Закон гласит, что «тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому». Вывод о сохранении количества движения в подобном толковании, столь ценный для механики, в конечном счете, обедняет своей односторонностью представления о реальной действительности, упускает качественный аспект активности и движения, не позволяет соответственно ему интерпретировать общественные явления и процессы. Вместе с тем, закон сохранения количества движения закладывает принципиальную основу понимания активности как взаимодействия, создает предпосылки для дальнейших обобщений. К сожалению, путь этот тогда пройден не был, а упорство великого ученого в отстаивании механицизма, быть может, заслуживало лучшего применения. «Тела приводятся в движение одним только толканием»¹¹ – пишет он. Другими словами, признавая внешнее и внутренне движение (этот важный пролог понимания активности) М. Ломоносов видит и в самодвижении всего лишь взаимное механическое «толкание» атомов. И как апофеоз ломоносовской механистичности звучит приговор: «Никакого движения не может произойти естественным образом в теле, если это тело не будет побуждено к движению другим телом». Таким образом, М. Ломоносова можно считать автором одной из первых научно-обоснованных концепций активности. И хотя эта концепция вбирает в себя все недостатки механицизма, отражает низкий уровень развития естественно-научной мысли того времени, односторонне обобщает научные факты ее значение для теории активности достаточно велико.

¹¹ Опыт теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств. Антология мировой философии в четырех томах. – Т.2. – М.: Изд-во «Мысль» – 1970. – С. 725.

Немецкая классическая философия. Одной из самых глубоких идей немецкой классической философии можно считать признание и утверждение активности сознания, постоянного самодвижения, саморазвития человеческого духа. А одним из самых досадных заблуждений – отрыв действительности от отражающего ее сознания, установление почти полной автономии последнего и возведение непроходимых барьеров между мирами реальных вещей и идеями, человеческой душой. Тем не менее, трудами немецких классиков философия вплотную приблизилась к пониманию активности, как универсального свойства мира, прикрывая брешь познания в этом направлении проверенным средством – агностицизмом. Непостижимая разумом кантовская «вещь-в-себе» как раз и содержит причинность внутреннего устройства вещи, которая открывается познанию лишь являющимися внешними формами. «Вещь-в-себе», по И. Канту, включает при ближайшем рассмотрении ее активность, но раскрывать сей «черный ящик» реальности при том уровне развития естественных наук означало бы неизбежно впасть в противоречия, деизм или мистику. Эта трансцендентальность учения И. Канта существенно затрудняет определение в нем взаимной зависимости полуактивного духа и полупассивной реальности. Как сужение непознаваемой сферы и дальнейшее развитие представлений об активности можно рассматривать философию И. Фихте. Собственному «Я» И. Фихте противопоставляет весьма активное «НЕ-Я», олицетворяющее природу, воздействующее на первое и в некоторой мере творящее его. Как видно, активность внешних объектов, природы признается философом, но механизм взаимодействия «Я» и «НЕ-Я» он предпочитает оставить в тени агностицизма, не завершая логически своих представлений.

Еще более активную роль отводит природе в своих ранних работах Шеллинг, нередко одухотворяя материю, отождествляя, по сути, дух и природу. Однако в этом единстве первенство постепенно переходит к духу, а в конеч-

ном результате, к Богу. По этой причине предвещавшая прогрессивную концепцию активности философия природы Шеллинга быстро деградировала в реакционную философию откровения.

Роль современника Шеллинга Гегеля в плане развития теории активности несравненно выше. Мало того, что Гегель указал на основу активности – противоречие, вызывающее движение, он определил к тому же, что противоречие это (почти активность) ведет к изменениям не только внешних форм явлений, но и их внутренней сущности. И если в этом контексте термин «понятие» заменить словами «реальность» или «материя», можно получить представление об активности, по глубине не имеющее аналогов в прошлом. Активность мышления у Гегеля, однако, не отражает соответствующей активности материального мира, а представляет собой некий самостоятельный феномен, самопознающий дух, творчески себя преобразующий. В идеях Гегеля о самопреобразовании мыслящего сознания, пришедших к нему через предшественников (И. Канта, И. Фихте) из древней философии еще более отчетливо видны ростки становящегося активизма. Пожалуй, этим и исчерпывается вклад Гегеля в понятие активности. Его философия природы содержит другую логику и плохо стыкуется с теорией познания. Пассивные низшие формы природного мира Гегеля напоминают известные в истории философии метафизические построения.

Марксистская философия. Вклад марксистской философии в разработку теории активности оценить не просто. Для этого необходим, с одной стороны, объективный и беспристрастный взгляд на творчество К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина. С другой, критическое переосмысление искренней или напускной восторженности последователей их учения, как и предвзятой враждебности оппонентов. Среди распространенных стереотипов отношений к марксизму, в том числе, и его основателям, к сожалению, преобладают (и преобладали всегда по ряду причин) полярные. Тем не менее, ярые

сторонники и непримиримые противники марксизма, так или иначе, отмечают его активистский характер. Однако при этом все они смешивают активность как качество (атрибут) материальных объектов с активизмом как принципом духовного и материального развития. Важно отметить, что приверженность К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина к диалектико-активистским воззрениям очевидна. Каждый из них развивал такого рода взгляды преимущественно в тех или иных сферах науки и практики: в философии природы – Ф. Энгельс, в экономике – К. Маркс, в политике – В. Ленин. Всех их сближала, не смотря на различия интересов, общая позиция в понимании мира, которая лишь намного позже стала складываться в особый теоретический подход – активизм. В деле становления теории активизма, чьи истоки, уместно напомнить, лежат в глубокой древности, заслуга Ф. Энгельса состоит, главным образом, в синтезировании выработанных ранее представлений об активности и движении. Эта неуывдаемая часть его философских воззрений выгодно контрастирует с наивными, банальными, а, порой, с позиций современности кажущимися нелепыми обобщениями, которыми изобилует его главная работа «Диалектика природы» и некоторые другие фрагменты общих с К. Марксом произведений. Столь же выдержаны в духе активизма экономические исследования К. Маркса и многочисленные политические работы В. Ленина. Гораздо скромнее выглядят находки марксистской философии в понимании активности как свойства материи или сознания. Тщательные поиски советских марксистов доказательств причастности великого триумvirата к уточнению природы и сути активности не дали, на мой взгляд, желаемых результатов. Не так много найденных слов и фраз из работ основоположников марксизма на эту тему либо указывают на обыденный смысл, вкладываемый авторами в понятие «активность», либо требуют основательных домыслов для придания «цитатам» силы научных аргументов. Можно согласиться, что в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина избыток критики,

полемики, устаревшей аргументации, исторических экскурсов – этих важных элементов научного творчества, нередко затемняет общую позицию. Возможно, не всегда экономический анализ К. Маркса или политический анализ В. Ленина заканчиваются ожидаемыми обобщениями высокого уровня. Вероятно, в естественно-научных опусах Ф. Энгельса найдется немного оригинальных идей, способных претендовать на бессмертие. Но глубокий синтез представлений об активности и движении материи и на его основе последовательный активизм в творчестве обеспечивают марксистской философии заметную (если не решающую) роль в развитии теории активности.

Современная отечественная философия. Наша философия последних десятилетий добилась больших успехов в построении теории активности. В то время как напуганный социальными революциями в различных концах света, угрожающими его благополучию, Запад занял непримиримую позицию в отношении активизма, в Восточных (прежде всего социалистических или близких им по духу) странах и особенно в СССР разразился настоящий бум в исследованиях активности. Пик научного интереса к проблемам, главным образом, социальной активности приходится на конец 60-х, начало 70-х годов нашего столетия. К тому времени активизм, как принцип развития природы и общества, не был ни определен, ни тем более изучен в должной мере, но интуитивно принят большинством исследователей, поскольку декларировался, зачастую, в форме государственной идеологии. Однако интерес науки касался тогда преимущественно активности, как свойства материальных объектов, а точнее – свойства социальных образований – классов, групп, общества в целом. Разумеется, что решать эти вопросы было невозможно без определения социальной активности отдельной личности. На волне широкого интереса к проблемам активности в качестве побочного продукта были получены тогда и некоторые результаты общеполитического содержания. Надо

отметить, что устремленность исследователей к проблемам активности в то время щедро стимулировалось властями, которые нуждались в доказательной аргументации для пропаганды идеологии социализма и вовлечения населения в его строительство. Условием совместных научно-партийных усилий в разработке теории активности была изначальная констатация общественной значимости изучаемого феномена. Согласно этому условию активной признавалась лишь та деятельность, которая носила общественно-полезный характер. Такое ограничение заранее «очищало» исследуемый объект от многих негативных качеств и приукрашивало картину идейного состояния общества. Источник пандемии активизма середины 60-х годов в нашей стране установить непросто. Почти одновременно в Курске и Красноярске, Москве и Свердловске, Харькове, а чуть позднее в Минске, Новосибирске, Челябинске и других городах страны прошли волны дискуссий, конференций, социологических исследований, посвященных актуальным проблемам активности. Расцвет прикладной социологии, пришедший на то же время, вооружил исследователей мощными средствами познания, существенно углубил и умножил возможности определения социальной активности, факторов ее роста, условий развития. Не удивительно, что столь плодотворная ситуация в науке подготовила почву для возникновения «школ» и направлений в теории активности. Начался необходимый и естественный процесс объединения единомышленников по двум принципиальным позициям. Первую из них характеризовало признание активности, как всеобщего свойства материи (Мордкович В.Г., Нугаев М.А. и др.), вторую – понимание активности, как исключительно человеческого качества, не имеющего аналогов в неживой природе (Афанасьев В.Г., Смирнов В.А. и др.). Дифференциация взглядов на природу и сущность активности шла и по многим другим основаниям. Так, одна часть исследователей практически отождествляла активность с движением (Орлов В.В.), другая считала активность причиной

движения (Мордкович В.Г.), третья – особой характеристикой движения (Смирнов В.А.). Широкий простор для научного творчества в теории активности отражался и в многочисленности более тонких различий, и в огромном потоке диссертационных работ по самым разнообразным проблемам активности.

Прикладное значение теории активности трудно переоценить. Однако в ту пору в силу ряда обстоятельств, обусловленных политической системой советского общества, практическое использование формирующейся теории почти не выходило за рамки поддержки официальной пропаганды, а потому оставалось не существенным. По-видимому, это явилось одной из причин, по которой научный интерес к теории активности в середине 80-х годов также неожиданно исчез, как когда-то (два десятилетия до этого) появился.

Историю философии можно интерпретировать по-разному. Может она быть представлена и как нелегкий процесс усвоения человеческим сознанием простой истины: «мир материален, мир активен, мир движется». Чтобы прийти к этому понадобился тысячелетний путь скитаний среди самых диких фантазий религии и субъективизма. Но вопреки еще не преодоленному стереотипу видеть природу в традиционном свете, человечество неумолимо приближается к эпохе модернизации собственных взглядов на мир. И уже сегодня в этом плане можно сделать некоторые выводы. *Во-первых*, представления человеком активности мира тесно связаны с историческими условиями его жизни. Именно этой причиной объясняется средневековый застой в теории активности, когда активизм для властвующих субъектов становился самоубийственным. На смену ему приходила философия смирения (пассивности), как средство самовыживания, как естественная реакция самосохранения общества, оказавшегося в застое. *Во-вторых*, вопрос об активности либо пассивности материального мира всегда волновал философов и был основой, на которой формировался вопрос-следствие (вто-

ричный вопрос) об отношении материи и сознания. *В-третьих*, интуитивно предвосхищая активное устройство мира, человечество не обладало (и теперь не обладает в достаточной мере) необходимым запасом естественно-научных знаний, а потому не понимало механизмов активности, оставаясь с багажом недоказанных гипотез. *В-четвертых*, натурфилософы во все времена не умели распространять добытые ими законы природы на общественные отношения, а обществоведы, в свою очередь, не умели найти в своем предмете общеполитического смысла. В результате этого в познании природы и общества образовались барьеры, препятствующие пониманию единства материального мира. *В-пятых*, в ходе общественного прогресса происходила и происходит переориентация приоритетов человеческой деятельности: присутствующий в ней акцент перемещается из философской сферы (в древности), в естественнонаучную, социальную, а в настоящее время – в политическую сферу жизни общества. Политика становится наиболее активной частью социальных отношений, в которой наиболее выпукло проявляются элементы и закономерности теории активности. Это позволяет сделать заключение, что поле политики в современных условиях стало наиболее благоприятным пространством исследования активности и активизма.

1.3. Основатели теории активности

В советской научной литературе основоположниками теории активности признавались К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин. И хотя вклад марксизма в этом направлении, бесспорно, значителен, его последователи умудрялись существенно переоценивать заслуги своих единомышленников, одновременно принижая или замалчивая не менее достойные достижения других представителей мировой философской мысли.

Уместно заметить, что активность в силу своей универсальности может быть предметом не только социально-гуманитарных, но и естественных наук. И если первые догадки об активной природе мира следует искать в древней фило-

софии, то разработка теории активности связана, скорее, с успехами естественных наук, по общему признанию на протяжении нескольких веков опережающих в своем развитии науки гуманитарные. Это обстоятельство в какой-то мере объясняет причастность к основателям теории двух мыслителей, имеющих больше различий, чем сходства.

1.3.1. Учение об эманации Прокла Диадоха¹²

Не смотря на солидное литературное наследие и достаточно высокие оценки философской наукой, творчество Прокла Диадоха (412–485 гг.) известно в России лишь узкому кругу специалистов. Переводам, как правило, вторичных источников и комментариям, дошедших до нашего времени работ Прокла, большее или меньшее внимание уделяли наши соотечественники А.Ф. Лосев, С.В. Месяц, А.В. Петров, Ю.А. Шичалин, которые заложили и общие представления о взглядах древнегреческого философа.

Несомненно, что выдающийся ученый Прокл, добровольно погрузивший себя в тень Платона, отличался глубокой логикой своих суждений и сомнительной теологичностью, которая объясняется не столько склонностью к спекулятивному мышлению, в чем его обвиняют некоторые наши современники, сколько скудным багажом человеческого знания того времени. И сотни лет после Прокла многие серьезные мыслители вынуждены были обращаться к религии, чтобы прикрыть «бреши» в далеких от совершенства научных конструкциях. Этот прием позволял науке сохранять целостность картины мира, вытеснять элементы религии из своих моделей постепенно, оставаясь в согласии с человеческой психикой, не терпящей пустот и разрывов.

Важно заметить, что известный знаток и пропагандист платоновского учения Прокл до сих пор явно недостаточно

¹² Хвощев, В.Е. Идеи активности и самодвижения в учении об эманации Прокла Диадоха. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2007. – С. 92–95,

признан как самостоятельная фигура в философии. А между тем, в его работах (особенно в «Первоосновах теологии») едва ли не впервые получил концептуальное оформление вариант теории активности. И если в отдельных догадках об активных началах мироздания Прокл не может претендовать на роль первооткрывателя, то в системном изложении активизма он является, пусть не признанным, основоположником.

Великолепны по глубине и наивности размышления Прокла о «вечном двигателе» вечного движения, о неделимости «первого двигателя» кругового движения, о разделении «движущего» и «движущегося», о предшествующем им «неподвижном»¹³. Проявление активности материальных объектов – самодвижение – четко выделяется Проклом в одном из известных его тезисов: «Все сущее или неподвижно, или движимо. И если движимо, то или самим собою, или другим, то есть оно или самодвижущееся, или движимое иным; следовательно, все есть или неподвижное, или самодвижущееся, или движимое иным»¹⁴.

Самодвижение материальных тел Прокл объясняет их сущностным свойством – самодовлением и придает этому свойству повышенное значение: «Все самодовлеющее или по своей сущности, или по активности (*energeian*) превосходит не-самодовлеющее»¹⁵. По сути Прокл синонимизирует здесь понятия «самодовление», «энергия», «активность», которые и современной наукой разделяются тоже не вполне уверенно.

Не обошел Прокл в своих рассуждениях и вопрос о причинах активности, о причинах проявления «самости» объектов. Вполне естественно, что древний философ не мог постичь единства материи и движения, возможностей взаимного перехода материи и энергии, а потому использовал рас-

¹³ Первоосновы теологии. Антология мировой философии в четырех томах. – Т. I. – Ч. I. – М.: Изд-во «Мысль». – 1969.

¹⁴ Там же, с. 556.

¹⁵ Там же, с. 555.

пространенный в те времена способ преодоления возникающих логических противоречий путем одухотворения самодовлеющих субстанций. «...всякое тело подвижно другим: ведь по [своей] природе оно само себя не может двигать, но благодаря присутствию души движется само собой и живет благодаря душе, и при наличии души оно в некотором смысле есть самодвижное, а при отсутствии души оно подвижное иным, поскольку такова его природа сама по себе, душа же получила в удел самодвижную сущность. В чем она будет присутствовать, тому и передает она самодвижность»¹⁶. Подобное омертвление материи господствовало в науке многие столетия и сохраняет определенную привлекательность в наши дни.

Многочисленные теоретики активности 70-х годов XX столетия были весьма не убедительны в прогнозировании этого человеческого качества, в определении динамики его развития. И поскольку теория активности выстраивалась, главным образом, усилиями представителей социалистической науки, то не удивительно, что основным в их исследованиях был классовый подход, а выводы сводились к неуклонному возрастанию социальной активности рабочего класса. Но даже самым современным глобальным теориям свойственен по этому поводу романтизм, безосновательно увлекающий их сподвижников мечтой о грядущем «золотом веке». Более реалистичный Прокл опирается в своих работах на подход *эманационный*¹⁷, причем делает это дифференцированно для активных и пассивных объектов. Перспективы эволюционного развития в свете эманации выглядят мрачно:

¹⁶ Первоосновы теологии. Антология мировой философии в четырех томах. – Т. I. – Ч. I. – М.: Изд-во «Мысль». – 1969. – С. 557.

¹⁷ Эманация – «философское понятие, специально разработанное в неоплатонизме, означающее переход от высшей и совершенной онтологической ступени универсума к менее совершенным и низшим ступеням. Как тип развития, эманация – низхождение, противоположна восхождению, совершенствованию» (Философский энциклопедический словарь. 2 издание. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия». – 1989. – С. 762).

«Все способное производить превосходит природу производимого»¹⁸. При этом подтверждается естественное разрушительное свойство времени или в современном понимании – нарастание процесса энтропии. Казалось бы, звучит безысходно, как приговор вывод Прокла – «никакое тело по природе не возвращается к самому себе»¹⁹. Более того, «из всего умноженного вследствие эманации первичное совершеннее вторичного и вторичное [совершеннее] следующего за ним, и точно так же последующее»²⁰. Но он же и оставляет надежду, уповая фактически на активное начало мира: «Все первично движущее само себя способно возвращаться к самому себе»²¹. Очевидно, что подобное «возвращение» предполагает энергетическую подпитку и не в последнюю очередь подпитку из внутренних резервов материальных объектов, что проявляется в реализации их «самости». По этой причине «все эманирующее из чего-то и возвращающееся имеет цикличную активность»²². Благодаря этой активности, способности «возвращаться к самому себе» и возможен прогресс, поскольку «из всего возникающего вследствие возвращения первичное менее совершенно, чем вторичное, а вторичное [менее совершенно], чем последующее. Самое же последнее совершеннее всего»²³. Так близко к понятию активности не подходил никто до Прокла, ни много сотен лет после него. Говоря современным языком, пассивные объекты не могут прогрессировать и обречены на регресс и разрушение. Объекты же активные имеют шанс не только на простое воспроизводство, но и на совершенствование. Столь блестящее заключение позволяет преодолеть пессимистическую ограниченность тео-

¹⁸ Первоосновы теологии. Антология мировой философии в четырех томах. – Т. 1. – Ч. 1. – М.: Изд-во «Мысль». – 1969. – С. 555.

¹⁹ Там же, с. 556.

²⁰ Там же, с. 559.

²¹ Там же, с. 557.

²² Там же, с. 556.

²³ Там же.

рии эманации, расширить ее эвристические возможности, а, главное, создать на ее базе теоретическую основу активизма.

К сожалению, следующее заключение Прокла, почти безупречное с точки зрения логики, оказалось ошибочным. «Все способное возвращаться к самому себе имеет сущность, отдельную от всякого тела» – утверждает философ – «Все способное возвращаться к самому себе бестелесно»²⁴. Понадобились полторы тысячи лет научных усилий и гений А.Эйнштейна, чтобы доказать возможность телесной сущности «возвращаться к самой себе». Но возврат этот происходит при участии энергии, которая вполне может восприниматься как субстанция «бестелесная», а, значит, и здесь Прокл был не столь далек от истины.

Определив проявление активности в форме особого вида движения – самодвижения и установив источник «самости» – некоторую бестелесную субстанцию в форме «души», Прокл не упускает возможности проранжировать рассматриваемые им образования. «И сама она (душа – В.Х.) гораздо раньше того, что она передает в силу своего бытия, – рассуждает Прокл. – Следовательно, она, как самодвижная по своей сущности, выше тел, становящихся самодвижными [только] по причастности»²⁵. Встав на лестницу абстракции и понимая, что «душа» не может непрерывно исторгать самодвижение, Прокл обосновывает наличие чего-то «неподвижного», способного управлять «душой». Возникает цепочка, снимающая, по крайней мере, формальные логические затруднения прокловской концепции активности: «...движущемуся предшествует самодвижение, а движущему – неподвижное». Это «неподвижное» в иерархии компонентов движения имеет третий уровень и представляет собой ум, который «движет, будучи неподвижным»²⁶.

²⁴ Первоосновы теологии. Антология мировой философии в четырех томах. – Т.1. – Ч.1. – М.: Изд-во «Мысль». – 1969. – С. 556

²⁵ Там же, с. 557.

²⁶ Там же.

Как видно, эта часть схемы движения, самодвижения и покоя, предлагаемая Проклом, рассматривает единичный изолированный случай. Она не учитывает реально существующего в природе и обществе взаимодействия объектов. Учесть эту составляющую движения помогает категория высшего уровня «единое», которому «причастно все сущее».

Кроме того, причастность единому у Прокла диалектична и не является безусловным и абсолютным атрибутом – «все причастное единому и едино, и не едино», а «все объединенное отлично от того, что едино само по себе»²⁷. Будучи причастными «единому», и «множество», и «объединенности», и отдельные «единицы» несут в себе отпечаток индивидуальной «самости» и даже сведенные вместе отличаются «от того, что едино само по себе».

Единство и различие, прогресс и регресс материальных образований Прокл выводит путем разложения развития на два вектора – «по сущности» и «по активности (energeian)», каждый из которых обладает важной спецификой. «Все сущее эманурует из одной причины – из первой»²⁸ и подвержено, согласно эманационной теории, последовательной и неотвратимой деградации.

Другая составляющая движения сущего, обусловленная бестелесной «душой», создает возможность сущему «возвращаться к себе», обеспечивая тем самым цикличность развития. Вектор «циклической активности» у Прокла разрывает эманационную предрешенность бытия, а сама активность, как способность возвращения к собственным истокам, материализуется в виде двигателя движения. Этот особый вектор движения отражает способность материального образования развиваться за счет собственных внутренних сил, в результате чего оно «получает свое существование само от себя и об-

²⁷ Первоосновы теологии. Антология мировой философии в четырех томах. – Т. 1. – Ч. 1. – М.: Изд-во «Мысль». – 1969. – С. 555.

²⁸ Там же.

ладает самобытной сущностью». Не давая прямого и точного определения самобытности²⁹, Прокл отмечает ее основные свойства и, прежде всего, атрибутивный характер для любого материального объекта. «Все сущее в себе самобытно» – заключает Прокл и разворачивает цепь суждений о самобытности, как важном свойстве сущего. Причем делает это в увязке с энергетикой, активностью объекта: «Все самобытное способно возвращаться к самому себе», как верно и обратное: «Все способное возвращаться к самому себе самобытно»³⁰. Активное и сущностное начала мироздания, которые Прокл различает в ходе своего анализа, он не забывает синтезировать в единое целое: «Все способное возвращаться к самому себе по активности возвращено к самому себе и по сущности».

Самобытность, как атрибут конкретного материального образования, Прокл наделяет общими свойствами:

1. «Все самобытное не рождено...»,
2. «Все самобытное неуничтожимо»,
3. «Все самобытное неделимо и просто»,
4. «Все самобытное вечно»³¹.

Утверждение самобытности, самодостаточности сущего (материи) и активности (самодвижения) разрушает геологическую основу в построениях Прокла. Место божественной первопричины, первоосновы мироздания в них занимают понятия вечного, целого, единого, самобытного, в то время как то, что «основано на ином», переходяще «по сущности или по активности» и представляет собой становление.

Учение неоплатонизма о пассивной эманации материальных образований, интерпретированное Проклом с учетом их внутренней энергетики, может рассматриваться как одно

²⁹ «Самобытный – ...идущий своим путем, самостоятельный в своем развитии» (Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 692.

³⁰ Первоосновы теологии. Антология мировой философии в четырех томах. – Т. I. – Ч. I. – М.: Изд-во «Мысль». – 1969. – С. 560.

³¹ Там же.

из фундаментальных оснований теории активности, объясняющее развитие и перспективы мироздания. В этом плане Прокл не просто превзошел Платона, но и на много веков опередил философов, чьи косвенные догадки впоследствии стали аккумулироваться в более или менее целостные теоретические концепции активности материи и сознания.

1.3.2. Альберт Эйнштейн: синтез массы и энергии

Альберт Эйнштейн (1879–1955) многое успел сделать, как философ, для нашего мировоззрения, не сумев при этом сформировать целостной картины мира. Его современники, восторгаясь теорией относительности, осуждали упорство А. Эйнштейна в построении общей теории. С прагматичных позиций своего времени они предпочитали обходить проблемы своей науки, поступившись логикой и системностью, и продолжать развитие физики при каждом теоретическом затруднении с «нового листа».

Не сумевший в силу философского склада ума с такой же легкостью, как его коллеги, «перевернуть не прочитанную страницу» в физике и математике, автор многих глубоких открытий оставил в наследство человечеству, тем не менее, несколько ярких идей, достойных глубокого осмысления и развития. И среди них особое место занимает закон эквивалентности массы и энергии.

Не вдаваясь в детали, связанные с эквивалентностью, ограничимся самыми общими следствиями этого закона, из которого вытекает, во-первых, что масса (существеннейшая характеристика материи) неразрывно связана с энергией и не может пребывать в пассивном («мертвом», лишенном энергии) состоянии. Во-вторых, энергия не существует в «чистом», «бестелесном» виде, оторванном от массы. В-третьих, при определенных условиях масса может превращаться в энергию, а энергия – в массу. Причем условия такого рода превращений весьма экстраординарны, поскольку сопряжены с усилиями, соразмерными с присутствующей в эйнштейновском эквиваленте константой – скоростью света. Иначе гово-

ря, масса и энергия материального объекта представляют собой сверхустойчивое соединение, определяющее основные свойства этого объекта или масса и энергия сверхпрочно связаны друг с другом, препятствуя разрушению объекта.

Обладая огромной собственной стабильной внутренней энергией, материальное тело, вступая во взаимодействие, становится переносчиком (носителем) «чужой», внешней энергии. В этом случае само тело является пассивным участником движения. Таким же пассивным остается любимый естествоиспытателями маятник, за энергию которого в своих опытах они принимают действие внешней гравитационной силы. Более того, кажущийся «мертвым» неорганический материальный мир, потому и воспринимается человеком как «не живой», что насыщен пассивными энергообменами. И единственная активная сила во всех взаимодействиях, окружающих людей, – гравитация – обусловлена внутренней энергией сверхбольших масс, равномерно рассеиваемой ими в пространство.

«Воображение важнее, чем знание» – считал А.Эйнштейн, но его стремление к точному знанию, в конечном итоге, оказалось тормозом для воображения – физик взял верх над философом. Но это обстоятельство не умаляет того главного, что сделал А. Эйнштейн для науки, установив эквивалент массы и энергии.

2. АКТИВНОСТЬ МАТЕРИИ И МАТЕРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

2.1. Отражение активности объектов естественными науками³²

История естествознания тесно переплетается с историей философии. Поначалу «наука наук» задавала направления поиска естествоиспытателей. Поэтому много сотен лет, начи-

³² Хвощев, В.Е. Активность материальных объектов. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2003.

ная с древности, натуралисты довольствовались в науке ролью статистов, подтверждающих философские идеи строения и развития природы. Только с 15–16 столетий естествознание, благодаря своему бурному развитию, стало отрываться от философии. 20 век в силу новых открытий в естественных науках довел этот разрыв до невероятных масштабов: философы и физики окончательно перестали понимать друг друга. Наступил период концептуального кризиса в физике, когда экспериментаторы, самонадеянно полагаясь исключительно на «здравый смысл», запутались в обобщениях собственных результатов и примирились с абсурдностью своих теорий.

В настоящее время идейный кризис в естествознании продолжает быстро углубляться, а современные естественные науки утрачивают остатки методологичности, превращаясь в противоречивые эмпирические уложения. Разумеется, что этот процесс предопределяет затянувшийся застой в развитии философии естествознания, преуспевшей по сравнению с древней, разве что в освоении тяжеловесной и маловразумительной лексики.

Не смотря на сложившуюся ситуацию, от физики и физиков еще можно ждать определенных открытий, на которые их натолкнут формальные средства (в частности, математика), но нет надежды на появление в ближайшее время столь необходимых для существенных успехов обобщений: слишком долго естествоиспытатели пренебрегали философской культурой, довольствуясь в отсутствие научной теории бытовой смекалкой.

Мало того, в естественных науках прочно укоренилось пренебрежение внутренними процессами, протекающими в объектах. «В глазах физика, по крайней мере до сих пор, нет ничего законного кроме «внешней стороны» вещей»³³ – констатировал один известный философ.

³³ П.Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – С. 54.

Нельзя сказать, что у современных физиков исчез интерес к мировоззренческим обобщениям. Так, П. Девис развивает смелую мысль, что «весь мир управляется единственной верховной суперсилой»³⁴. По этой логике источник суперсилы должен противостоять остальному миру, а сама «первосила» (суперсила) обеспечивать движение (взаимодействие) пассивной и косной материи. В этом примере, перекликающимся с древним философским мистицизмом, заключена распространенная ошибка естествоиспытателей искать вместо общего, скрытого в конкретном, некоторую универсалию, поворачивающуюся к наблюдателю различными гранями. Предметом естествознания был и остается материальный объект, наделенный движением, и по этой причине обладающий бесконечным разнообразием свойств и качеств. Бесспорно, что изучению естественных процессов способствует одно из основных понятий физики – сила, переходящая или не переходящая в движение.

Как ни странно, но понятие силы туманнее всех определяют сами физики. По наиболее распространенному среди них мнению сила – это то, что тянет или толкает вещи. А многие известные авторы учебников по физике и вовсе ограничиваются примерами действия тех или иных сил, вызывая к интуиции читателей. У некоторых такая интуиция срабатывает, и они получают смутные (интуитивные) представления основополагающей категории физики.

Ничего не проясняет и попытка экспериментального определения силы через закон Ньютона. Столь не внятное представление этого важного понятия легко может подорвать доверие к науке при первом же с ней знакомстве. Намного больше научности сосредоточено в обыденных смысловых оттенках силы. В словаре С.И. Ожегова это и мера «механического взаимодействия тел», и «характеристика интенсивно-

³⁴ Девис, П. Суперсила: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. Е.М.Лейкина. – М.: Мир, 1989. – С. 159.

сти физических процессов», и «начало как источник энергии», и состояние напряженности и т.д. и т.п., не говоря уже об употреблении понятия силы в социальном аспекте («физическая или моральная возможность действовать»³⁵).

В общем случае любая сила, едва возникнув, переходит в движение. Движение – естественный способ реализации силы. Как сила, так и движение в естественных науках находят не столько содержательное, сколько количественное выражение. Сила определяется в некоторых условных единицах, движение – в показателях скорости, работы, количества движения... При некоторых, однако, обстоятельствах сила может и не найти выход в движение, оказавшись «связанной» другой силой. Соответствующее движение за ее счет оказывается как бы «отложенным» до момента «освобождения» силы. В этот период «связанную» силу обозначают как внутреннюю энергию тела. Внутренняя энергия – это данное природой или приобретенное свойство объекта, выражающееся в виде его способности к движению. В БСЭ энергия определяется как «общая количественная мера движения и взаимодействия всех видов материи»³⁶. Суше и неопределеннее понимают энергию физики («способность совершать работу»), спорно она толкуется в Краткой философской энциклопедии – «способность на какое-либо достижение, дело; это слово равнозначно активности»³⁷. Точнее активностью следовало бы называть внутреннюю силу и обусловленное ею движение, которое характеризует определенное состояние объекта, его атрибутивное свойство, важнейшее качество.

Рассматриваемый объект может быть приведен в движение и внешней силой. При этом одни составляющие этой

³⁵ Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.

³⁶ Большая Советская энциклопедия. Т. 30 / Гл. ред. А.М. Прохоров – М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1978. – С. 191.

³⁷ Краткая философская энциклопедия. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия». 1994. – 540 с.

силы вызывают изменения в объекте ему не свойственные, навязываемые, другие высвобождают внутренние силы объекта, изменяют его активность. В таких случаях объект является не только проводником внешнего воздействия, но и стороной, принимающей активное участие во взаимодействии. Другими словами, активность любого объекта – это не только его внутреннее качество, отражающее способность к самодвижению, но и свойство определенным образом реагировать на внешнюю силу. Современная физика представляет собой многоуровневую науку. По сути это три специфические области естествознания: макрофизика – описывающая глобальные процессы во вселенной, мидлфизика – классическая наука о взаимодействиях тел на среднем, обыденном, человеческом уровне и микрофизика – устанавливающая закономерности движения недоступных непосредственному наблюдению мельчайших частиц вещества. Все они имеют общий предмет исследования и отличаются лишь его масштабами и связанными с ним особыми свойствами материальных тел. Поэтому последнее столетие проходит не только под знаком углубления физических знаний, но и в поиске обобщающей супертеории, способной объяснять мир, руководствуясь единым научным подходом. На этом пути продуктивным кажется дифференциация естествознания на две принципиально различающиеся части. Одна сосредоточила бы исследовательские усилия на изучении энергообменных взаимодействий, в которых объекты являются всего лишь носителями приобретенной («чужой») энергии и обмениваются ею в ходе контактов. Активность материальных тел, их внутренние силы при взаимодействиях такого рода фактически не проявляются, а, значит, и не учитываются. Такую науку условно можно было бы назвать «Физикой пассивных взаимодействий». С другой стороны, давно установлено, что в отдельных сферах бытия (в социальной, на микроуровне) энергообмен между объектами бывает качественно не равнозначным: действие не вызывает соответствующего противодействия, а пе-

редаваемая одним объектом энергия вызывает не адекватные энергетические изменения в другом. Иногда она будто бы «исчезает», иногда совершает несоизмеримую видимым энергетическим затратам работу, появляясь как бы из «ничего». Объясняются такие явления просто – в процессы взаимодействия на данном уровне вовлекается активность материальных объектов. Сила действия одного из них на другой в той или иной степени расходуется на изменение внутренних сил и преобразование внутренней энергии другого объекта. В результате подобного взаимодействия, по крайней мере, одно из тел меняет свою активность. Такие процессы должны быть предметом внимания «Физики активных взаимодействий». С ее позиций любой материальный объект обладает определенным интегральным качеством – активностью – включающим в себя его силовые, энергетические, рабочие характеристики, которые, в свою очередь, могут быть показателями, составляющими комплексный критерий физической активности объекта. Активность может рассматриваться в «кинетической» и потенциальной форме. Мерой «кинетической» активности материального объекта является внешняя и внутренняя работа, осуществляемая им за счет собственных сил и энергии. Но и тогда, когда работа объекта минимальна, его активность, обусловленная внутренней энергией, может быть достаточно высокой. Эта внутренняя энергия материального объекта служит мерой его потенциальной активности. Активность – величина переменная. Объект может расходовать собственную активность или пополнять ее извне в ходе взаимодействия с другими объектами. Как неотъемлемый атрибут материи, активность представляет собой настолько же неотрывное качество и любого конкретного материального объекта. Активность конечного материального образования ограничена некоторыми пределами. Всякий объект можно охарактеризовать минимальной активностью (A_0), при которой он сохраняет свою целостность, и максимальной (критической) активностью ($A_{кр}$), которую может аккумулировать

данный объект и выше которой происходит «сброс» активности (энергии) объекта в окружающую среду или его качественное преобразование.

На обыденном уровне человек оценивает свойства вещей их бытовой полезностью. Не удивительно, что критерием такой оценки является функциональность и связанные с ней размеры, формы, вес и прочие качества вещи. В физике активных взаимодействий критерием сравнения материальных объектов выступает их активность. Идентичность объектов здесь оценивается равенством их минимальной, критической, текущей (Атек) активностей. $A = \text{const}$ – условие стабильности материального объекта. В зависимости от прикладных задач, стоящих перед исследователем, имеет смысл определять некоторое оптимальное значение активности для данного объекта (Аопт). В распоряжении исследователя, пытающегося изучать параметры активности физического объекта (Ао, Акр, Атек, Аопт), имеются два пути. Первый – экспериментальный – связан с внутренней энергетической «накачкой» объекта и определение опытным путем его Ао и Акр. Второй – аналитический – предполагает изучение внутренней структуры объекта и расчет его потенциальной активности. Классификация объектов по их активности связана с определенными трудностями. Дело в том, что внешняя работа объекта, осуществляемая за счет его внутренней энергии (сил), может принимать труднопоставимые формы электрического, магнитного, гравитационного, сильного и слабого взаимодействий. Каждому из них физики приписывают особую по природе силу. Теоретики уделяют много внимания поискам общих начал разнородных сил взаимодействий. Ими обоснована интегральная концепция электро-магнитного взаимодействия, успешно разрабатываются теории объединения других форм и видов взаимодействий. В естествознании получило распространение оптимистичное мнение о возможностях определения в ближайшее время некоторой универсальной силы (суперсилы), лежащей в основе движения всех материаль-

ных тел. Такое событие могло бы стать важным звеном общей теории активности. Ну а пока с позиций активизма следует различать основные виды активности физических объектов – электромагнитную активность, гравитационную, слабую и сильную активность.

В совокупности перечисленные виды активности образуют некоторую общую физическую активность материального объекта. Особенности активного взаимодействия наиболее заметно проявляются в микромире. Именно там определяющими становятся внутренние силы объектов-частиц, их внутренняя энергия, превалируют активные начала мироздания. Самодействие микромира, непонятое физикой по объективным причинам, вносит настолько существенные поправки в математические модели изучаемых явлений, что аналитики вынуждены изощряться в своих расчетах, используя искусственные «перенормировки» данных для исключения тупиковых ситуаций. Такого рода приемы, позволяя сохранить последовательность и логику расчетов, приносят в жертву суть и содержание физических явлений микромира – активность объектов наблюдения. Формальные (математические) затруднения физиков не сравнимы с трудностями содержательного характера. Лишив фактически «реальные» частицы самодействия, они были вынуждены передать это свойство виртуальным сгусткам энергии, гипотетическим частицам-призракам лептонам, кваркам и им подобным. Более того, решение некоторых частных вопросов теории заставило аналитиков наделять непрерывной активностью вакуум, воскрешая тем самым первобытный мистицизм. Может показаться, что современная физика (особенно в квантовой ее части) оставила методологическую основательность и переключилась исключительно на фрагментарные исследования действительности. На деле это не совсем так. Методологией физики сегодня является математика. Однако форма не может быть надежной опорой постижения истины. Понимая это, служители науки пытаются заложить в основу своих рассуждений одно из важ-

ных свойств материального мира – его симметрию, благо последняя хорошо отражается математикой. Все чаще симметрия физических взаимодействий интерпретируется как едва ли не главный аргумент достоверности теоретических знаний. К сожалению, и при таком подходе самодвижение, взаимодействие объектов чаще всего выбрасывается из рассмотрения по причине обнаруживающейся асимметрии и, следовательно, по причине эстетического неприятия исследователем неказистых, на его взгляд, форм природы и математики.

Человеческая мысль в научном поиске всегда стремилась опереться на простейшие знания об окружающем мире. Приступая к изучению сложного, человек искал «подсказки» в природе, строил воображаемые модели фрагментов действительности, черпая строительный материал из относительно освоенных сфер науки и практики. Вероятно, единство и целостность мира гарантируют определенную корректность построения аналогий даже между, казалось бы, несопоставимыми явлениями. А уж тем более – между явлениями, которые развиваются на основе универсальных свойств природы. Именно по этой причине, думается, следует искать разгадку многих тайн микромира, ориентируясь на модели социальной и биологической форм движения материи. В свою очередь и философское осмысление физических явлений с позиций активизма позволит глубже понять закономерности общественного развития.

Не менее сложные представления об активности складывались и в химии. Еще средневековые алхимики наделяли химические элементы человеческими качествами. К примеру, «сера считалась «активной» и «мужественной», а ртуть – «пассивной» и «женственной»³⁸. Вероятно, что все химические соединения могут быть глубоко поняты только при точ-

³⁸ Лима-де-Фариа, А. Эволюция без отбора: Автоэволюция формы и функции / Пер. с англ. – М.: Мир, 1991. – С. 35.

ном определении в какой мере они являются реакциями, а в какой – акциями.

Можно не сомневаться, что теория активности может стать дополнительным связующим звеном между социально-гуманитарными и естественными науками.

2.2. Векторы активности

Активность может рассматриваться, как и любой феномен, в разных аспектах. Во-первых, в содержательном аспекте, что предполагает описание этого важнейшего человеческого свойства, во-вторых – в плане выявления общих тенденций и законов развития интересующего нас объекта. На почве такой «многослойности» представлений о мире, возможны вполне самостоятельные подходы и научные направления, способные претендовать на автономию, самостоятельность и даже противопоставляться друг другу. Как отражение подобного рода противопоставлений можно рассматривать, к примеру, борьбу диалектики с метафизикой. Но нет оснований полагать, что человеческая мысль ограничится диалектическими или метафизическими взглядами на действительность или даже их синтезом.

Подтверждением этого сомнения является становление и развитие в науке активистских воззрений, суть которых состоит в учете роли субъекта в движении, оценка его «самости», активности, влияния собственной энергии на происходящие процессы. Так, в условиях взаимодействия объектов, наделенных высокими энергиями, активность становится методологической основой, главным фактором познания бытия. Очевидно также, что следует различать *«тангенциальную энергию, которая связывает данный элемент со всеми другими элементами того же порядка...»* и *«радиальную энергию, которая влечет его в направлении все более сложного и внутренне сосредоточенного состояния»*³⁹. Другими словами, активность не только сложное динамичное образование, но и

³⁹ П.Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – С. 61.

качество материального объекта, обладающее определенной направленностью. Причем направленность активности имеет вид результирующей нескольких векторов:

вектор 1 – активность как свойство объекта имеет центробежный характер,

вектор 2 – активность как причина развития имеет центростремительную направленность. В отношении изменяющегося мира в науке сохраняются два подхода в понимании его причин. Первый из них связан с представлениями о случайном характере перемен, механистичен и далек от строгой науки. Второй исходит из природной заданности развития внутренними качествами объектов. Эту заданность, эту предрасположенность материальных образований к определенным формам и видам развития разумно связывать с активностью. Существование активности А. Лима-де-Фариа рассматривает как «процесс автоэволюции, т.е. эволюции, внутренне присущей веществу и энергии»⁴⁰. Свойственное любому объекту «облигатное состояние вещества и энергии»⁴¹ и определяет направленность этого вектора активности,

вектор 3 – активность как взаимодействие, направлен непосредственно на объект взаимодействия.

Можно не сомневаться, что человеческому сознанию с древнейших времен была свойственна активистская направленность. Но только с проникновением науки в макро- и микро- миры появляется острая потребность в исследовании содержания, закономерностей развития и определении направленности активности самых разных объектов, что и составит предмет соответствующей теории.

3. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ФОРМЫ АКТИВНОСТИ

В научном мире до сих пор распространено пренебрежительное отношение к активности объектов. Оно проявля-

⁴⁰ Лима-де-Фариа, А. Эволюция без отбора: Автоэволюция формы и функции / Пер. с англ. – М.: Мир, 1991. – С. 351.

⁴¹ Там же, с. 352.

ется, чаще всего, в игнорировании влияния активной составляющей при анализе самых разных – естественных и социальных – процессов. «Подобная интеллектуальная позиция еще допустима для бактериолога, культуры которого рассматриваются (хотя и не без некоторых значительных трудностей) как лабораторные реактивы. Но она уже гораздо более затруднительна в мире растений. Эта позиция сомнительна для биолога, изучающего поведение насекомых или кишечнополостных. Она попросту никчемна в случае позвоночных. И наконец, она совершенно не применима к человеку, у которого наличие «внутреннего мира» уже не может игнорироваться, поскольку этот факт становится предметом непосредственной интуиции и основой всякого познания»⁴².

Заслуживают внимания, несомненно, промежуточные – между «не живой» и «живой» природой – виды и формы активности – активность минерального мира и вирусная активность. Но особое значение для представления активных начал мира имеет, близкая к социальной, активность биологическая.

Биологическая активность животного мира характеризуется гомеостатической⁴³ направленностью – концентрацией сил на задаче самосохранения организмов. Любые избытки жизненной энергии компенсируются в таких системах интенсификацией репродуктивности или агрессии. Другое дело биологическая активность человека. Энергетические «излишества» людей сверх необходимого для поддержания жизни объема накапливаются и готовы в любой момент материализоваться в виде социальных действий. Такую повышенную энергию и обусловленную ею высокую тягу к преобразованиям Л.Н. Гумилев называл пассионарностью, а индивидов –

⁴² П.Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – С. 54.

⁴³ Гомеостазис – свойство организма поддерживать свои параметры и физиологические функции в определенном диапазоне, основанное на устойчивости внутренней среды организма по отношению к возмущающим воздействиям внешней среды (Философский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1989).

энергоносителей – пассионариями. «Пассионарность – это признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию. Мы назовем таких людей пассионариями»⁴⁴. В общем виде пассионарность есть перенасыщенный энергией биоценоз. Очевидно, что среди историков Л.Н. Гумилев является наиболее ярким представителем активизма, предпринявшим блестящую попытку объяснения исторических событий на основе активности действующих в ней субъектов. Вместе с тем, концепция «пассионарного толчка» с позиций социологии и политологии далеко не безупречна и требует уточнения, а в чем-то, быть может, пересмотра. Так, вызывает сомнение мутационная природа пассионарности и связанная с ней генетическая детерминация причин человеческой активности. Логичнее предположить в последней наличие унаследованной и приобретенной составляющих. Причем наследование потомством высокой пассионарности (активности) родителей, по видимому, нельзя считать бесспорным фактом, не требующим доказательств. Мало того, «пассионарный толчок» охватывает, по мнению Л.Н. Гумилева, лишь меньшую часть будущего этноса (действительно, не может же мутация быть тотальной), задавая новый уровень энергетики незначительного числа руководителей. Новая каста пассионариев должна тогда обеспечить собственное воспроизводство, во-первых, подчинить других членов сообщества, во-вторых, уменьшить конкурентную борьбу с себе подобными, в-третьих. Без выполнения этих условий не произойдет должного пассионарного напряжения системы и, следовательно, не образуется устойчивый этнос. Но и этого недостаточно. Генетические причины роста человеческой активности, бесспорно, уступают по своему влиянию причинам социальным. Их суть сво-

⁴⁴ Гумилев, Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Послесл. С.Б. Лаврова. – М.: Экспрос, 1992. – С. 15.

дится к тому, что по мере научно-технического прогресса высвобождается энергия людей, ранее расходуемая на поддержание жизнедеятельности. Поэтому социальное развитие неизбежно ведет к увеличению пассионарности отдельных индивидов, групп, этносов, человечества в целом. На этом пути современное общество все чаще сталкивается с проблемой разумной реализации излишней массовой пассионарности. Политические руководители при этом все глубже осознают «что в природе человеческого духа заложена потребность быть деятельным самому и побуждать к деятельности свое тело, что поэтому нет необходимости насильно принуждать людей к деятельности, как это делается при нынешнем устройстве общества, а нужно лишь дать верное направление их природной активности»⁴⁵. Такая задача может успешно решаться только с привлечением науки. Без этого, по примеру России, «ведущее положение в обществе занимают субпассионарии – люди с пониженной пассионарностью. Они стремятся уничтожить не только беспокойных пассионариев, но и трудолюбивых гармоничных людей. Наступает фаза обскурации, при которой процессы распада в этносоциальной системе становятся необратимыми. Везде господствуют люди вялые и эгоистичные, руководствующиеся потребительской психологией. А после того как субпассионарии проедят и пропьют все ценное, сохранившееся от героических времен, наступает последняя фаза этногенеза – мемориальная...»⁴⁶.

Есть опасения, что Россия в настоящее время близка к этой фазе развития и, по-видимому, прав А.С. Панарин, что «народы, превращенные в пассивных адептов и элигонов западного опыта, не осмеливающихся посягнуть на западный эталон, лишаются жизненного тонуса и вырождаются»⁴⁷, что

⁴⁵ Маркс, К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 528.

⁴⁶ Гумилев, Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. / Послел. С.Б. Лаврова. – М.: Экспресс, 1992. – С. 18.

⁴⁷ Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – С. 50.

«чем большей энергией заряжен народ как субъект истории, тем более вероятно, что ему удастся обуздать событийный хаос и организовать историю как целостный образ»⁴⁸.

4. СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ

Природа социальной активности сложна и многообразна уже по той причине, что в разное время и в различных условиях она может зависеть от непредсказуемых факторов – политических, экономических, психологических, культурных, а ее проявления носить скрытый, случайный, немотивированный характер. При этом «...индивид выполняет, в буквальном смысле слова, роль мотора, производящего избыточную психическую энергию»⁴⁹ с хаотичным ее расходом.

Советским исследователям 70-80-х годов социальная активность представлялась преимущественно порождением экономических интересов и потребностей человека. При таком подходе большей экономической заинтересованности соответствует более интенсивная социальная деятельность людей и, следовательно, более высокий уровень активности. Несомненно, что экономические интересы и потребности играют важную роль в общественной жизни и нередко являются определяющими факторами поведения людей. Особенно, если под экономическими интересами понимаются жизненно-необходимые средства для существования, которые, действительно, являются сильнейшими стимулами социальной деятельности, а, может быть, и социальной активности.

Сущность и содержание социальной активности, самодеятельности не только таят экономические приобретения, но и содержат в себе очевидную нравственную ценность. Как сумел подсчитать Н.В. Карлов «...из 310 слов, начинающихся со слова «сам», в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», по

⁴⁸ Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – С. 55.

⁴⁹ Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К.Бутырина. – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 20.

моей оценке, 172 вызывают положительное к себе отношение, 46 нейтрально служебны и только 72 несут в какой-то мере отрицательный заряд...»⁵⁰.

Следует отметить, что природа социальной активности русского человека, как не раз замечал Н.А. Бердяев, достаточно религиозна. Но еще важнее, что «религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, напр., к социальным целям»⁵¹. Пожалуй, это обстоятельство, в первую очередь, объясняет симпатии рациональной российской власти к православной религии.

Социальная активность людей во многом определяется активностью их сознания. Значение активности мышления настолько велико, что возникает соблазн обособления сознания, придания ему статуса первопричины всякого движения, противопоставления «мертвому» материальному миру. Такая позиция увеличивает и без того широкий спектр взглядов и мнений по поводу мироустройства. Существующее и поныне разнообразие представлений о мире является следствием различий основных философских понятий и, в первую очередь, бессистемного дискурса понятий «материя» и «сознание». В литературе встречаются употребление категории «материя» в нескольких разных смыслах.

Во-первых, этим термином часто обозначают «все, что есть в мире». В таком понимании «материя» – это сумма тел, вещей, объектов, составляющих окружающую человека действительность, включая самого человека. В известном ленинском определении ясно видится такая позиция, где материя определяется как «философская категория для обозначения объективной реальности»⁵². И в отечественном философском

⁵⁰ Карлов, Н.В. Простое рассуждение // Вопросы философии. – 1998. – №1. – С. 178.

⁵¹ Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – С. 9.

⁵² Ленин, В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 131.

энциклопедическом словаре говорится, что «материя – это бесконечное множество всех существующих в мире объектов и систем»⁵³. При таком подходе сознание – всего лишь специфическая бестелесная субстанция в огромной кладовой природы, а активность сознания – сопутствующее обстоятельство человеческого бытия.

Во-вторых, понятие материи применяется и для обозначая всеобщей основы мира, единой составляющей всех объектов действительности. На этом пути представления материи сталкиваются с определенными логическими трудностями. Одна из них связана с тем, что, как отмечая цитируемый выше В.И. Ленин, в человеческом познании отсутствует более абстрактная категория, под которую можно было бы «подвести» понятие материи. Но так ли уж необходимо определять категорию непременно в рамках другой, более высокого порядка абстракции? И не достаточно ли просто указать на самое существенное свойство исследуемого феномена, чтобы соответствующая ему категория обрела приемлемую определенность?

Известно, что таким общепризнанным свойством материи является движение. Следовательно, материей можно считать то, что движется. Другая трудность здесь заключается в том, что бесконечное многообразие реального мира неизбежно приводит к исчезающе малой его всеобщей основе. Однако бесконечное разнообразие и неисчерпаемость действительности – далеко не бесспорный тезис. Во всяком случае, выпущенный из рук предмет падает непременно на землю, и далеко не все фантазии разума можно обнаружить в реальной жизни. Одни лишь эти примеры приводят к мысли, что разнообразие мира велико, но ограничено. И ограниченность его качественного устройства определяет

⁵³ Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1989. – С. 349.

ся наличием у природы некоторой всеобщей, но вполне конечной, основы. Эта всеобщая основа мира и есть материя. Представление материи как всеобщей мировой основы оставляет исследователю возможность сопоставления материи и сознания в категориях общее и особенное, а противопоставление активности материи и активности сознания теряет какой бы то ни было смысл.

В-третьих, материя понимается – и это наиболее распространенный взгляд с древности – как «все остальное, что не является сознанием, идеями, духом». Каждый, кто противопоставляет материю сознанию вольно или невольно становится на эту позицию – позицию признания самостоятельного автономного, не связанного прямо с косной материей, творческого активного начала мира. Именно эта позиция тщательно прорабатывалась философией и религией на протяжении тысячелетий и привела, в том числе, к малопродуктивным нагромождениям сомнительных знаний. Проявленное и до сих пор проявляемое упорство в этом направлении легко объясняется особенностями человеческого сознания. Дело в том, что, адекватно отражая активные объекты материального мира, человеческий мозг трансформирует их в пассивные образы. Ну а приводит воображаемые образы в воображаемое движение, активизирует их само познающее сознание силой собственной воли. Таким образом, материальный объект и сколь угодно точное его отражение в сознании человека имеют принципиальное отличие в источниках активности: активность первого порождена внутренними силами объекта, в то время как активность его образа сосредоточена в психике и разуме мыслящего субъекта. Это значит, что движение реального объекта никогда не совпадает в точности с движением его образа в мыслящем сознании. Другими словами, активность материи и активность сознания имеют, во-первых, неодинаковые объекты приложения (реальные и идеальные воображаемые копии), во-вторых, принципиально разные источники сосредоточения активности (материальные объекты

и человеческое сознание). Такие качественные различия между активностью материи и активностью сознания объясняют многие противоречия в философских подходах осмысления устройства мира, дают богатую пищу для агностицизма и, конечно, определенные основания для противопоставления материи и сознания.

Однако, как уже отмечалось, отношение материи и сознания является второстепенным вопросом миропонимания. Действительно главным, основным, решением которого проникнута вся история философии, был и остается вопрос об источнике активности материи: является ли материя самодвижущейся или ей движут внешние силы? И если есть такие силы, то им негде больше располагаться как в самом сознании или родственном ему божественном духе.

Жизнь – кратковременное состояние объекта и потому все связанное с конкретными формами жизни хрупко и уязвимо. Чтобы поддержать это состояние некоторое время, природа наделила все живое средствами защиты оптимальными для индивидуального существования и вполне надежными для сохранения вида, типа, рода. Враждебность среды живой организм преодолевает за счет особых свойств, обеспечивающих необходимые таксисы, рефлексы, инстинкты, сложное поведение, деятельность. В этом широчайшем спектре проявлений активности живых объектов к проявлениям активности социальной следует относить лишь узкий диапазон деятельности, характерный только для их высоко развитых представителей. Но именно социальная активность человека определяет его особое место в ноосфере и все достижения человеческой цивилизации.

«Все в истории, в социальной жизни есть продукт активности человека...»⁵⁴ – подметил в свое время Н.А. Бердяев – «существует лишь активность человека и активное отноше-

⁵⁴ Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – С. 81.

ние человека к человеку»⁵⁵. В этих словах Н.А. Бердяева (а он часто в своих работах применял понятие активности) отражается природа социальной активности, как важного, имманентно присущего человеку, свойства.

Несколько иначе природу активности обозначил Э. Фромм: «...активность обычно определяется как такое качество поведения, которое дает некий видимый результат благодаря расходу энергии».⁵⁶ Активность в таком случае представляется характеристикой поведения или деятельности – внешних проявлений внутреннего качества человека, а не самим качеством.

Еще более ясно и определенно эту позицию Э. Фромм высказывает ниже: «Активность – это социально признанное целенаправленное поведение, результатом которого являются соответствующие социально полезные изменения. Активность ... относится только к *поведению*, а не к личности, стоящей за этим поведением. Неважно, активны ли люди потому, что их побуждает к этому какая-то внешняя сила, как, например, рабы, или же они действуют по внутреннему побуждению, как, например, человек, охваченный тревогой. Неважно и то, интересна ли этим людям их работа...»⁵⁷. В таком контексте активность не только теряет самостоятельный категориальный смысл, но и усугубляет логические трудности, обусловленные искусственным разъединением личности и ее деятельности.

В отечественной научной литературе недалекого прошлого были широко распространены термины «социальная активность», «общественная активность», «общественно-политическая активность». В них определения «социальная» и «общественная» чаще всего указывают на субъект активно-

⁵⁵ Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – С. 82.

⁵⁶ Фромм, Э. Иметь или быть?: Пер. с англ. / Общ. ред. и посл. В.И. Добренко. – 2-е изд., доп. – М.: Прогресс, 1990. – С. 95.

⁵⁷ Там же, с. 96.

сти – человека или группу людей, объединенных по тому или иному признаку. В этом смысле гораздо естественнее и логичней пользоваться названием «человеческая активность» подобно кагановскому термину «человеческая деятельность».

Не точно определяя сущность и природу человеческой активности, некоторые серьезные авторы невольно выносят ее источник во внешнюю среду. Весьма характерна в этом отношении позиция А.С. Панарина: «Мы исходим из гипотезы, что главной проблемой современного мира является не дефицит информации, а дефицит энергии. Речь идет здесь не столько об источниках физической энергии, скрытых в природе, сколько об источниках социальной энергии, скрытой в новых формах социальной кооперации и организации»⁵⁸. Соглашаясь с мнением автора об эффективности «новых форм» общественной организации, трудно не возразить по поводу того, что «источник социальной энергии» находится в этих формах, а не в самом человеке или человеческих сообществах.

Нет сомнений, что прогресс индивидов влечет за собой и общественный прогресс. Однако зависимость между личным и общественным развитием не всегда прямая, а рост индивидуальной активности не так быстро сказывается на возрастании активности общества. Поэтому для понимания процессов, особенно политических, следует различать и рассматривать отдельно активность личности и активность общества.

Известно, что человек не свободен от общества и вынужден вступать с ним в определенные отношения. Эти отношения, с одной стороны, связаны с подчинением человека обществу, с другой – с его действиями, направленными на преодоление власти общества, на освобождение от подчиненности. Такие отношения называются политическими, а,

⁵⁸ Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – С. 17.

значит, любое проявление социальной активности личности носит в той или иной мере политический характер.

По какому бы пути не развивалось общество, в нем вынужденно устанавливается некоторое соответствие между личностной и общественной активностью.

В идеальном случае активность личности предполагает ничем не ограниченную ее активность. Темпы общественного прогресса, однако, зависят от социально направленных усилий индивидов, и поэтому общество стремится регулировать индивидуальную активность своих членов. Противоречие между активностью личности и активностью общества порождает социальные конфликты, снять которые или ослабить призвана идеология.

Строго говоря, широко известные идеологии можно отнести к одной из двух больших групп, дифференцированных на основании приоритета активности. *Первая* группа содержит разнообразные идеи, утверждающие приоритетность личности, и представлена разновидностями либерализма. Для либерализма с позиции теории активности «...все зависит от того, как заведена наша машина»⁵⁹: «Быть активным – значит дать проявиться своим способностям, таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми – хотя и в разной степени – наделен каждый человек. Это значит обновляться, расти, изливаться, любить, вырваться из стен своего изолированного «я», испытывать глубокий интерес, страстно стремиться к чему-либо, отдавать»⁶⁰. *Вторая группа идеологий* исходит из главенства общественных интересов и потребностей, социальной активности и включает различные социалистические течения. «В человеке мыслит и творит не он сам, а социальный класс, к которому он принадлежит, он мыслит и творит, как дворянин, крупный буржуа, мелкий буржуа или

⁵⁹ Ламетри, Ж.О. Соч. – М., 1983.

⁶⁰ Фромм, Э. Иметь или быть?: Пер. с англ. / Общ. ред. и посл. В.И. Добренюков. – 2-е изд., доп. – М.: Прогресс, 1990. – С. 94.

пролетарий»⁶¹ – небезосновательно считают сторонники социализма. И даже более категорично – «...активным субъектом, который освободит человека от рабства и создаст лучшую жизнь, является пролетариат»⁶².

Социальная активность для идей первой группы и активность личности для второй являются всего лишь факторами, с которыми в определенной мере предлагается считаться. При этом современный либерализм, проповедуя приоритет индивидуальной активности, вынужден расширять круг социальных ограничений для активно действующего индивида, обеспечивая определенную гармонию между личностью и обществом. В свою очередь, социализм, уповая на общественную активность, не может игнорировать личные инициативы граждан без ущерба для общества в целом. В итоге и социалистические идеологии дрейфуют в сторону индивидуализма, приближаясь к некоторому оптимуму активности личности и общества, симбиозу, в котором непросто разделить индивидуальные и коллективные начала.

С позиций теории активности, казалось бы, противоположные идеи либерализма и социализма по сути стремятся к одной цели, диктуемой практикой. Однако реальное движение в одном направлении у их приверженцев происходит из разных первоначальных позиций и идет не одинаковыми путями. А это существенно сказывается на политической жизни общества и судьбах людей.

Тем не менее, какими бы путями не реализовывалась активность, какие бы формы она ни принимала ее изначальная природа и сущность одинаковы, и каждый человек обладает большей или меньшей активностью. Эта активность включает в себя несколько различных составляющих. Во-первых, она содержит активность природного вещества, из

⁶¹ Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – С. 80.

⁶² Там же, с. 81.

которого состоит человек. Оценка доли этой энергетической составляющей в человеческой активности весьма затруднительна и, зачастую, ей просто пренебрегают. И, по-видимому, напрасно, так как физико-химические процессы в организме влияют на социальную активность в большей степени, чем принято полагать. Во-вторых, активность человека включает его активность как живого организма, наделенного сложным биологическим механизмом. И этой составляющей пренебрегать недопустимо из-за возможности потери существенных свойств человеческой активности. На биологическом уровне проявление социальной активности особенно трудно отличать от пассивного поведения, «...поскольку меня определяют и насилуют мои собственные потребности, насилие над мной совершает не нечто чуждое, а лишь моя собственная природа, являющаяся совокупностью потребностей и влечений...»⁶³. По этой причине активность человека, как свойство живого организма, недооценивают многие исследователи, заведомо принижая суммарный уровень социальной активности. В-третьих, человеческая активность содержит, свойственный исключительно человеку, специфический компонент, основанный на сознательном, свободном, творческом выборе и реализующийся в его социальной деятельности.

Перечисленные составляющие, органично сочетаясь, образуют единое целое. Нетрудно убедиться, что авторы работ по проблемам социальной активности непременно позиционируют последнюю с понятием социальной деятельности. «Социальная активность является мерой социальной деятельности»⁶⁴ – можно прочесть у В.А. Смирнова, а чуть выше по тексту (у него же) еще более сомнительное утверждение: «понятие «социальная активность» имеет право на самостоятельное существование лишь как важнейшая характеристика

⁶³ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. .

⁶⁴ Смирнов, В.А. Социальная активность советских рабочих: (Некоторые методол. и социол. аспекты проблемы). – М.: Политиздат, 1979. – С. 23.

социальной деятельности»⁶⁵. Как будто мало примеров не реализованной активности, не нашедшей воплощения в деятельности или проявившейся в ней лишь частично. Примеров, которые могли бы составить при минимальном воображении некоторое «бытие несвершившегося»⁶⁶, основанное на потенциальной активности.

Аналогично А.В. Ключев социально-политическую активность определяет как сознательную, самостоятельную, целеустремленную, но все же деятельность. Такое же, пусть и с некоторыми оговорками, понимание социальной активности у В.Г. Мордковича, М.А. Нугаева и многих других исследователей. Уместно напомнить, что значительную часть человеческих действий составляют не сознательные, не осознанные, не целесообразные, а случайные, механические, нередко даже противоречащие здравому смыслу и целям, поступки. В таком случае мерой деятельности становится активность «отчужденная», которая, по сути, активностью не является. Здесь трудно возражать Э. Фромму, что «в случае отчужденной активности я не ощущаю себя как деятельного субъекта своей активности; скорее я воспринимаю *результат* своей активности как нечто такое, что находится «вне меня», выше меня, отделено от меня и противостоит мне. При отчужденной активности я, в сущности, не действую, *действие совершается надо мной* внешними или внутренними силами»⁶⁷. Подобная «чужая» деятельность не может быть прямо соотносена, а тем более измерена внутренней энергией человека. В современном обществе все чаще «...активность приобретает принудительный характер: *индивид должен быть*

⁶⁵ Смирнов, В.А. Социальная активность советских рабочих: (Некоторые методол. и социол. аспекты проблемы). – М.: Политиздат, 1979. – С. 23.

⁶⁶ Модестов, С.А. Бытие несвершившегося. – М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. – 176 с.

⁶⁷ Фромм, Э. Иметь или быть?: Пер. с англ. / Общ. ред. и посл. В.И. Добренко. – 2-е изд., доп. – М.: Прогресс, 1990. – С. 96.

деятелен, чтобы побороть свое чувство сомнения и бессилия. Усилия и активность такого рода происходят не из внутренней силы и уверенности в себе; это отчаянная попытка избавиться от тревоги»⁶⁸.

Другое дело – активность «неотчужденная». «Неотчужденная активность – это процесс рождения, создания чего-либо и сохранения связи с тем, что я создаю. При этом подразумевается, что моя активность есть проявление моих потенций, что я и моя деятельность едины»⁶⁹. И это единство, верно подмеченное Э. Фроммом, позволяет считать «неотчужденную» активность мерой социальной деятельности человека, равно как и обратно – «неотчужденную» деятельность принимать за меру социальной активности субъекта.

Человек – существо актуально и потенциально активное. Его активность может проявляться в деятельности. Но не только. Прав П.А. Сорокин, что человеческое общество, изучаемое лишь на основе внешних действий людей, представляется исследователю в виде суммы взаимодействующих физических тел, лишенных богатства социальных связей. Вся палитра человеческих отношений открывается только тому наблюдателю, который может разобраться и в человеческой активности, проявляющейся в бездеятельности. В одной из своих социологических работ П.А. Сорокин со ссылкой на Л.И. Петражицкого разделяет «безделье» на два психологических вида актов – «воздержание» и «терпение». «Первые акты есть акты пассивные, – заключает П.А. Сорокин – состоящие в воздержании от каких-либо действий, а вторые есть акты активные, состоящие именно в терпении ряда воздействий, исходящих от других людей»⁷⁰. На этом основании в классификации человеческого поведения на три состав-

⁶⁸ Фромм, Э. *Иметь или быть?* Пер. с англ. / Общ. ред. и посл. В.И. Добренко. – 2-е изд., доп. – М.: Прогресс, 1990. – С. 84.

⁶⁹ Там же, с. 97.

⁷⁰ Сорокин, П.А. *Человек. Цивилизация. Общество* / Общ. ред., сост. и предисл. Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 52.

ляющие (деятельность, терпение, воздержание) им учитываются активность субъекта. Терпение и воздержание, по мнению ученого, прямо связаны с активностью людей, указывают на ее наличие либо отсутствие, чего нельзя сказать о деятельности, которая может быть разделена на активную и пассивную составляющие. Выполнив такое деление, пассивную часть действующих людей необходимо объединить по признаку отсутствия активности с воздерживающимися от всяких действий. Тогда получим следующую укрупненную классификацию человеческого сообщества по активности его членов – активно действующие личности, субъекты, проявляющие терпение, и пассивные индивиды.

Каждый человек может быть охарактеризован интегральным показателем, определяющим его поведение в обществе. Стоящее за этим показателем человеческое качество делает организм личностью. Давно замечено, что личность человека – величина мерная, интуитивно оцениваемая как самим субъектом, так и окружающими его соплеменниками в широких диапазонах различий: от крупной до мелкой, от большой до незначительной, от интересной до скучной... При этом важной характеристикой личности является ее энергетика, обеспечивающая направленность и интенсивность действий в общественной среде. Такой интегральный признак в литературе, как правило, называют характером человека. Человеческие характеры отличаются разнообразными чертами. Среди них – настойчивость, энергичность, упорство, способность жертвовать собой ради идеала, уважение к законам, способность владеть собой, своими инстинктами, стремление ставить цели и добиваться их, противопоставлять ближайшему интересу будущий и т.п. Совокупность в различной степени развитых черт характера человека составляют некоторую его модель, позволяющую предсказывать поведение в тех или иных жизненных ситуациях. Однако понятие человеческого характера, разрабатываемое преимущественно психологией, включает в себя ряд общих и конкретных парамет-

ров, не обладающих необходимой устойчивостью, ситуационных, случайных, а потому не пригодных для идентификации личности. Среди многообразия характеристик человека особенно выделяется одна – способность к деятельности на основе внутренних побуждений, выражающаяся и раскрывающаяся непосредственно в самой деятельности людей. Эту человеческую способность и ее реализацию в соответствующей деятельности разумно считать социальной активностью личности. Социальная активность у разных людей не одинакова по величине и качеству.

В свою очередь, широко распространенная пассивность также не является чем-то однородным, хотя в большинстве случаев ее причина одна: «...индивид хорошо понимает, что его роль в жизни незначительна, что он, скорее, жертва неподвластных ему сил, нежели активный деятель...»⁷¹.

Среди многообразия форм социальной пассивности нередко встречается такой феномен как «приобретенная беспомощность», который описан в психологической литературе. По мнению исследователей, к негативному раздражению, если оно не превышает некоторый порог, у объекта вырабатывается терпимость, привыкание и формируется парализующая беспомощность. Такое свойство, как доказано физиологами, является приобретенным в результате аверсивного воздействия, а главное – состояние беспомощности препятствует спасительному научению⁷².

Социальная растерянность и психологическая незащищенность россиян нещадно эксплуатировались в постперестроичный период. Расплатой тому – глубокая социальная депрессия и снижение конструктивной активности значительной части граждан. Возможно, что это – одно из самых тяжелых последствий слабо стимулирующей рост социальной

⁷¹ Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К. Бутырина. – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 79.

⁷² Годфруа, Ж. Что такое психология. – Т. I / Пер. с франц. – М.: Мир, 1996. – С. 340.

активности населения внутренней политики и главная причина кризиса, который скрывается за фасадом относительного благополучия, выстроенного на нефтедоллары.

4.1. Социометрия социальной активности

Общеизвестно, что люди отличаются друг от друга коммуникабельностью, интеллектом, энергичностью, трудоспособностью и многими иными качествами. Отличаются они и уровнем собственной активности. При этом можно предположить, что столь фундаментальное свойство человека как активность должно в значительной мере определять все его поведение и существенно сказываться на результатах деятельности. Отсюда понятен интерес к измерению объема (уровня) активности отдельного индивида и оценке состояния активности объединения людей или общества в целом. Очевидно, что количественное выражение активности по ряду причин затруднительно. Во-первых, в силу сложности феномена его измерение предполагает разработку комплексного показателя, включающего множество далеко не бесспорных признаков. Во-вторых, как сам набор признаков, так и требуемые для каждого из них шкалы, оставляют место для значительного субъективизма, вносимого в измерение исследователем. В-третьих, самооценки обследуемых, включаемые в индикаторы активности, нередко неадекватно отражают соответствующие свойства личности. Отсюда видно, что измерение человеческой активности может нести в себе большие погрешности и должно восприниматься как ориентировочное.

Ни для кого не секрет, что социальная активность субъектов является величиной переменной. Это отмечают все исследователи феномена. С той лишь разницей, что одни предпочитают по этому поводу абстрактные рассуждения, другие – стремятся к конкретному и обязывающему измерению уровней социальной активности. Такого рода смелых попыток в советской социологии было достаточно. Однако следует отметить, что при мелких различиях на природу и сущность социальной активности большинство авторов работ в этом

направлении весьма однообразны в вопросах ее измерения. Для всех из них свойственно представление социальной активности как некоего сформированного определенным образом качества людей, обладающего неоднородностью индивидуального развития и неравномерностью общественного распределения. Исходя из этого, делались попытки создания комплексного критерия социальной активности на основе совокупности ее признаков. Разумеется, что такой комплексный критерий предполагал количественное выражение и должен был допускать сравнение различных субъектов социальной активности по уровню развитости в них этого универсального свойства. Характерной чертой социометрии того времени был деятельностный подход к представлению активности. Социальная активность в свете этого подхода дифференцировалась на трудовую (производственную), общественно-политическую, досуговую составляющие с некоторыми малосущественными добавлениями (познавательная активность, творческая и т.п.). При этом индекс социальной активности превращался в некоторую сумму трудовой, общественно-политической и досуговой активностей людей, показатели которых, в свою очередь, представляли собой соответствующие сложные составные индикаторы. Именно на этом этапе начинались, в конечном счете, непринципиальные, различия в измерениях. Наиболее простой и удовлетворительный способ количественного выражения видов социальной активности был предложен в начале 70-х прошлого столетия В.Г. Мордковичем. Любой вид социальной активности, по его мнению, может быть представлен вариациями в заданных диапазонах следующих признаков: участие в практической деятельности (участие-неучастие), ценностное отношение субъекта к этому участию (положительное—отрицательное), инициативностью действий (от минимума до максимума) и временными затратами на реализацию данного вида активности. Группируя и суммируя полученные цифровые ряды значений видовой активности, В.Г. Мордкович определил их ос-

новые уровни – высокий, средний, низкий, пассивный. Проведя ту же операцию со всеми видами социальной активности, нетрудно получить обобщенный показатель, характеризующий в целом тот или иной субъект. В своих исследованиях автор не раз доказал зависимость многих свойств и качеств человека и групп людей, особенностей их поступков от уровня социальной активности, измеренного по предложенной им методике. Вероятно, эти результаты нельзя не признать косвенным подтверждением состоятельности теоретических и практических усилий В.Г.Мордковича в этом направлении.

Намного сложнее, но в итоге также приемлемо, сконструировал обобщенный показатель социальной активности В.А. Смирнов. В его понимании формы социальной активности (производственно-трудовая, общественно-политическая активность, активность в сфере духовной культуры и быта) включают в себя три основных звена – знания, убеждения и действия, а «структура социальной активности есть сплав двух «срезов», условно могущих быть названными «вертикальным» (расчленение активности на ее структурные звенья – знания, убеждения, действия) и «горизонтальным» (деление активности на ее основные формы и виды)»⁷³. Такой подход, по мнению автора, позволяет проследить развитие социальной активности объектов и вширь, и вглубь, хотя, на мой взгляд, не совсем оправданно усложняет процедуру исследования, обеспечивая примерно те же результаты и выводы. Уместно заметить, что большинство авторов работ по проблемам социальной активности не особенно обольщались относительно возможностей разрабатываемых ими методов для сравнительного анализа различных субъектов. Было очевидно, что каждый из многочисленных индикаторов, включаемый в комплексный показатель социальной активности, измеряет не столько уровень развития искомого интегрального

⁷³ Смирнов, В.А. Социальная активность советских рабочих: (Некоторые методол. и социол. аспекты проблемы) – М.: Политиздат, 1979. – С. 30.

качества человека, сколько степень организованности внешней среды, вовлеченности субъектов в те или иные виды деятельности. Этот недостаток всех измерительных систем социальной активности пытался преодолеть В.А. Смирнов путем введения «эталонной активности», приписываемой некоторой «идеальной модели». Вполне банальная для того времени идея «эталонирования» человеческой деятельности, перспективно использованная автором в отношении социальной активности, к сожалению, по ряду причин не получила дальнейшего развития.

Рассмотрев два, наиболее принципиальных подхода к измерению социальной активности субъектов, нельзя не отметить и множество других, пусть более примитивных и уязвимых для критики. Все они сводят составные части социальной активности к тем или иным формам деятельности или их совокупностям, как правило, организуемым по воле управляющих: социалистическому соревнованию, участию в трудовых починах и движениях, изобретательству и рационализаторству, выполнению общественных поручений, надуманному самоуправлению и т.д. и т.п. (см., например, работы Е.Г. Комарова). Положительно оценивая значение достижений советских социологов в измерении социальной активности, нельзя не отметить в их трудах серьезного аналитического изъяна – опоры на проявления деятельности. В результате тщательно возводимые конструкции на базе идеологически навязанных форм производства и общественной деятельности рухнули с началом перестройки и отходом от государственной идеологии. Социология активности, потеряв при этом основу для измерений, быстро пришла в упадок⁷⁴.

Можно не сомневаться, что в третьем тысячелетии теория, в том числе, социометрия активности будет востребована

⁷⁴ Хвощев, В.Е. Кризис теории активности и его причина // Тезисы докладов и выступлений республиканской научно-теоретической конференции «Россия на пути реформ: основные парадигмы развития общества» – Челябинск, 1998.

наукой и практикой. Несколько обстоятельств современной российской жизни затрудняют исследование социальной активности населения, а, следовательно, и построение соответствующей теории, какой бы перспективной она ни казалась.

Во-первых, исчезли организованные, укоренившиеся за годы советской власти, формы жизнедеятельности людей, а вместе с ними возможности количественной оценки массовой деятельности.

Во-вторых, произошли существенные изменения в структуре занятости населения и на этой почве дезориентация исследователей относительно трудовой деятельности субъектов.

В-третьих, с начала века наметился спад политической и в целом общественной самодеятельности россиян, спад протестных движений, которые с определенными оговорками можно было бы использовать в качестве индикаторов социальной активности.

На этом фоне может возникнуть впечатление, что социальная активность россиян резко пошла на убыль. Такой вывод прямо вытекает из признания человеческой деятельности мерой социальной активности. Однако при подобном подходе не учитывается скрытая, потенциальная составляющая активности субъектов. Логично предположить, что *активность как родовое качество человека весьма устойчива, а фиксируемые колебания ее значений отражают лишь изменения соотношения потенциальной и «проявленной» составляющих.*

Учитывая перечисленные трудности измерения социальной активности в современных российских условиях, разумно было бы отказаться на время от «деятельностных» проявлений активности, доверившись субъективным самооценкам измеряемых. Эта предпосылка проверялась нами в ходе нескольких масштабных социологических исследований политической активности.

Для определения политической активности опрашиваемых задавался прямой вопрос, сопровождаемый предложением отнести себя к одному из предложенных уровней активности:

высокому («В» – политически активным людям, хорошо разбирающимся в политике, готовым участвовать в митингах, демонстрациях забастовках...),

среднему («С» – умеренно активным, разбирающимся в политике, следящим за политическими событиями и не более),

низкому («Н» – пассивным и не интересующимся политикой).

По данным опроса 2001 года, проведенного в Юго-Восточном регионе РФ⁷⁵, соотношение уровней активности составляло – В:С:Н = 9,5:67,8:22,7, а в сопоставимом опросе 2004 года⁷⁶ – В:С:Н = 6,8:72,3:20,9. Сравнительный анализ динамики активности не входит в задачи нашего исследования. Достаточно констатировать, что зафиксированные по такой методике уровни политической активности выглядят намного скромнее аналогичных данных московских и свердловских опросов, но в то же время кажутся более реалистичными. На полное понимание респондентов в ходе опроса указывает и тот факт, что количество не ответивших на вопрос об активности оказалось минимальным.

Мало того, факторный анализ социологических материалов приводит к выводу, что в группы «В», «С» и «Н» входят люди с разными, но вполне ожидаемыми для высокого, среднего и низкого уровней, социальными характеристиками.

Вместе взятое это означает, что методика субъективных самооценок уровня активности приемлема для исследовательских целей.

⁷⁵ См. Динамика социально-политического развития российско-казахстанского приграничья (2000–2005 гг.). Материалы социологических опросов / Под редакцией В.Е. Хвощева. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – С. 30.

⁷⁶ Там же.

4.2. Проявления социальной активности

Многие из советских авторов работ по человеческой (социальной) активности видят единственную возможность ее исследования в ходе практической реализации. Вероятно, что столь однозначные суждения навеяны откровенным бихевиоризмом В.И. Ленина, который, критикуя когда-то Михайловского, высказался весьма недвусмысленно: «по каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей...»⁷⁷. Однако от животного человек отличается еще и тем, что о своих «помыслах и чувствах» он может достаточно точно рассказать, пользуясь специфически человеческим средством общения – языком. А это дает возможность обнаружить, охарактеризовать и даже измерить некоторое состояние человека, предшествующее деятельности, и тем самым с большой вероятностью спрогнозировать «действия этих личностей». Отсюда следует, что человеческая активность может являться нам как в виде реальных действий – общественной практики, так и в виде «преддействия», внутреннего качества, свойства, готовности к определенному поведению, отражающемуся в виде, например, общественного мнения.

Вряд ли можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что «активность не может быть обнаружена иначе как в действии»⁷⁸. Их ссылки по этому поводу на классиков марксизма сегодня не воспринимаются как аргумент, исключающий всякие сомнения. Более того, нередки случаи, когда бездеятельность при определенных обстоятельствах становится проявлением социальной активности субъекта. Не говоря уже о таком явлении, как общественное мнение, которое в настоящее время стало вполне реальной, осязаемой,

⁷⁷ Ленин, В.И. Полн. собр. соч., т.1, с. 423.

⁷⁸ Общественно-политическая активность трудящихся (Проблемы методологии, методики и техники социологического исследования) / Отв. ред. Л.Н.Коган, – Свердловск: РИСО УФАИ СССР, 1970. – С. 28.

влиятельной силой, заставляющей считаться с собой власти всех уровней, но не проявляющейся непосредственно в конкретной деятельности. Очевидно, что в условиях демократии роль общественного мнения существенно возрастает, поскольку от его состояния зависят результаты выборов в органы власти, а, следовательно, расстановка политических сил. Но и в авторитарных режимах общественное мнение может выступать предвестником социальных движений, способных разрушить государственные устои. Именно поэтому изучению общественного мнения уделяется большое внимание во всех цивилизованных странах мира.

Современные обществоведы научились обнаруживать и измерять общественное мнение до того момента, когда оно воплощается в социальной практике, оказывать на него формирующее влияние и даже откровенно манипулировать мнениями людей. Множество самых разнообразных субъектов стремятся подчинить своей воле общественное мнение и тем самым обеспечить себе фактическое руководство обществом. Мотивы таких устремлений понятны: при определенных условиях общественное мнение легко материализуется в конкретные действия и может иметь осязаемые последствия. Или остаться духовным образованием и через некоторое время бесследно исчезнуть. Однако и в том и другом случае общественное мнение оказывает влияние на социальное развитие общества. Поэтому в демократическом государстве есть потребность в исследовании этого феномена, его формировании и использовании в организации публичной власти. При этом актуальным становится вопрос об обнаружении, измерении, анализе общественного мнения на этапе предшествующем его реализации в деятельности субъекта. На этом этапе общественное мнение существует в виде субъективных оценок, суждений, представлений людей о тех или иных сторонах действительности. Известно, что по своей природе общественное мнение является вполне определенным, «созревшим» для социальной деятельности отношением, сдерживаемым от

немедленной реализации, как правило, лишь некоторыми внешними условиями и обстоятельствами. Другими словами, общественное мнение как состояние, свойство своего носителя – человека представляет собой его предметно-ориентированную активность или проявление активности в виде социально-мотивированного отношения.

4.2.1. Дискурс социальной активности⁷⁹

Для современного социально-гуманитарного мышления характерна весьма важная и недавно приобретенная особенность, которая объясняет и многие зигзаги научного знания. В погоне за консенсусом в общественных отношениях и в угоду власти наука перестала замечать свойственную природе и социуму внутреннюю поляризованность. Перестраиваемые на новом фундаменте общественные науки окончательно утрачивают представление о мире как синтетическом единстве взаимодействующих противоположностей. Не утруждая себя анализом противоречий развития, многие исследователи стали довольствоваться описанием какой-либо из его сторон, пренебрегая системностью видения общей картины ради изучения отдельных фрагментов. Фрагменты эти, как бы они не противоречили друг другу, объявляются более или менее равноценными и включаются в накапливаемый конгломерат знания. В политологии такая тенденция к одностороннему толкованию явлений и процессов особенно заметна, если не сказать больше – политическая наука и практика, как наиболее активные, по крайней мере, в России агенты постмодерна, навязывают философии, социологии, истории, другим социально-гуманитарным наукам пассивную, приторно миролюбивую, лишенную борьбы и противостояний позицию.

⁷⁹ Дискурсология: методология, теория, практика: доклады Второй Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийяра / под общей редакцией В.Е. Хвошева. 4 декабря 2007 г. Том 3. (Серия «Дискурсология». Выпуск 7) – Екатеринбург, Челябинск: Издательский Дом «Дискурс-Пи», Изд-во ЮУрГУ, 2008. – С. 5–12.

На этой почве усилиями отечественных исследователей в настоящее время широко развернулось творческое освоение интеллектуального импорта. И среди новейших заимствований российских социальных наук у западной мысли особое место занимает понятие дискурса. Подхваченное из чуждого господствующему в нашей стране материализма источника, это понятие приобрело многочисленных сторонников своей кажущейся новизной и оригинальностью. И как часто бывает в подобных случаях, на базе лингвистических новаций зарождается скороспелое направление научной мысли, не обремененное фундаментальной проработкой. Вероятно, в период становления науки подобная ситуация имеет оправдание, однако, набор современных знаний под вывеской дискурсологии стал настолько обширен, что назрел переход от накопления дискурсивного опыта, в чем есть заметные успехи, к разработке целостной концепции дискурса.

Не претендуя на построение такой системы, рискну обозначить лишь главные, на мой взгляд, ее параметры, требующие дальнейшего осмысления.

Несомненно, что поиск корней дискурсологии предполагает уточнение едва ли не самого *популярного* и *неопределенного* в настоящее время понятия дискурса.

Его *популярность* кроется в глубоко ошибочном преклонении, получившем распространение в науке, перед языковыми формами человеческого общения. Надежность знания о мире, зашифрованного в языке, многими нашими современниками безосновательно преувеличивается. Еще со времен Эзопа хорошо известно на какие кульбиты способен наш язык. А после К. Маркса, казалось бы, не осталось сомнений, что языковые формы обслуживают интересы людей и их групп, весьма косвенно, относительно отражая действительность.

Неопределенность понятия (взгляните только на разноплановые формулировки дискурса, тщательно подобран-

ные О.Ф. Русаковой⁸⁰) неизбежно ведет к беспредельному расширению спектра его толкований, попыткам придать ему гипертрофированное значение вплоть до беспредельного – «все есть дискурс». И хотя современные дискуртологи не слишком спешат с такого рода обобщениями, предпочитая ворошить конкретное «лоскутное одеяло из мыслей, слов, предметов, событий, действий и взаимодействий в Дискурсах»⁸¹ и удивляться разнообразию человеческих мнений, рано или поздно им придется решать вопросы, связанные с природой дискурса, его содержанием, отношением дискурса к действительности и многие другие.

Размышляя о дискурсе, необходимо, прежде всего, определиться по отношению к нему с собственной методологией, сделав банальный для материалиста выбор между двумя давно обозначившимися мировоззренческими позициями: является ли дискурс человеческим отражением объективно существующей реальности или он и есть непосредственно та самая реальность? Странники первого подхода для объяснения проблем дискурса вынуждены, рано или поздно, обращаться к сущности и социальной природе человека, второго – в лучшем случае, к его психологическим особенностям, связанным со спецификой человеческих ощущений. Это второе – скорее, медицинское представление о человеке и его дискурсе, по сути, сливается с субъективизмом Д. Беркли и Э. Маха, а последовательное отстаивание подобного взгляда неизбежно ведет к пониманию реальности как некоторого дискурсивного «комплекса».

Преодоление неопределенности понятия, в обозначении которого лежат иностранные слова, логично искать, по видимому, в соответствующих словарях. К примеру, в любом

⁸⁰ Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология». Выпуск 1) – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2006. – 210 с.

⁸¹ Там же.

словаре английского языка встречается слово **discourse** (рассуждение, лекция, доклад, речь, беседа, разговор, трактат).

Естественным и логичным выглядит на его (**discourse**) основе сформировать понятие **дискурс**, которое бы отражало определенное свойство того или иного субъекта, его способность воспроизводить в той или иной форме (письменной или устной) свои представления о том или ином объекте или предмете.

Тех, кто рассматривают дискурс как вполне самостоятельный фрагмент реальности, как феномен, оторванный от своего источника – человека, следует относить к сторонникам упомянутого выше медицинского подхода. Обладая определенным узкопрофильным значением, такой подход не только не вносит ясности в понимание природы и сущности дискурса, но и увлекает исследователя на заведомо тупиковый путь.

Вряд ли нуждается в особых доказательствах аксиома, что любой дискурс – всего лишь отражение определенных человеческих свойств, являющихся первопричиной дискурса. Мало того, пространственное многообразие дискурса явно обнаруживает в нем форму проявления некоторого родового качества человека, имманентно присущего каждому. Думается, что таким человеческим качеством, обуславливающим характеристики дискурса, является **социальная активность личности**⁸², что дискурс представляет собой одну из форм проявления социальной активности субъекта.

Очевидно, что социальная активность личности неоднородна в различных сферах человеческой деятельности, что социальная активность неравномерно присуща социуму во времени и пространстве. Неоднородностью и неравномерностью социальной активности объясняется неравномерность и

⁸² Хвоцев, В.Е. Становление и развитие философских идей активизма. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2002.

неоднородность всех ее проявлений, в том числе, динамичность и разнообразие дискурса.

Поскольку социальная активность субъектов базируется на их интересах, постольку соответствующий этой активности дискурс субъективен, относителен, политичен. Наделение же дискурса автономной предметностью, хотя и облегчает формальный дискурс-анализ, но существенно обедняет его содержание, скрывает политическую основу, готовит почву для идеологических манипуляций понятием.

Социальная активность как некоторое сущностное свойство субъекта может объективироваться в дискурсе или других формах деятельности. Но она же (социальная активность) реализуется, как известно, не только в действии, но и во взаимодействии индивидов или групп. И эта составляющая активности, проявляясь в деятельности, может давать продукт по внешнему виду близкий, но по строгому определению выходящий за рамки дискурса. И если дискурс сосредоточен на представлении своего носителя об определенном объекте действительности, то не обозначенная пока отдельно коммуникационная форма реализации социальной активности, как взаимодействия, нацелена на споры, дискуссии, столкновение мнений и взглядов по поводу этих представлений.

По аналогии с дискурсом и дискурсологией аналитически целесообразно, по-видимому, выделить понятие **дискуса** и на этой основе выстраивать науку **дискусологию**. Тем более что в иностранных словарях есть подходящее слово (**discuss** – обсуждать, дискутировать, спорить), формально оправдывающее введение соответствующей категории и направления исследований.

Таким образом, под дискурсом и дискусом следует понимать письменную или устную форму проявления социальной активности, а различать дискурс и дискус необходимо как специфические реализации социальной активности в виде автономной самостоятельности или взаимодействия субъек-

тов, как формы монолога или диалога выражения человеческого восприятия действительности.

Следует иметь в виду, что исследователи делят реализацию социальной активности на действия и взаимодействия субъектов весьма условно и лишь для решения промежуточных задач анализа. В конечном виде социальная активность всегда предстает как симбиоз, интегрированное образование, включающее оба эти компоненты. Аналогично и сознание, отражающее действительность, неразрывно производит дискурс-дискуссионные формы, дифференциация которых оправдана лишь в аналитической фазе познания. Только в таком аспекте имеет смысл уточнение рассматриваемого предмета как дискурс-дискуссионного анализа и соответствующего научного направления – дискурс-дискусология.

Принципиальное значение имеет вопрос о носителях дискурса и дискуса. Если согласиться с приведенным в эпиграфе мнением Гёте об индивидуальной природе «чистого», не замутненного спором дискурса, то нельзя не признать, что такой дискурс является отражением, индивидуальным осмыслением определенных человеческих ощущений.

Наши ощущения, зачастую, туманны и невыразимы, а основанные на них мысли – вполне конкретны и проектируются в виде рационализированных представлений, не имеющих в действительности точных аналогов. Следовательно, реальный мир, окружающий человека, соткан из ощущений и идей, а его материальность – всего лишь самообман, надуманный продукт человеческого разума. Подобная логика в той или иной мере, скрытно или явно присутствует в большинстве работ о дискурсе и в западной и в российской науке. Эта логика начинает давать сбои в дискуссионной части дискурс-дискусса.

Всякий дискус предполагает участие в нем двух или нескольких сторон, каждая из которых обладает собственными взглядами и представлениями о предмете спора. При этом дискурс субъектов, как правило, имеет различия и, порой,

существенные. Как форма проявления человеческой активности дискурс является выражением ее состояния в определенный момент времени и сопутствующих этому времени условиях. Учитывая, что развитие активности человека является непрерывным процессом, можно заключить, что и сопутствующий ей возможный и вероятный дискурс пусть дискретно, но неизбежно меняется. При этом в узком смысле дискурс (как форма выражения представлений человека о чем-либо) выступает основой, фундаментом для дискуса, а дискус, в свою очередь, – базой для развития дискурса. Иначе говоря, и дискурс и дискус могут быть индикаторами состояния социальной активности субъекта или показателями процесса изменения этой активности.

По результатам взаимодействия дискурсы следует разделять на две большие группы, к первой из которых относятся дискурсы совместимые, способные к сближению, взаимодействию, взаимосовершенствованию, взаимодополнению. На основе таких дискурсов складываются идеологии и теоретические построения – суммарные, универсальные, классовые, групповые дискурсы. Ко второй группе относятся дискурсы антагонисты: их дискуссивные составляющие непримиримы и агрессивны, а взаимодействия лишь усиливают поляризацию и противостояние. По своей природе это однонаправленные и противоположно направленные дискурсы.

Игнорирование наличия несовместимых дискурсов, свойственное западной дискурсологии, не просто обедняет теоретическую компоненту дискурсологии, а превращает учение о дискурсе в идеологию, средство пропаганды, оторванную от практики демагогию. Между тем, напрашивается вывод, что антагонистические дискурсы не могут разрешаться в спорах, а предполагают обращение к материальным основам, порождающим такого рода дискурсы, что поиск дискуссивных консенсусов требует не столько искусства компромиссов и временных соглашений, сколько устранения ре-

альных противоречий общественного развития, в том числе, путем жесткого противоборства сторон.

В конечном итоге, в современной дискурсологии, в том числе и ее уральской школе, заметно просматривается не всегда осознанное, берклианское по характеру неприятие материализма. И сторонникам дискурсологического направления в науке предстоит вернуться к исходной точке отсчета: считать ли дискурс производящей основой бытия и возобновить бесперспективные «атаки на материю» или смириться с производной сущностью своего предмета, признав дискурс приблизительным отражением действительности человеческим сознанием. Тогда в первом случае предмет дискурсологии становится особенно интересным для психоаналитика и идеолога, которым дискурсивные формы самовыражения пациентов помогают разобраться в симптоматике психических расстройств и возможностях манипулирования мнениями, а во втором — дискурсология меняет статус научного феномена на рядовое место в теории социальной активности. И этот второй путь дискурсологии выглядит более творческим и продуктивным.

Пока же, зарождающаяся российская дискурсология, не унаследовав материалистичности и самостоятельности, свойственных советским общественным наукам, довольствуется отстающей, «догоняющей», подражающей Западу позицией. Не успев, как следует, сформироваться, отечественная наука о дискурсе, поступившись диалектико-материалистической методологией, добровольно заняла место в арьергарде сомнительного модернизма.

Тем не менее, было бы непростительно не замечать за дискурсом серьезного предмета социально-политических исследований. Вряд ли можно сомневаться в *глобальной тенденции роста интенсивности дискурса* в современной мировой теории и практике. Лавинообразное нарастание объема дискурса вполне коррелирует с исторической *закономерно-*

стью поступательного роста социальной активности личности и общества⁸³.

Несомненна и наметившаяся *тенденция к расширению пространства дискурса*, в котором особое значение приобретают Интернет-дискурс и дискурс-телефония.

По-видимому, особого внимания исследователей требует и интуитивно угадываемая трансформация содержания дискурса: *современный дискурс быстро идеологизируется и политизируется*. И этот процесс адекватен качественным изменениям социальной активности⁸⁴.

Бесспорно, что наиболее перспективными методами исследования дискурса будут когнитивные и семиотические методы. Последние особенно обнадеживают в связи с успехами компьютерной лингвистики.

Можно предположить, что в ближайшее время дискурсология будет активно развиваться. Не в последнюю очередь такое развитие предопределено присущей дискурсу и востребованной любой властью его способностью подменять реально преобразующую общество деятельность разговорами, в которых изначально заложено сосуществование противоположностей: «истинного» и «ложного», «добра» и «зла». Вместе с временной политической стабильностью такая дискурсология способствует деформации фундаментальных устоев общества.

Для предотвращения такого рода последствий актуальным становится построение научной теории, способной *отфильтровать* в пространстве дискурса сомнительные интеллектуальные продукты с заведомо идеологической начинкой

⁸³ Хвоцев, В.Е. Активность и толерантность: в поисках синтеза. Кросс-культурные исследования: методология, опыт эмпирического анализа. Материалы 8-й Международной конференции памяти Л.Н. Когана. Ч. IV – Екатеринбург, 2005.

⁸⁴ Хвоцев, В.Е. Изменяющаяся Россия: обновление приоритетов политической науки. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2006. – С. 156–161.

и *систематизировать* захлестнувший мир хаос дискурсивных нагромождений.

4.2.2. Разновидности социальной активности

На социальном уровне организации объектам свойственен и особый вид активности – активность социальная. Подобно тому, как активность материи находит свое проявление в самодвижении, социальная активность тесно связана с человеческой деятельностью. Деятельность – форма проявления активности людей, форма существования социальной активности как внутреннего качества человека в реальной действительности. Явление социальной активности есть самодеятельность. Любые субъекты активны в том или ином отношении ровно настолько, насколько они самодеятельны в данном отношении, насколько свободна, заинтересована эта их деятельность, насколько она вытекает из их действительных потребностей, интересов, побуждений. Без этого действия и поступки людей не самодеятельны, а, следовательно, не активны, без этого даже действующий субъект играет, по выражению В.И. Ленина, роль пассивного двигателя⁸⁵ в общественном развитии, роль носителя деятельности, а не субъекта самодеятельности, активности.

Несомненно, что социальная активность – исторически обусловленное явление. Во все времена социальная активность элит концентрировалась в виде политической активности, поскольку труд не входил в систему их социальных ценностей. Широкие же массы населения ориентировались преимущественно на трудовую деятельность, вытеснялись из политики, в которой в силу своего общественного положения могли играть роль исключительно деструктивного характера, выступая враждебной, разрушительной для политической системы силой. И только в демократических обществах появились формы массового участия людей в политической сфере жизни конструктивной или регулируемой протестной на-

⁸⁵ См. Ленин, В.И. Полн. собр. соч., т. 6. – С. 29–30.

правленности. Но и при демократии социальная активность населения остается неравномерно развитой. Во-первых, по причине существующих различий в общественном положении людей, во-вторых, потому, что конкретный человек активен не во всех сферах деятельности, не всегда, не при всех условиях, обстоятельствах, по отношению не ко всем объектам. Другими словами, люди социально активны в своих действиях в большей или меньшей мере в каждой конкретной ситуации, а их социальная активность может быть характеристикой ситуативной, детерминированной как объективными условиями, так и субъективными факторами: сознательностью, убежденностью, творческим отношением к выполняемому делу. Это обстоятельство подтверждает гипотезу, что *процесс трансактивизации социальной сферы, по крайней мере, в России, находится на начальной стадии.*

Бесспорно, что социальная активность может характеризовать не только общество в целом, но и отдельную личность, являясь интегральным показателем ее развития. Нельзя не согласиться с тем, что «личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем как она это делает»⁸⁶. И эта вторая часть цитируемой известной мысли является ключевой в понимании социальной активности личности. От того, как делает личность то или иное дело: механически или творчески, принудительно или свободно, равнодушно или заинтересованно, зависит ее позиция в данном конкретном отношении, зависит в качестве кого выступает личность – в качестве носителя той или иной деятельности или в качестве субъекта того или иного вида социальной активности.

Неравномерность развития социальной активности во многом определяет неоднородность общества в целом. Можно предположить, что усиление социальной однородности на основе равномерного развития активности членов общества

⁸⁶ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., т. 29, с. 429.

будет способствовать формированию в нем национального единства и общественному прогрессу в целом.

Однако в реальной жизни социальная активность проявляется в тех или иных видах деятельности, что дает основание для аналогичной дифференциации видов социальной активности.

4.2.2.1. Политическая активность субъектов

Социальная активность может характеризоваться не только пространственной определенностью, но и напряженностью человеческих отношений. Известно, что организованная деятельность людей осуществляется в особых образованиях – иерархиях. В них – иерархиях – каждый человек занимает некоторое положение и стремится продвинуться, занять более высокое или выгодное место. Иерархичность совместной деятельности давно замечена исследователями и справедливо возведена в фундаментальную основу любой организации и даже в природное качество человека. Однако интенсивное изучение иерархии, как движущей силы общества, а может быть и природы в целом, началось лишь в середине нашего столетия. Давно подмечено, что в природных (особенно социальных) взаимодействиях участвуют, как правило, не отдельные индивиды, а их объединения, структурированные по характеру деятельности и, связанному с ним, иерархическому устройству. Причем поддержание иерархичности организации требует порой значительных энергетических затрат, что, с одной стороны, обеспечивает ее целостное функционирование, а с другой – снижает «коэффициент полезного действия», расходуя энергию на внутреннее обустройство иерархии. В зависимости от соотношения энергозатрат на миссию и разрешение собственных внутренних коллизий эффективность иерархии может колебаться в значительных пределах. Так, например, в отдельные периоды государственная машина все силы может расходовать на иерархическое противоборство политических противников, не оставляя возможностей для социального прогресса.

Активность части граждан всегда направлена на борьбу за место в иерархии, другой – на переживание этой борьбы, третьей – на присвоение оставленных без контроля общественных ценностей. Между тем, внутрииерархическая активность свойственна всем без исключения организованным системам. Ее сущность на социальном уровне составляет борьба за власть, вследствие чего она приобретает политический характер. Иерархической борьбой, однако, не исчерпывается политическая деятельность людей, а иерархическая активность является всего лишь частью политической активности субъектов. Вероятно, для каждой системы существует оптимальная иерархическая активность. И если в нынешней России она, вероятно, чрезмерна, то в условиях прошлого социалистического строя иерархическая активность большинства населения была недостаточной для обеспечения устойчивого социального развития, что не могло способствовать случившемуся застою.

Иерархической активностью, по-видимому, определяется политическая напряженность иерархии, которая, в свою очередь, зависит от социальных и экономических различий между представителями разных общественных уровней. Чем выше эти различия, тем более высокую напряженность следует ожидать в иерархии, тем более высокая активность проявляется на ее «этажах». Важно иметь в виду, что факт наличия напряженности в иерархии обуславливает ее эффективность частично. Весьма прямо последняя зависит от установленных способов продвижения граждан по уровням. Не смотря на крупные недостатки, лучшим из этих способов остается продвижение в иерархии на основе собственной компетентности, умения выполнять полезную для организации работу. В этом случае иерархическая активность индивидов совпадает по направленности с функциональным предназначением иерархии, а личные интересы участников организации становятся близкими коллективным интересам иерархии в целом.

Картина резко меняется, когда движущей силой в иерархии становится субъективное предпочтение иерархов или, еще хуже, меркантилизм. Тогда иерархическая активность ориентируется на взяточничество в ущерб полезной деятельности и происходит загнивание иерархии – будь то производство, армейской, государственной или любой другой.

Политическая активность принципиально отличается от других видов социальной активности. По своему содержанию проявления политической активности могут быть самыми разнообразными и присутствовать во всех видах деятельности. При широком понимании политики *современное социальное пространство стало в полной мере политически транзактивным.*

Трудно не согласиться с Э. Фроммом, что многое в жизни людей обуславливают «жажда власти или тяга к подчинению»⁸⁷ – стремления, которые, присутствуя в любом виде деятельности, придают ей политический характер. При этом борьба за власть является активной политической составляющей взаимодействия индивидов в обществе, а реализация потребности в подчинении – активной, но качественно иной политической деятельностью. Иначе говоря, и рвущийся к власти и стремящийся к подчинению субъекты активны в политическом отношении. Ранжирование этих разновидностей политической активности не так просто, как может казаться на первый взгляд, хотя стремление к подчинению принято связывать с раболепием, холуйством и осуждать как низменное свойство отдельных индивидов. Между тем, именно ему, этому свойству, едва ли не в первую очередь, человечество обязано наличием прочных социальных связей. Более того, любая власть только тогда становится реальной, когда сочетается с соответствующей готовностью подчиняться этой

⁸⁷ Фромм, Э. Бегство от свободы: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1989. – С. 21.

власти, когда «жажда власти» и «тяга к подчинению» образуют в обществе некоторое политическое единство.

В современном государстве такого рода естественные политические отношения заметно усложняются сложившейся институциональной структурой. Борьба за власть в нем перестала быть тождественной борьбе за лидерство и трансформировалась в борьбу за должности, которым заранее предписаны те или иные властные функции. В таком случае меняется характер политических отношений и способы достижения политических целей: появляются дополнительные стимулы к власти, заключенные в должности, снижаются личностные требования к политической активности претендентов на власть, усиливается роль неформальных связей. В результате этого, как правило, возникает несоответствие между уровнем политической активности, необходимой для должности и реальной активностью субъекта ее занимающего.

Взгляды советских ученых на проблемы политической активности, ее природу и сущность в свое время жестко стеснялись идеологическими рамками марксизма-ленинизма, а потому исключительно однообразны. Возможно и для того, чтобы избежать полного сходства своих работ, авторы тех исследований охотно варьировали название феномена – политическая активность, социально-политическая активность, общественно-политическая активность, придавая особый смысловой оттенок одному и тому же понятию. Однако все они в конечном итоге приходят к набору прилагательных, описывающих свойства политической активности: для них это деятельность «самодетельная», «осознанная», «свободная», «внутренне необходимая», «сознательная», «самостоятельная», «целеустремленная». Ограничиваясь описательными характеристиками, редкие исследователи отваживались на дефиницию феномена, а если и решались, то получалось нечто, похожее на более чем сомнительное определение А.В. Ключева: «социально-политическая активность при социализме выступает как сознательная (в той или иной мере), само-

стоятельная, целеустремленная деятельность субъекта (Коммунистической партии, масс, классов, трудовых коллективов, личности), направленная на достижение общеклассовых, государственных интересов»⁸⁸. Уместно заметить, что политическая активность, политическая деятельность людей трактовались официальным марксизмом-ленинизмом особенно извращенно. Этому способствовало глубокое противоречие между марксистским пониманием политики (мало отличавшимся от общепринятого в мире) и представлением социально-классовых отношений советского общества. Если следовать нормальной человеческой логике, снижение классовых противоречий в обществе должно было бы автоматически уменьшать политическую активность населения. На деле государственная доктрина предполагала возрастание политически активной массы граждан и все более инициативной их позиции в делах государства. Когда-то это противоречие было снято маловразумительным лозунгом об усилении классово-вой борьбы в обществе по мере строительства социализма. Позднее о нем, похоже, просто старались не вспоминать из-за смысловых затруднений. Гораздо проще этот вопрос решался в отношении буржуазного общества: политическая активность наемных работников считалась (и справедливо) основой их классовой борьбы с нанимателями – буржуазией. А вот при социализме, сочли советские исследователи, политическая активность трудящихся, не имеющих классовых противоречий, направлена исключительно на утверждение, поддержание и защиту «общеклассовых, партийных, государственных интересов»⁸⁹. Но постоянно «утверждать и поддерживать» необходимо то, что неустойчиво, а защита экономического уклада или социальных отношений предполагает наличие их серьезных противников внутри общества. И чем боль-

⁸⁸ Кляев, А.В. Политическая активность личности при социализме. Сущность и факторы ее повышения – Л.: Изд-во Ленинградского университета, – 1980. – С. 23.

⁸⁹ Там же, с.17.

ше поддерживающих и защитных усилий (читай, политической активности) требуется в обеспечении общественного порядка, тем более мощной и нарастающей представляется противостоящая ему сторона. Таким образом, наши социологи 60–70х годов являются не открывателями, как они о себе думали, закона возрастания политической активности людей в условиях социализма, а скорее интуитивными и невольными прорицателями надвигающихся общественных катаклизмов.

Особенностью человеческого участия в политике является его преимущественно добровольный, свободный, самодетельный характер. Не часто в наше время можно встретить людей, занимающихся политикой вынужденно, под давлением внешних побуждающих сил и обстоятельств. В отличие, скажем, от трудовой деятельности, продиктованной зачастую необходимостью получения средств к существованию. И поскольку занятия политикой не связаны жестко с общественными обязанностями или материальными нуждами, факт политических действий со стороны того или иного субъекта, казалось бы, может рассматриваться как индикатор его политической активности.

На деле все оказывается сложнее. И не потому, что массовые политические движения в современной России широко и щедро стимулируются заинтересованными спонсорами и для некоторых людей становятся источником постоянного заработка. Сложность соотнесения политической активности с политическими действиями субъектов заключается в том, что первая может иметь реальные, действительные или иллюзорные основания, в зависимости от чего и проявления политической активности могут принимать преимущественно деятельностный или поведенческий характер. Так, правящим классам свойственна политическая активность, ориентированная на устойчивые экономические интересы, прямо зависящая от объема собственности и власти, которой они располагают. Естественно, что такая политическая активность рождает специфически направленную политическую деятель-

ность, имеющую незначительную нравственно-психологическую окраску. Проще говоря, правящий класс в своей политической деятельности ведет себя как «последний лавочник при заключении торговых сделок»⁹⁰. И хотя автор сравнения склонен преувеличивать значение в политике правящих классов чувств и моды, вряд ли можно утверждать полную моральную ущербность и строго выверенный меркантилизм всех представителей господствующих сословий.

В отличие от правящих подчиненные (рабочие, трудящиеся) классы не сознают собственных интересов в политике, а их политическая активность подобна полуживотной пассивности: она ненаправленна, неосознанна, переменчива. А если и проявляется в конкретных формах, то, главным образом, как политическое поведение людей, включающее политические инстинкты, политическое научение, политический импринтинг и прочие элементы человеческого и животного поведения. Субъекты такого поведения в большинстве случаев не способны к самостоятельным действиям, ограничиваясь стандартным реагированием на изменение политической ситуации. По этой причине тезис о революционности и сознательности рабочего класса не выдерживает критики. Прав, возможно, Г. Лебон, что трудящиеся массы, вставшие под знамена революции, при случае «живо пристанут к цезарю, который явится, чтобы подавить эту революцию»⁹¹. Или останутся молчаливыми наблюдателями собственного закабаления, как это неоднократно имело место в истории России, в частности, в конце XX века. В то время, начиная с середины 80-х, политическая активность различных групп населения обрела роковую расстановку, когда отечественные интеллигенты («полученные и доктринеры») «действуют, главным образом, расшатывая идеи, и служат, вследствие порождаемой ими умственной анархии, самыми ядовитыми

⁹⁰ Лебон, Г. Психология социализма / Пер. с франц. – СПб.: Макет, 1996. – с. 80.

⁹¹ Там же, с. 79.

агентами разрушения», когда государственное руководство «помогает своим равнодушием, страхом, эгоизмом, слабостью воли, отсутствием политического смысла и инициативы» развитию кризиса, когда «народные слои будут действовать революционным образом, довершая разрушение здания, уже шатающегося на своем основании, как только оно будет достаточно потрясено»⁹². Нелишне напомнить, что эта схема активного взаимодействия социальных групп общества направленная на разрушение государства изложена в работе столетней давности.

Политическая активность – составное понятие. С одной стороны, оно означает некоторое качество людей, энергетический заряд, обеспечивающий их усиленные действия. С другой, ограничивает сферу приложения этого качества политикой. Политическая активность характеризует интенсивность, напряженность властных отношений между субъектами и объектами власти.

Активность человека в сфере политики сложно обозначить, а тем более измерить. Во-первых, потому, что не просто более или менее точно очертить область «политического», поскольку современная политика трансгранична осуществляется в любой из установленных сфер человеческой жизнедеятельности – трудовой, семейной, досуговой. Во-вторых, по причине неопределенности самого понятия «политика». Широко распространено мнение, что политика – это особая деятельность людей, в основе которой лежат властные отношения между ними. С таким определением в первом приближении можно было бы согласиться, если бы в нем не присутствовало не вполне определенное понятие «деятельность». Как правило, под деятельностью понимают специфически человеческие (осознанные, целесообразные) поступки и действия людей. Однако в политике нередки движения стихийные, не-

⁹² Лебон, Г. Психология социализма / Пер. с франц. – СПб.: Макет, 1996. – 88 с.

осознанные, импульсивные, обусловленные не столько экономическими интересами и потребностями, сколько психикой индивидуумов и групп. С учетом этого политику следовало бы определять более широко, как особое поведение людей в сфере властных (иерархических) отношений. Такая дефиниция включает в понятие политики большой ряд психических явлений, без учета которых политика воспринимается односторонне и упрощенно. Политическое поведение индивида прямо зависит от его активности и состояния психики. Человеческая активность движет людьми, а психика – направляет и регулирует это движение. Следовательно, в продуктах политической активности всегда присутствует работа психических сил.

Уместно напомнить, что психическое включает в себя сознательное и бессознательное начала. Содержанием сознательного является мировоззрение, которое представляет собой индивидуально понятую общественную идеологию. В этом качестве сознательное играет роль личностнообразующего компонента, роль духовного основания (стержня) индивидуума. Вряд ли стоит преуменьшать значение сознательного начала в формировании личности, даже если мировоззренческие позиции субъекта не выдерживают критики. В любом случае сознательное является своего рода мериллом, эталоном, точкой отсчета, на чем покоится бессознательное. Будучи мировоззрением, идеологией человека, сознательное всегда политизировано. Каким бы способом ни было воздвигнуто содержание сознательного, оно несет в себе заряд политических интересов – чужих, если навязано другими и некритически принято, или собственных, если является результатом осмысления действительности субъектом.

Несомненно, что значительную политическую нагрузку несет бессознательное человеческой психики. Именно в его глубинах накапливаются вытесненные по разным причинам из сознания политические факты «работающие» против закрепленной идеологии, как и те события политики, которые

по своему воздействию оказались ниже порога политическо-го восприятия индивидуума. Вероятно, в недрах бессознательного формируются интуитивные представления человека, имеющие мировоззренческие масштабы и отличающиеся от аналогичных схем сознания. В целом они образуют индивидуальное психическое качество человека, близкое по содержанию понятию «тени» в аналитической психологии. «Даже в тех случаях – пишет В. Одайник, ссылаясь на К. Юнга, – когда индивид хорошо понимает, что его роль в жизни незначительна, что он, скорее, жертва неподвластных ему сил, нежели активный деятель, он на самом деле все равно «таит в себе опасную тень, враждебного ему двойника, благодаря которому незримо участвует в зловещих играх политического чудовища»⁹³. И хотя «тень вбирает в себя все, что находится под знаком слабости и психического ущерба», ей соответствует высокая «тенева активность».

Есть основание утверждать, что многие психологические архетипы коллективного бессознательного несут иерархическую окраску, а значит, и политическую ориентацию. С этих позиций победа на президентских выборах 1996 г. Б.Н. Ельцина явилась следствием слияния его образа в умах россиян с психологическим архетипом верховного правителя, вождя, старейшины, заложенным в коллективном бессознательном людей.

Несомненно, что в психологической структуре личности сознательное и бессознательное могут находиться в различных пропорциях. Бессознательное, очевидно, по объему заключенной в нем информации и силе воздействия на индивида чаще превышает сознательное. Более того, в условиях идейного (мировоззренческого) кризиса роль сознательного начала в человеческой психике становится не значительной, оставляя простор для бессознательных политических сил.

⁹³ Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К. Бутырина – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 79.

Сомнения, колебания, растерянность людей в таких ситуациях не ослабляют, как можно было бы ожидать, их политической активности. Скорее, наоборот – «...вытеснение сомнений создает сильный заряд психической энергии»⁹⁴.

В таких случаях проявления политической активности становятся менее предсказуемыми, поскольку управляются и регулируются бессознательным началом психики, являя собой феномен бессознательной политической активности. Такая политическая активность индивидуума может вызывать нежелательное для состояния здоровья застойное психическое напряжение, требующее периодической разрядки.

Избыточная нервная энергия и связанная с ней повышенная психологическая активность, ищущая выхода, направляется на некоторого политического неприятеля, оппонента, и материализуется в политической борьбе с ним. На этого, зачастую, воображаемого врага человек охотно проецирует собственные теневые качества.

Однако компенсирующую роль политического неприятеля в психологической разрядке избыточной активности принято преувеличивать. Дело в том, что наличие внешнего противника наделяет индивидуума дополнительной энергией политической направленности и, по сути, ведет к повышению его политической активности. По мнению современных психологов, вся западная цивилизация страдает на этой почве тяжелым неврозом, ведущим к непрекращающимся политическим конфликтам.

Вероятно, наличие политического врага играет двойственную роль компенсирующего (снижающего политическую активность) и возбуждающего (повышающего политическую активность) фактора.

Для современного общества в целом, а для российского общества особенно, характерно снижение значения элемен-

⁹⁴ Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К. Бутырина – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 67.

тов сознательного в политической жизни и возрастание доли поступков людей на основе бессознательной составляющей психики. Соответственно и политическая активность, как масс населения, так и элитных групп, во многом становится малопредсказуемой, не логичной, не разумной, но от этого не менее интенсивной. «Вспышка политической и экономической активности в постперестроичный период сама по себе приобрела скорее психологический, нежели политический характер»⁹⁵ – считает В. Одайник. В этих условиях политические движения приобретают хаотичный случайный характер, все более пригодный для тактического манипулирования и неподвластный системному управлению.

Усиливающийся психологический окрас проявлений активности современного человека вовсе не связан с трансформацией соответствующего человеческого свойства. Активность исторически и генетически присуща каждому: «...переживание энергии, подобно переживанию времени, отпечаталось за бесчисленное множество лет в человеческом мозгу и вследствие этого является *априорной*, интуитивной идеей, иначе говоря – архетипом»⁹⁶. Вполне возможно, что «...архетипы бессознательного, выполняющие роль формы для накопления и разрядки психической энергии»⁹⁷, одновременно содержат в себе «пусковые» механизмы, актуализирующие потенциальную активность человека.

Не смотря на то, что человеческая активность прочно сопряжена с сознательностью, рационализмом, свободой субъекта, «...бессознательные содержания и их энергия могут взять верх над душой...»⁹⁸ и даже над разумом. Но как бы ни закончилась эта внутренняя борьба, ее исходом бу-

⁹⁵ Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К. Бутырина – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 368.

⁹⁶ Там же, с. 155.

⁹⁷ Там же, с. 37.

⁹⁸ Там же, с. 36.

дет проецирование в действительность «активной пассивности» и «пассивной активности».

Внешней свободе, как условию самостоятельности, и свободе внутренней, как необходимой компоненте активности человека, неразрывно сопутствует индивидуальная мера ответственности. Именно груз ответственности тормозит самостоятельность людей. «В прошлом архетип Самости создавал образ божественно-человеческой личности – Илии, Христа, Будды, Хадира, становившихся спасителями и символами самореализации Самости»⁹⁹. В настоящем тот же архетип способствует поиску и обожествлению в своей среде вождя, национального лидера, непререкаемого авторитета, которому можно было бы передать часть своей ответственности, пусть даже ценой свободы.

Функцию, аналогичную «архетипу Самости» выполняют современные идеологии, которые являются своеобразной «смирительной рубашкой» для индивида, ограничивающей его активность государственными запретами, нравственными нормами или откровенным запугиванием. Подобного рода идеи, обладающие, как правило, привлекательностью и доступной логикой, делают ставку на психологическое научение индивида. Сторонники коллективизма вынашивают надежды, что форма «смирительной рубашки» станет привычной для человека и наступит время, когда действительно освобожденный индивид сохранит, тем не менее, в себе ее заданность, как собственную сущность.

История социализма в России показывает, с одной стороны, что это возможно. «Ранний социализм, который агрессивно наступал, овладевал и перевоспитывал...»¹⁰⁰, не мог не отразиться на общем уровне и качественном состоянии социальной активности россиян. С другой стороны, приобретен-

⁹⁹ Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К. Бутырина – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 141

¹⁰⁰ Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – С. 110.

ные свойства людей не закрепляются так быстро, как хотелось бы коммунистическим строителям, в последующих поколениях. И даже, если в «оковах» коллективистских норм удастся продержаться не одно поколение, нет гарантий от возврата к формам человеческого общежития, основанных на многотысячелетней природе человека.

Следует отметить, что особенностью коммунистического устройства общественных отношений является заметное опережение социальных требований к безнадежно отставшему от умозрительного идеала личности индивиду. Разумеется, что сформулировать высокие требования к личности можно только с помощью идеологии, а внедрить чуждые человеку нормы жизни – не иначе как посредством насилия. Причем насилия длительного, тотального, парализующего, в конечном итоге, развитие общества в целом. Мало того, подобное насилие рано или поздно вызывает противодействие и всеобщее отчуждение тех идеалов, ради которых оно организовывалось. При этом общество неизбежно впадает в идейный кризис, а «снятое» насилие лишь усугубляет его, создает иллюзию демократических преобразований, освобождает самые темные силы для антиобщественных действий.

К счастью, человеческая психика способна вырабатывать «защиту» от противоестественных идеологических атак. «К положительным результатам многих вызывающих ужас политических экспериментов XX столетия можно отнести появившийся у людей скептицизм по отношению к политическим идеологиям и ко всякого рода грандиозным планам мировых реформ»¹⁰¹. И эти позитивные приобретения, возможно, смогут противостоять навязыванию тотального единомыслия.

В отличие от ортодоксальных коммунистических идей социал-демократическая идеология менее категорична и бо-

¹⁰¹ Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К. Бутырина – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 125.

лее осторожна в реализации своих идеалов. По сути, она представляет собой в определенной степени либерализованный коммунизм. Ориентируясь на коммунистические идеалы, социал-демократия предлагает постепенное, размеренное, осторожное к ним движение. При этом, что очень важно, сохраняется некоторый простор для личной активности человека. Но, что, пожалуй, еще важнее – демократия при социализме устанавливается субъективно, а ее мера определяется искусственно посредством воли властимущих. Таковую волю, как показывает практика, следует подкреплять народной волей и высокой политической активностью населения.

Вместе с тем социалистическая идеология ни в каких формах не оставляет полного простора для индивидуальной активности людей, а потому попытки реализовать ее приводят, в конечном итоге, к застою общественного развития.

В России социальные застои преодолевались во все времена с помощью короткого (примерно 10-летнего) отхода от традиционного порядка с последующим возвратом к нему через масштабное насилие. Однако *для общественного развития характерно неуклонное снижение эффективности насильственных действий, подрывающих основы социальной активности.*

Сложно и неоднозначно социальная активность личности и общества связана с либеральными идеями. Либерализм, как любая идеология, имеет исторические и социальные корни в человеческой практике. Либеральная деятельность и либеральные отношения возникли на заре человеческой истории и имели локальный, очаговый, малораспространенный характер. «Либеральность» в поступках и мышлении поначалу была свойственна преимущественно узкой группе людей, сосредоточившей в своих руках власть, которая уже тогда могла быть представлена в чистом виде «как право (т.е. способность и возможность) человека действовать по своему ус-

-----Теория активности: от истоков к началам
мотрению»¹⁰². Такого рода «элитарная» либеральность расценивалась другими членами общества как несправедливость и произвол. Однако уже тогда в ее основе была заложена высокая активность не знающего ни в чем ограничений «либерала».

Понятно, что либеральность власти обеспечивалась отсутствием свободы большинства граждан, их не высокой, надежно контролируемой и сдерживаемой путем прямого насилия политической активностью. Политические режимы того времени, как бы они не назывались – монархией, тиранией, деспотией, олигархией – содержали в себе ростки либеральности.

Несомненно, что либеральность, свойственная в разной мере всем политическим режимам, является универсальным показателем человеческой деятельности и проявлением определенного родового качества человека, связанного со стремлением к свободе. Это качество и есть человеческая активность. В контексте теории активности, либеральность – способность активной личности к свободной деятельности, а либерализм – идеология социально активных индивидов. Повидимому, мера внутренней либеральности субъекта является критериальным признаком социальной активности.

Либеральная деятельность может дифференцироваться по видам, в каждом из которых она характеризуется известным набором признаков: в экономике – свободной рыночной деятельностью, конкуренцией, приобретением и накоплением собственности, в правовой сфере – широким использованием прав человека, договорным взаимодействием индивида и государства, защищенностью от государства и других граждан, в нравственной сфере – добродетелью, уважением личности, изначальным равенством людей, в политике – свободным участием во власти, возможностью занимать любые уровни в социальной иерархии и т.п.

¹⁰² Капустин, Б.Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах / Полис. – 1993. – №3. – С. 14.

Очевидно, что самостоятельность одного человека может конфликтовать с аналогичными проявлениями другого. Вечная проблема сосуществования личности и общества, индивида и группы сегодня болезненно решается в пользу ущемления индивидуальной свободы и частичной делиберализации общественной жизни. Процесс делиберализации начался еще в эпоху Просвещения на Западе в связи с ростом социальной и политической активности значительных групп населения (промышленников, предпринимателей) и протекал под прямо противоположными знаменами защиты либеральных ценностей. К этому времени и принято относить появление либерализма как идейного течения («Либерализм – это, прежде всего, идеология Просвещения»¹⁰³).

Поскольку развитие социальной и политической активности людей шло неравномерно, постольку и концепции либерализма отличались в широком диапазоне от «классического» до современного. В научной литературе и публицистике можно встретить длинные перечни разновидностей и «семей» либерализма. Все они, так или иначе, отражают состояние социальной и политической активности в том или ином обществе, в то или иное время.

Либерализм в России получил развитие как модная западная идеология, не имеющая социальной базы и прочей реальной основы в жизни, как преждевременное течение мысли отечественной интеллигенции. Закрепощенное абсолютизмом российское общество было в то время не готово к принятию либерализма в качестве общенациональной идеи. Политическая активность – спутница либерализма – была развита односторонне у большинства людей и имела одностороннюю направленность. Поэтому «либерализм в России в отличие от Запада работает не как идеология гражданской самостоятельности, а как принцип попустительства силе, подавляющей, разрушающей и разлагающей общест-

¹⁰³ Шапиро, И. Введение в типологию либерализма – Полис. – 1993. – № 3. – С. 7.

во»¹⁰⁴. Говоря иначе, «российский либерализм», как внутреннее состояние субъекта, не содержит в себе необходимого стержня – социальной активности, который и делает его собственно либерализмом. Он по природе своей эгоистичен, антисоциален и лицемерен.

Многие черты либерализма свойственны и демократии в целом. Проверено историческим опытом и вряд ли может быть оспорено, что демократическое устройство жизни создает наиболее благоприятные условия для реализации социальной активности в массовых масштабах. Замечено еще Токвилем: «Демократия – это не самая искусная форма правления, но только она подчас может вызвать в обществе бурное движение, придать ему энергию и исполинские силы, неизвестные при других формах правления»¹⁰⁵. И, не смотря на негативные побочные явления демократии («...демократия – это хроническое состояние умеренной гражданской войны и анархии»¹⁰⁶), благоприятные условия для самостоятельности широких слоев населения гарантированно обеспечивают поступательное социальное развитие. На этом пути не исключаются застои и откаты, поскольку нередко «самодетельное население тяготеет не к демократии как форме государственного устройства и социального механизма, а к анархии...»¹⁰⁷.

Но и в тоталитарных режимах социальная активность населения не исчезает, а остается в потенциальном состоянии. Эти режимы недальновидно стремятся «...двигать людьми, как автоматами, а не учить их двигаться»¹⁰⁸, поэтому

¹⁰⁴ Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – С. 110.

¹⁰⁵ Токвиль, А. де. Демократия в Америке; Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1994. – С. 192.

¹⁰⁶ Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К. Бутырина – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 123.

¹⁰⁷ Федотова, В.Г. Анархия и порядок в контексте российского посткоммунистического развития // Вопросы философии. – 1998. – №5. – С. 4.

¹⁰⁸ Струве, П.Б. Patriotic: культура, религия, социализм / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова; Вступ. ст. и примеч. В.Н. Жукова. – М.: Республика, 1997. – С. 17.

«...тоталитарное государство постоянно находится на грани бунта»¹⁰⁹. Скрытая в нем энергия – социальная активность граждан – нарастает со временем вопреки кажущемуся затишью. Вряд ли прав В. Одайник, утверждая, что «...чем больше власти у государства, тем слабее и беспомощнее делается индивид»¹¹⁰. Индивид, скорее, усиливается, аккумулируя в себе протестную активность, и в силах власти остаются всего лишь грубые средства сдерживания до определенных пределов проявлений этой активности.

Сложным и противоречивым является соотношение активности личности и активности общества. Очевидно, непросто встретить объединение людей, в котором бы цели индивидуумов в полной мере совпадали с коллективными целями. А это значит, что, действуя в коллективе, индивид не может быть достаточно активным, руководствуясь лишь общественными целями. В таком случае политическая активность индивида, направленная на продвижение в иерархической системе, компенсирует не реализованную его социальную активность, а общественные цели становятся оправданием борьбы за власть.

Демократическое устройство предполагает не только массовость участия народа в отдельных мероприятиях, связанных, к примеру, с выборами власти, но и высокую частоту и даже постоянство участия в политической жизни.

Известно, что отличительной чертой человеческого общества является организованность. Это качество придает ему в большей или меньшей степени развитые управление и самоуправление. И если первое основано на жестком руководстве и подчинении одной части общества другой, то второе – на добровольном согласии, договоре людей друг с другом.

¹⁰⁹ Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К. Бутырина – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 68.

¹¹⁰ Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К. Бутырина – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 61.

Во всем цивилизованном мире договорные, контрактные отношения между людьми развиваются и становятся все более предпочтительными. Это значит, что сфера управления, являющаяся объектом государственной деятельности, постоянно сужается, уступая место самоуправлению, а государство все в большей мере вытесняется образованиями гражданского общества. Процесс этот, по мнению социологов, составит главное содержание надвигающейся глобальной антииерархической революции, которая принесет с собой действительное равноправие людей. И только тогда можно будет говорить о действительном самоуправлении как способе и форме реализации активности населения.

В любом даже тоталитарном обществе человек сохраняет возможности для самодеятельности и при случае стремится расширить ее сферу. В активной человеческой природе заложена гарантия и перспектива развития самоуправления. В условиях же относительной свободы личности, которая характерна для демократических режимов, высвобождаются большие объемы активности населения, принимающие разнообразные формы, в том числе и формы самоуправления.

В условиях трансаktivизации субъектов о возможностях реального самоуправления людей можно судить, к примеру, по уровню их политической активности. По нашим данным, политическая активность россиян в настоящее время оказывается ниже необходимой для укоренения демократии. Только 2,6% опрошенных нами граждан относят себя к сравнительно компетентным в вопросах политики и считают себя политически активными, в то время как половина совершенно не интересуется политикой, не участвуют в ней, остаются, по сути, политически пассивными.

Как всякое общественное явление самоуправление осуществляется в различных видах – экономической, политической, производственной, семейной и прочей самодеятельности. Очевидно, что в основе самоуправления лежат интересы и потребности людей, которые побуждают их к самодеятель-

ности. Первостепенны среди них, конечно же, экономические интересы и потребности. Именно они сплачивают население в сообщества, своеобразные ячейки самоуправления, придают последним силу единого коллектива. Эта сила тем больше, чем конкретнее и непосредственнее заинтересованность в таком объединении каждого в него входящего.

Еще недавно экономическая самодеятельность граждан нашего государства приближалась к нулевой отметке. Понятно, что искусственно формируемое в ту пору самоуправление могло иметь лишь формальный характер. Такой характер оно и имело. Многим пришлось участвовать в надуманных формах общественного самоуправления того времени, вершиной которых было всесоюзное социалистическое соревнование.

Реальные возможности самоуправления стали зарождаться в нашей стране только с началом перестройки. Как ни парадоксально это может казаться, глубокому социально-экономическому кризису в государстве последних лет сопутствовал бурный рост экономической самодеятельности населения. Достаточно отметить, что 27,8%, опрошенных нами в тот период времени, чаще или реже занимались коммерческой деятельностью, а 11,3% собирались в ближайшее время открыть собственное дело. И пусть экономическая активность граждан и по сей день не компенсирует потерь от спада производства, а результаты этой активности имеют скромное значение для экономики России, нельзя игнорировать очевидного факта: за последние годы самодеятельность российского общества заметно увеличилась, существенно возрос объем инициативной массы населения, повысилась социальная активность сторонников и противников рыночных отношений. Все это создает необходимые предпосылки для становления и развития широкого народного самоуправления. Более того, процесс этот из сферы возможного относительно быстро переходит в сферу действительного.

Из опыта истории известно, что самоуправление «снизу» имеет мало шансов обрести цивилизованные формы. По-

этому в демократическом обществе его развитию в большой мере сопутствуют усилия «сверху», со стороны государственных органов власти.

Можно полагать, что в условиях социальной трансактивности развитие политической активности субъектов окажет системное влияние на все стороны общественной жизни.

4.2.2.1.1. Дискурс политической активности¹¹¹

Социальная активность субъектов, являясь источником и основой всякого дискурса, сама, в свою очередь, может быть предметом дискурса и дискурс-анализа. И как по отношению к любому другому предмету дискурс социальной активности, в том числе, и ее разновидности – активности политической – крайне неравномерен во времени, по интенсивности и в качественном наполнении.

Дискурс политической активности на протяжении многих веков человеческой истории характеризуется вялым течением, бессистемными «вспышками» и скудным содержанием. Начиная со времен Конфуция, и вплоть до середины 20-го века дискурс политической активности фактически сливался с дискурсом политической деятельности, лишь в редких случаях проявляя слабые тенденции к обособлению. И только с 60-х годов прошлого столетия на возникшем по многим причинам «гребне» дискурса активности стал быстро формироваться дискурс активности политической.

Особенностью дискурса политической активности того периода является ясное осознание двух качественно различных, но тесно взаимодействующих субъектов. Как точно подметил Э. Фромм, многое в жизни людей обуславливают

¹¹¹ Дискурсология: методология, теория, практика: доклады Второй Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийяра / под общей редакцией В.Е. Хвошева. 4 декабря 2007 г. Том 3. (Серия «Дискурсология». Выпуск 7) – Екатеринбург, Челябинск: Издательский Дом «Дискурс-Пи», Изд-во ЮУрГУ, 2008. – С. 101–108.

«жажда власти или тяга к подчинению»¹¹² – стремления, которые, присутствуя в любом виде деятельности, придают ей политический характер. При этом борьба за власть является активной политической составляющей взаимодействия индивидов в обществе, а реализация потребности в подчинении – также активной, но качественно иной политической деятельностью. Иначе говоря, и рвущийся к власти и стремящийся к подчинению субъекты могут быть одинаково активны в политическом отношении. Сравнение этих разновидностей политической активности сложнее, чем может казаться на первый взгляд, поскольку стремление к подчинению принято связывать с пассивностью, раболепием и осуждать как инфантильность недоразвитых индивидов. Между тем, именно этому свойству, едва ли не в первую очередь, человечество обязано прогрессивным развитием. Более того, любая власть только тогда обретает настоящую силу, когда сочетается с соответствующей готовностью подчиняться этой власти, когда «жажда власти» и «тяга к подчинению» образуют в обществе некоторое политическое единство.

В годы советской власти катализатором научного дискурса был дискурс партийный. В материалах съездов КПСС большое значение придавалось активности трудящегося населения. Выступления руководства партии содержат широкий смысловой спектр понятия активности самых разных субъектов. Трудно сказать является ли высокая частота словоупотребления активности в этих документах результатом глубокого понимания значения феномена в жизни общества и отдельного индивида или ставшей привычной данью марксизму, в трудах основоположников которого активность народных масс занимает одно из центральных мест.

Так или иначе, этот важный и пусть не всегда строго научный термин переключивается из партийных отчетов в По-

¹¹² Фромм, Э. Бегство от свободы: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. П.С.Гуревича. – М.: Прогресс, 1989. – С. 21.

слания российских президентов постсоветского периода. Частоту применения и богатство смысловых оттенков активности демонстрирует в своих обращениях к Совету федерации Б.Н. Ельцин, особенно – в первых из них. Уже в первом Послании президент не ограничивается призывами развивать «деловую активность», «инвестиционную активность», а констатирует «расширение мотиваций для трудовой и предпринимательской деятельности экономически активных граждан» в новых социальных условиях, что позволяет во втором Послании ставить задачу «сформировать массовый слой экономически активных и материально обеспеченных людей». Здесь же отмечается и еще одно важное обстоятельство: «люди, преодолев безразличие, начали проявлять большую политическую активность», «многие активно участвуют в политической жизни». Процесс этот Б.Н. Ельцин связывает с развитием партийной жизни в стране, «закреплением роли партий как основных каналов политической активности, связанной с формированием власти» (Послание 1993 г.), не забывая и о роли в социальном строительстве общественных организаций: «Необходимо открыть шлюзы для активности общественных объединений» (Послание 1998 г.). Намечившееся «увеличение количества объединений и блоков является проявлением политической активности» (Послание 1999 г.) отмечал первый президент России в своем последнем Послании. «Активное пользование своими правами и свободами» (Послание 1994 г.) во внутренней жизни страны Б.Н. Ельцин призывал сочетать с активной внешней политикой, наращиванием «активного политического диалога», «активной экономической дипломатией», «активным участием в выработке принципов мироустройства» (Послание 1999 г.), учитывать расширяющийся диапазон «форм активности».

К сожалению, низкая популярность Б.Н. Ельцина приглушила его очевидный призыв к исследованию активности, не услышанный наукой. И хотя в Посланиях президента В.В. Путина отмечается необходимость «активной политики»,

значение «творческой активности людей», «предпринимательской активности граждан» и даже делается политический вывод о том, что «возможность трудиться и зарабатывать серьезно сократила и масштабы забастовочной активности» (Послание 2003 г.), может возникнуть ощущение затухания интереса власти к развитию активности широких масс населения. Однако реальная политика опровергает такое восприятие. Очевидно, что власть не может точно сформулировать науке свои потребности в виде социального заказа, а политическая наука не вполне готова выдвигать предложения, вызывающие интерес у власти.

Отражение интереса к активности человека (народа, трудящихся, рабочего класса, крестьянства) в главных законах нашей страны не столь заметно, как в науке, идеологии, пропаганде, однако, динамика этого интереса достаточно характерна для своего времени. Если в Конституции 1918 года можно найти лишь отдельные упоминания «об активном и пассивном избирательном праве», то в основном законе нашей страны 1924 года они полностью отсутствуют. Лишь позднее (в Конституции 1936 года) активистская терминология возвращается в юридическую лексику: «Статья 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации». Еще ниже в той же статье отмечается, что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков)». При этом соседство активности и сознательности косвенно указывает на начавшееся осмысление понятия активности как качественного феномена. Право граждан на объединение в организации для развития их активности подтверждается и в Конституции 1977 года: «Статья 51. Граждане СССР имеют право объединяться в политические партии, общественные организации, участвовать в

массовых движениях, которые способствуют развитию политической активности и самостоятельности, удовлетворению их многообразных интересов». Особо следует отметить, что в этом документе активность представлена не только как основа гражданского и политического объединения людей, но и как человеческое свойство, имеющее самостоятельную ценность. Констатируя в преамбуле «все более активное участие трудящихся в государственной жизни», Конституция рассматривает «творческую активность трудящихся» как опору государственного управления (Гл.2, ст.15), рекомендуя сочетать «единое руководство с инициативой и творческой активностью на местах» (Гл.1, ст.3). В Конституции 1993 года термин «активность» не употребляется. Разумеется, что это не означает полного отказа от надежд решения многих социальных проблем развития России за счет самостоятельности народа или полного непонимания властью значения массовой активности. Просто объективно существующее свойство личности – активность оказывается спокойнее и выгоднее для власти подменять абстрактными и неопределенными формами его проявления – самоуправлением и деятельностью гражданского общества.

Значительное развитие активистский дискурс получил в программах КПСС, особенно в варианте, принятом 1 марта 1986 года на 27 съезде. Смысловая нагрузка понятия «активность» не ограничивается в этом документе лишь количественным – усиленным, ускоренным – значением. Во многих случаях оно (понятие активности) соседствует с качественными характеристиками деятельности: «Чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижении»¹¹³. Пусть на словах (то, как было на деле требует особого анализа) партия нацеливается программой на «рост общеобразовательного, культурного и профессио-

¹¹³ Материалы XXVII съезда КПСС. – М.: Политиздат. – 1986. – С. 140.

нального уровня, трудовой и общественно-политической активности рабочего класса»¹¹⁴. Но самое важное, Программа ориентирует своих сторонников на «развитие политической системы, углубление демократии, социалистического самоуправления народа на основе повышения политической и трудовой активности масс, широкого вовлечения их в управление производством, государственными и общественными делами»¹¹⁵.

Удивительно, но КПРФ, воспринимаемая многими как преемница КПСС, не унаследовала от бывшей могущественной партии главного – ориентации на развитие активности широких народных масс. Ее программа содержит банальные и вышедшие из употребления штампы, безнадежно устаревшие и не отражающие новых тенденций развития российского общества. Мало того, что по объему программа КПРФ в 6 раз уступает своей предшественнице, по содержанию и глубине анализа она просто несопоставима с программой КПСС. Достаточно отметить, что развитие активности масс и отдельных субъектов по сути снимается с повестки дня, подменяясь вялыми и маловразумительными лозунгами, призывающими укреплять гражданское общество.

Те же недостатки присущи программному заявлению «Единой России», которая не осмелилась определиться с полноценной программой партии. Присущи они крайне амбициозной в декларировании долженствования программе ЛДПР и активистской по сути, но не усвоившей активизма по форме программе СПС и манифесту партии «Яблоко».

Похоже, что современные партийные программы не намерены апеллировать к разуму россиян. Для этого они слишком поверхностны, малонаучны, не отражают реальной жизни, не ставят перед обществом действительно актуальных задач. Причины подобной ущербности партийной мысли ле-

¹¹⁴ Там же, с. 155.

¹¹⁵ Материалы XXVII съезда КПСС. – М.: Политиздат. – 1986. – С. 183.

жат, по-видимому, в пренебрежении ею научным анализом современной внешней и внутренней политической ситуации, в уповании на эмоциональное восприятие населением многочисленных негативных фактов социального развития и попытках откровенного манипулирования общественным мнением. А, главное – в утрате понимания значения для процветания общества, государства, личности роста массовой социальной и политической активности населения.

Активность и ее разновидности в учебной литературе являются одними из самых распространенных понятий. Правда, 8 из 10 случаев употребления этого термина несут в себе смысл внешней количественной характеристики явления или процесса, употребляются в качестве синонима ускоренной человеческой деятельности и только меньшая часть содержит показатель особого внутреннего качественного состояния объекта, его реализации в социальных отношениях, во взаимодействии с окружающей действительностью.

Российские учебники по политологии испещрены дискурсивными догадками о сути политической активности субъектов. Не могут не коснуться этой проблематики ни политологи, ни социологи, ни юристы, ни экономисты, решившие пробовать силы в разработке учебной политологической литературы. Особенно успешно элементы теории активности применяются в разделах о политическом участии и политическом лидерстве. Но и в представлениях о политике в целом нередко высказываются мысли о значении в ней активности личности, общества и государства. «Оценка политики как особой сферы активности специальной группы людей и специального способа организации жизни имеет принципиальное значение» – считает Г.А. Белов¹¹⁶, а «человеческий фактор определяет меру активности политики, ее влияние на общество»¹¹⁷. Важную роль активности субъектов в политической жиз-

¹¹⁶ Белов, Г.А. Политология. Учебное пособие. – М.: ЧеРо. – 1999. – С. 11.

¹¹⁷ Там же, с. 10.

ни отмечают и другие авторы – «в самом широком смысле политические процессы есть форма политической активности общества»¹¹⁸. А в известном учебнике, опубликованном под редакцией М.Н. Марченко, подтверждается центральный активистский принцип марксизма: «человек, класс, общество в целом должны не только исходить из объективных законов и учитывать их в своей деятельности, но и активно влиять на ход событий в своих интересах»¹¹⁹. В работе под редакцией В.Д. Первалова напоминается, что «К. Маркс и Ф. Энгельс открыли и сформулировали закон о возрастающей роли и активности народных масс в истории»¹²⁰. И если обстоятельства препятствуют этому росту, то социальное развитие будет испытывать серьезные трудности. «В наше время большую актуальность приобрела проблема политической активности российских граждан – утверждается в учебнике. – Углубляющийся системный кризис в обществе порождает противоречивые формы, этой активности»¹²¹. Примечательно, что в словаре терминов, используемых в этом учебнике, многие из них определяются через понятие активности.

Вполне естественно, что современные учебники политологии насыщены стихийным дискурсом политической активности и остается сожалеть, что отсутствие философских обобщений не позволяет их авторам последовательно выдерживать логику активизма.

Дискурс политической активности в ресурсах Интернет чаще всего предстает как широко распространенный штамп, имеющий крайне неопределенную смысловую нагрузку. На

¹¹⁸ Курс политологии: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М. – 2002. – С. 268.

¹¹⁹ Политология. Курс лекций. Под ред. доктора юридических наук профессора М.Н. Марченко. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО. – 1999. – С. 68.

¹²⁰ Политология: Учебник для вузов / Отв. ред. д. ю. н., проф. В. Д. Первалов. – М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА). – 2002. – С. 97.

¹²¹ Там же, с. 54.

многих сайтах под политической активностью понимается просто явка на выборы: выше процент пришедших на выборы – выше политическая активность населения. Но даже термин «электоральная активность» для обозначения участия в голосовании оказывается не вполне корректным, поскольку такое участие может быть обусловлено механической привычкой, своеобразно понятой обязанностью, опасениями возможных негативных последствий по служебной линии и прочими мотивами, не связанными со свободным волеизъявлением.

Среди носителей политической активности можно встретить самые разнообразные объекты – молодежь, учащиеся, работники разных отраслей, избиратели... Ими могут быть регионы, органы власти, общественные организации, политические партии... По общему мнению в сети, политическая активность является формой активности социальной, продуктом рукотворным и управляемым, ее можно повышать или «сокращать» по желанию, ее можно демонстрировать или скрывать. Она может нарастать, спадать или давать разовые «всплески», «вспышки», «выбросы». Политическую активность могут проявлять государства и целые регионы, ее можно реализовать по случаю, во время каких-то событий и сделать это непосредственно или виртуально – например, через сеть.

Как видно, не систематизированное пространство сети содержит обширный и не упорядоченный дискурс, прямо или косвенно связанный с политической активностью.

Но каковы бы ни были формы дискурса политической активности, аналитикам не обойтись без их семиотической интерпретации. И в этом направлении в отечественной науке есть забытые заделы. Простой и удовлетворительный способ количественного выражения видов социальной активности был предложен четверть века назад свердловчанами, в частности, В.Г. Мордковичем. Любой вид социальной активности, по его мнению, может быть представлен вариациями в заданных диапазонах таких признаков как участие в практи-

ческой деятельности (участие–неучастие), ценностное отношение субъекта к этому участию (положительное–отрицательное), инициативностью действий (от минимума до максимума), временными затратами на реализацию данного вида активности. Группируя и суммируя полученные цифровые ряды значений видовой активности, В.Г. Мордкович определял их основные уровни – высокий, средний, низкий, пассивный.

Вполне приемлемо, сконструировал обобщенный показатель социальной активности москвич В.А. Смирнов. В его понимании формы социальной активности (производственно-трудова, общественно-политическая активности, активность в сфере духовной культуры и быта) включают в себя три основных звена – знания, убеждения и действия, а «структура активности представляет собой сплав двух «срезов», условно могущих быть названными «вертикальным» (расчленение активности на ее структурные звенья – знания, убеждения, действия) и «горизонтальным» (деление активности на ее основные формы и виды)»¹²².

К сожалению, теория активности более четверти века не разрабатывается российской наукой и практикой, а поэтому и соответствующий ей дискурс несовершенен и не создает предпосылок к развитию теории.

Так или иначе, но «...современный человек испытывает возбуждение, главным образом, от политических страстей»¹²³ и эти страсти должны находить выход, не в последнюю очередь, в дискурсе политической активности.

4.2.2.1.2. Динамика политической активности

Человек по своей природе существо активное. Каждый индивид обладает достаточно устойчивым свойством – спо-

¹²² Смирнов, В.А. Социальная активность советских рабочих: (Некоторые методол. и социол. аспекты проблемы) – М.: Политиздат, 1979. – С. 30.

¹²³ Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К. Бутырина. – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 51.

способностью влиять на ту среду, в которой он находится. И по мере развитости этого качества такое влияние будет большим или меньшим. Зависит это влияние и от характеристик самой среды, которая может стимулировать или подавлять проявление человеческой активности. В жестких средах человек теряет возможность самостоятельного развития, всецело подчинен внешним обстоятельствам, становится внешне пассивным, сохраняя способность к активным действиям в потенциальной форме.

Проявление активности людей в сфере политики особенно сложно и запутано, поскольку в ней – этой сфере – сконцентрирована непримиримая борьба за распределение жизненных ресурсов. По этой причине, пытаясь измерить человеческое свойство – активность, исследователь невольно обращается к характеристикам конкретного политического пространства, приписывая его показатели человеческой природе. Образова подобные «комплексные» критерии активности, советские философы и социологи в 70-х годах прошлого века сконструировали наукообразную теорию, поддерживающую государственную идеологию. Вместо действенного научного инструмента познания и преобразования действительности теория активности стала апологетикой существующего политического порядка. Поэтому не удивительно, что со сломом экономической системы и политического режима в России исчезла потребность в их обслуживающих построениях и теперь предстоит не легкая работа по реабилитации и модернизации рациональной составляющей науки того периода, которая незаслуженно и не критично отброшена.

Очевидно, что для анализа состояния того или иного человеческого свойства требуется по возможности точный количественный индикатор. Для его создания в началах теории активности нет необходимого материала, а современные формы политической жизни, бесспорно, влияющие на проявление активности людей, мало пригодны для отражения самого свойства активности. В таких условиях наиболее рацио-

нально продвигать теорию, опираясь на показатели самооценки уровня собственной активности ее субъекта. Такие самооценки можно получить с помощью социологического опроса. По данным наших исследований 2004 года в различных субъектах Российской Федерации соотношение уровней «высокой», «средней» и «низкой» самооценки политической активности (В:С:Н) было:

- в Алтайском крае – 6,6:71,7:21,7;
- в Новосибирской области – 10,4:68,0:21,6;
- в Омской области – 5,6:74,3:20,1;
- в Тюменской области – 6,4:71,9:21,7;
- в Курганской области – 6,1:73,1:20,8;
- в Челябинской области – 5,6:72,0:22,4;
- в Оренбургской области – 7,6:72,4:20,0;
- в Саратовской области – 6,4:72,4:21,2.

В среднем по Юго-Восточному региону России соотношение уровней политической активности опрошенных (В:С:Н) составляло 1:10:3.

Необходимо оговориться, что соотношение «В:С:Н» (1:10:3) нуждается в определенном уточнении. Оно содержит лишь принципиальное, но ориентировочное состояние политической активности в регионе (стране). Достаточно сказать, что тремя годами раньше (в 2001 году) по тому же региону оно составляло 1:8:2, что свидетельствует, по-видимому, о некотором ситуационном влиянии самооценок опрашиваемых, зависящих от разных политических факторов.

Есть основание утверждать, что этот показатель будет справедлив и для России в целом, а незначительные колебания самооценок следует отнести на влияние специфики политической среды в регионах.

Общественно-политическая активность выделялась у нас в конце советского периода в особый вид социальной активности, преобладающий над остальными и даже над трудовой. Идеологические трудности и противоречия развития теории общественно-политической активности того времени

были очевидны: активизация классовых, политических движений в обществе зрелого социализма противоречило официальной доктрине, а политическая пассивность населения не укладывалась в логику социалистического строительства.

Мало того, основоположники коммунистической идеологии в своих работах настаивали на повышении активности масс, увеличении объема активной массы трудящихся, росте их сознательности, инициативности, заинтересованном участии в политической жизни. Поэтому подтверждение закономерности возрастания общественно-политической активности различных субъектов при социализме характерно для всех ее исследователей.

Однако если такая закономерность при капитализме была предвестницей его крушения, то в условиях социалистического строя она должна иметь противоположные последствия. Общественно-политическая активность при социализме, по мнению советских марксистов, должна возрастать, изменяя при этом свое качество. Она должна быть направлена «не для сопротивления власти, а для поддержки, для развития мероприятий своей рабочей власти, для проведения их до конца»¹²⁴. Такая политическая деятельность людей полностью сводилась к выполнению поручений различных организаций и претворению в жизнь решений партии и правительства. Разумеется, что такая деятельность подкреплялась односторонним политическим образованием и информированием, для чего была создана широкая сеть организаций с практически полным охватом населения.

Можно спорить об активном, самостоятельном характере подобной массовой деятельности, но несомненно, что последняя является, по сути, не общественной, а тем более не политической.

В настоящее время в российском обществе нет потребности в изощренной государственной апологетике. Скорее,

¹²⁴ Ленин, В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 142.

наоборот, вопреки славословиям в пользу сильной государственности конец XX века прошел под знаком разрушения государства или, по крайней мере, ограничения многих его функций. Процесс ослабления государства позволил в основном завершить приватизацию государственной собственности, и теперь перед новыми собственниками встала задача закрепления изменившейся экономической системы. Подобная операция возможна лишь с помощью сильного государства. Поэтому начало XXI века в России ознаменовалось расширением государственных функций в общественном управлении, ограничением демократии и сужением пространства публичной политики. Несомненно, что при этом резко снижаются возможности проявления социальной (и особенно политической) активности населения, начинается накопление внутренней энергии, повышается вероятность бифуркационных прорывов в общественном развитии.

4.2.2.1.3. Влияние активности субъектов на развитие политических институтов¹²⁵

В большинстве стран мира (а в России особенно) власть неадекватно оценивает свои возможности и предназначение в обществе. Зачастую, большинство ее представителей свою роль в политической жизни существенно преувеличивает, поддерживая и распространяя представления о политической системе общества, как о продукте рукотворном и зависимом, главным образом, от вкусов и желаний высших руководителей. Историческая практика свидетельствует, что при таком подходе социально-политическое переустройство «сверху» может быть основано исключительно на насилии или обмане,

¹²⁵ Хвоцев, В.Е. Изменение социальной активности общества как основа трансформации политической системы. // Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы. Международная научная конференция. Тезисы докладов, Москва, 22–23 ноября 2007 г. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2007. – С.

а возведенная конструкция неизбежно становится малоэффективной и недолговечной.

Уместно напомнить, что политическая система общества многокомпонентна и содержит составляющие инертные, не поддающиеся быстрому волевому воздействию (традиции, обычаи), и элементы, чувствительные к управленческому влиянию (законы, организации). Оптимальное соотношение этих частей постоянно нарушается не продуманным вмешательством органов власти. В таких случаях вместо политической системы взаимодействующих элементов образуется политический конгломерат самостоятельных разнородных образований. Это обстоятельство затрудняет классификацию реальных политических систем и запутывает исследователей в поисках их критериальных основ.

Усиливающиеся в современном мире возможности волевого конструирования политических систем, порождают гибриды, несущие в себе все системообразующие признаки Ж.Блонделя, и создающие иллюзию универсализации политической жизни. Неизбежный в такой ситуации кризис теории политической системы разрушает построения К. Поппера относительно открытости и закрытости сообществ и оставляет шансы лишь для типологии Г. Алмонда, причем только в географической ее части.

Поскольку политическая система является существенной формой организации человеческого общества, проблемы ее эволюции и трансформаций необходимо решать в увязке с родовым качеством самого человека — его социально-политической активностью.

Нельзя забывать, что в фундамент мироздания имманентно заложено активное начало¹²⁶, и вряд ли можно оспорить категоричное заключение по этому поводу Э. Фромма,

¹²⁶ Хвоцев, В.Е. Становление и развитие философских идей активизма. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. — 2002.

что «бытие...подразумевает способность быть активным; пассивность исключает бытие»¹²⁷. А, значит, и организованное «системное» бытие зависимо от его первоосновы – активности личности и общества.

На этом основании логично утверждать, что политическая система любого общества должна соответствовать социально-политической активности образующих это общество субъектов и меняться в тесной зависимости от ее уровня и качественного состояния. Другими словами, трансформация социальной активности общества неизбежно влечет за собой структурные общественные изменения, которые являются предвестниками объективно начинающегося переустройства политической системы.

Наделенная интеллектом власть может в определенных рамках содействовать или препятствовать этому процессу, стимулируя или притормаживая развитие социальной активности различных субъектов. Власть примитивная концентрируется на созидании новых элементов политической системы или на перестановке руководящих ею кадров.

Политическая система характеризуется, в первую очередь, наполнением своего пространства активными индивидами и группами. Политически пассивные субъекты находятся не только вне политики, но и за пределами политической системы, испытывая на себе ее воздействие как внешней силы. Значительная часть населения любой страны ведет внесистемное существование, являясь по выражению В.И. Ленина «главным пассивным двигателем» общественного развития. Таким образом, важнейшими показателями политической системы выступают ее наполненность активными субъектами и доля этих субъектов в общем объеме населения. Более того, активные индивиды и группы являются системообразующими компонентами политической системы, а тради-

¹²⁷ Фромм, Э. Иметь или быть? Пер. с англ./Общ. ред. и посл. В.И.Добренков. – 2-е изд., доп. – М.: Прогресс, 1990.

ции и обычаи, нормы и законы, институты и организации, сложившиеся в обществе, – всего лишь ее вторичными производными признаками.

Всякая система занимает определенное и конечное пространство. Политическая система охватывает политическую сферу общества, которая по объему и качеству не совпадает ни с другими социальными сферами (например, экономической), ни с государственными границами.

По ориентировочным данным наших исследований политической активности граждан состав российской политической системы включает сегодня не больше 10% взрослого населения. Это означает, что более 90% россиян, обитающих вне политической системы общества и голосующих на выборах и референдумах не заинтересованно, а потому участвующих в них пассивно, объективно не могут принимать эффективные решения относительно чуждого им пространства. Обитатели противоположного и малочисленного полюса российской социальной структуры, узурпировавшие богатства страны, предпринимают политические действия преимущественно для парирования угроз своим экономическим интересам, оставаясь, по сути, политически пассивными. И сама власть, похоже, утратила позитивный смысл служения обществу и руководствуется меркантильными побуждениями, сосредоточившись на побочной составляющей политики – политической борьбе, демонстрируя тем самым низкое качество собственной политической активности.

Направивается вывод, что под воздействием социальных и экономических перемен политическая активность российской нации оказалась в состоянии всеобщего упадка. Глубокий кризис политической активности¹²⁸ не мог не затронуть

¹²⁸ Хвошев, В.Е. Кризис теории активности и его причина // Тезисы докладов и выступлений республиканской научно-теоретической конференции «Россия на пути реформ: основные парадигмы развития общества». – Челябинск, 1998; Хвошев, В.Е. Снижение созидательной активности российского общества как причина системного кризиса // Тезисы выступлений меж-

всей социально-политической организации общества, вызывая негативные изменения, которые нелегко преодолеть формальным переустройством институтов и организаций.

Не заслуженно забытые теоретики марксизма-ленинизма уделяли большое внимание необходимости развития массовой политической активности, усматривая в ее возрастании фундаментальную основу укрепления политической системы социалистического общества. Об этом говорят исследования советских ученых 60-х – 70-х годов прошлого столетия. В те не столь далекие времена почти одновременно в городах Курске и Красноярске, Москве и Свердловске, Харькове, а чуть позднее Минске, Новосибирске, Челябинске прошли волны дискуссий, конференций, социологических исследований, посвященных актуальным проблемам активности. Расцвет прикладной социологии, пришедшийся на то же время, вооружил исследователей мощными средствами познания, существенно углубил и умножил возможности определения политической активности, факторов ее роста, условий развития. Не удивительно, что столь плодотворная ситуация в науке подготовила почву для возникновения школ и направлений в теории активности. Общей чертой этих исследований была интерпретация возрастания политической активности как специфического феномена политической системы социализма.

Однако последние советские руководители не преуспели в реализации идей общественной науки того периода. Возможно, в какой-то мере и по этой причине были расшатаны основы политической системы Советского Союза.

Пытаясь извлечь уроки из недалекого прошлого, связанного с ошибками скороспелых и непродуманных демокра-

дународной научной конференции «Стратегия опережающего развития для России XXI века». Т. 4. Ч. 1. – М., 1999; Хвощева, В.Е. Преодоление социальной депрессии переходного периода // Тезисы выступлений международной научной конференции «Россия 2000: социальные силы и пути преодоления системного кризиса». – М., 2000.

тических реформ, российские власти, особенно в последние годы, концентрируют в своих руках широкие политические полномочия. Не удивительно, что и в научной литературе и в публицистике стало распространяться мнение о неуклонном сужении современного поля российской публичной политики, ведущем к ослаблению политической системы общества. Реально это поле еще уже, чем может казаться, и традиционно продолжает оставаться засоренным искусственными и не жизнеспособными формами. Отторжение подобных нагромождений связано, скорее, с усиливающейся рационалистичностью жизни, чем с трансформацией политической системы или чьей-то волей.

В настоящее время создается парадоксальное впечатление, нуждающееся в серьезной проверке и аргументации, что трансформация политической системы России, если такая и происходит, развивается на фоне пассивности деполитизированного общества, с одной стороны, и сопровождается ростом значения и роли политики в государственной жизни, ее привлекательности для отдельных групп населения, с другой. При этом политика утрачивает остатки романтического ореола, становится неприкрытым и циничным средством достижения неполитических целей.

Сегодня российская политическая система стала малообъемной, пассивной, не адекватно структурированной, а большинство индивидов и общественных образований, по разным причинам оказавшихся вне системы, не мотивировано к обретению в ней своего места. Попытки институционального переустройства отдельных элементов политической системы «сверху» оказываются малопродуктивными, поскольку не затрагивают основы, ведущей к действительному развитию системы, развитию, которое не возможно без расширения объема активной массы населения и повышения уровня активности, включенных в нее субъектов. В условиях застоя и стагнации политической активности серьезные системные изменения вряд ли возможны и могут носить лишь

локальный косметический характер. Впрочем, оставляют надежды на глубокие перемены и современная политика российской власти, направленная на материальное стимулирование гражданской инициативы, и вероятное оживление научного интереса к возрождению теории активности как основы изучения трансформационных процессов в обществе.

4.2.2.2. Трудовая активность

Развитие трудовой активности населения является актуальной задачей современного государства. Без ее решения вряд ли возможен общественный прогресс и вероятен быстрый упадок цивилизации, хотя многие исследователи отмечают устойчивое снижение социального престижа труда.

На протяжении многих тысячелетий труд был преимущественно подневольным, а трудовая деятельность, зачастую, навязывалась с помощью насилия. Однако по мере развития производства и усложнения труда грубая сила становилась все менее эффективной в деле хозяйственного строительства. Понадобились мощные экономические стимулы трудовой деятельности в виде адекватной заработной платы. По сути, переход от прямого трудового принуждения к жесткому стимулированию означал замену физического насилия над человеком на насилие экономическое. Несомненно, что трудовая деятельность при этом сохраняла, хотя и в другой форме, свой отчужденный характер.

Современный мир стоит на пороге принципиальных изменений в отношении человека к своей деятельности. Нужны новые приоритетные стимулы, побуждающие людей к высокой трудовой активности. Такие стимулы должны быть найдены во внутреннем мире человека, поскольку мир внешний становится недостаточным раздражителем для масштабного высвобождения личностной и социальной энергий в трудовой сфере. А это будет возможно тогда, когда труд станет самостоятельным, добровольным, заинтересованным, творческим, свободным от внешнего принуждения. Очевидно, что такой труд может быть проявлением в

большей или меньшей мере сформированного качества личности – трудовой активности.

Осознание общественной потребности в трудовой активности людей в нашей стране пришло едва ли не в первой, хотя и с досадным опозданием. Разработка теории активности проходила достаточно быстро, но на фоне социального застоя или может быть даже кризиса социалистического строя. Этим обстоятельством обусловлены, по-видимому, многие ошибки теории и упущенные возможности практики. Тем не менее, вопреки распространенным сегодня уничижительным оценкам нашего прошлого массовый энтузиазм, трудовой героизм, самоотверженность, трудовое творчество были спутниками начала строительства социализма в большевистской России. Несколько позже это новое явление в трудовой сфере деятельности нашло отражение в многочисленных научных работах. Усилиями Ануфриева Е.А., Арефьевой Г.С., Афанасьева В.Г., Беленького В.Х., Волкова Ю.Е., Нугаева М.А., Мордковича В.Г., Смирнова В.А., Якубы Е.А. и других советских ученых удалось наметить решение многих проблем, касающихся сущности и явления, содержания и формы трудовой активности, в известной мере выяснить механизм реализации активности общества и личности, определить основные факторы активной деятельности, ее критерии и многие показатели. Тогда в научных исследованиях по этой теме было допущено немало идеологических перекосов. Однако главное было сделано – зафиксированы факты становления новых трудовых отношений, в основе которых заложена человеческая активность и связанный с нею «труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма»¹²⁹.

¹²⁹ Ленин, В.И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 315.

Трудовая активность, как правило, связана с деятельностью усиленной, сверхнормативной, связана в большей или меньшей мере, но не тождественна ей. Во все времена политические системы, так или иначе, стимулировали и продолжают стимулировать усиленную, интенсивную трудовую деятельность, сохраняя ее отчужденность и тем самым, предопределяя тщетность своих усилий в этом направлении.

Между тем в некоторых высокоразвитых странах с мягким экономическим принуждением складываются благоприятные условия для формирования высокой трудовой активности населения. К сожалению, к этим странам нельзя отнести современную Россию. Однако многие годы упорной воспитательной работы государства в сфере труда и производства оставляют и сегодня элементы этого качества у большинства населения Российской Федерации. Это проявляется в терпимости людей к низкооплачиваемому (или неоплачиваемому вовсе) труду в полуразрушенном хозяйстве, вызывающей недоумение особенно у иностранцев. Вероятно, что еще несколько лет временное, ситуативное противоречие между угасающей готовностью к самостоятельному труду его субъектов, с одной стороны, и социальной вседозволенностью в обществе, с другой, будет создавать возможности для обогащения единиц и обнищания миллионов людей.

Можно утверждать, что трудовая активность является большой общественной ценностью и продолжает оставаться важнейшим источником человеческого развития, что трудовая активность – качество неоднородное и проявляется в обществе неравномерно, что трудовая активность сохраняется у значительной части населения нашей страны на достаточно высоком уровне, что трудовая активность, к сожалению, утрачивает производственную ориентацию в современной России, былую общественную направленность и приобретает индивидуалистский характер. Тем не менее, в становлении и развитии трансактивности актив-

ность трудовая играет едва ли не главную роль, пронизывая все сферы человеческой деятельности.

4.2.2.3. Творческая активность

В не меньшей мере проникновением во все виды социальной деятельности обладает творчество и определяющая его творческая активность, давно превратившаяся в универсальный показатель трансактивности.

Суть творческой активности близко отражается ее проявлением – творчеством¹³⁰. В научной литературе можно встретить множество самых различных толкований творчества. «Творить – давать бытие, сотворять, созидать, создавать, производить, раждать»¹³¹. «Творчество – в прямом смысле – есть создание нового»¹³². Но в таком случае замечает Ф. Б. Атюшков, автор энциклопедической статьи, творчество относится ко всем процессам органической и неорганической природы, где имеет место обновление, где происходят непрерывные изменения, а все зарождающееся есть продукт творческих сил. Хотя и «мимезис, или подражание образцам природы и культуры, не исключает творческой активности, а интенсифицирует ее»¹³³.

Идеи о всеобщности творчества как свойства мира высказывались Б.А. Лезиным, М.А. Блохом, ставившими творчество в основу его эволюции, К.А. Адамецки, пытавшимся возвести творчество в универсальный принцип развития. Наиболее категорично и определенно эти мысли сконцентрированы в работах Я.А. Пономарева. По этому поводу он пи-

¹³⁰ См. Хвошев, В.Е. Массовое производственное творчество как элемент трудовой активности и фактор формирования личности рабочего в условиях развитого социализма / автореферат дис. на соиск. уч. ст. к.ф.н., – Казань, 1983.

¹³¹ Даль, В. Толковый словарь. 2-е изд., 1982, т.4. – С. 394.

¹³² Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. Энциклопедический словарь, – С.-Петербург, 1901. – С. 729.

¹³³ Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – С. 98.

шет: «Творчество – необходимое условие развития материи, образования ее новых форм, вместе с возникновением которых меняются и сами формы творчества. Творчество человека лишь одна из таких форм»¹³⁴. Отсюда автор последовательно выводит, что и «результаты творчества – есть следствие взаимодействия материальных реальностей»¹³⁵, а само творчество, понимаемое им как «взаимодействие, ведущее к развитию», «как механизм развития», «выступает в качестве атрибута материи, ее неотъемлемого свойства»¹³⁶.

Достаточно распространенными в современной науке являются и более узкие представления творчества, наделяющие этим свойством лишь органическую природу. Так, основываясь на взглядах Э. Маха, П.К. Энгельмейер усматривает творческое начало во всех процессах развития органической природы, интерпретируя его как важнейшее проявление жизнедеятельности организма, как свойство всего живого. В его представлении «творчество есть жизнь, а жизнь есть творчество»¹³⁷. При этом творчество человека – лишь момент существования этого общего, его конкретная форма, его особенное.

В настоящее время можно встретить еще больше сторонников предельно узких взглядов на творчество, как специфически человеческий, социальный феномен, присущий редким индивидам, наделенным особым даром.

По-видимому, наиболее широкое толкование творчества в большей мере соответствует целостной картине мира, а распространенная метафоричность обыденного применения термина по отношению ко всей природе не столь оправданна.

Широкое и узкое смысловое наполнение категория творчество имеет и во многих других аспектах. Например, в гносеологическом, суть которого состоит в познании соот-

¹³⁴ Пономарев, Я.А. Психология творчества. – М., 1976. – С. 16.

¹³⁵ Пономарев, Я.А. Психология творчества. – М., 1976. – С. 16.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Энгельмейер, П.К. Теория творчества. – СПб., 1910. – С. 16.

ношения между творческим мышлением и соответствующей практической деятельностью, между духовной стороной творческого процесса и ее материальным воплощением. В этом плане взгляды исследователей распадаются на три большие группы: первая из них основывается на трактовке творчества как полностью или преимущественно мыслительного процесса, либо процесса, основанного исключительно на чувствах и лишенного рационального начала. Согласно этим представлениям, активность сознания заключается в некоторой автономной переработке объекта созерцания на базе присущих ему имманентных норм. В этом случае творчество сводится к конструированию идей, противостоящему практике, что является, вероятно, преувеличением мыслительной деятельности человека. Такого взгляда на творчество в тех или иных модификациях придерживаются многие наши исследователи. Так, по мнению Ю.С. Мелешенко, творчество есть «духовный процесс, в ходе которого создаются идеальные модели будущих...систем»¹³⁸. При этом не только снижается роль практики в продуцировании идей, но и подменяется источник творчества – постоянно самовоссоздающееся противоречие между социальными потребностями людей и уровнем развития материального производства, как средства их удовлетворения – некоторой духовной предрасположенностью к творческой деятельности.

В противоположность этим представлениям выступает вульгарный домарксовский материализм. Его адепты игнорируют роль мышления в творчестве, акцентируя все внимание на деятельно-практической стороне. Ограничение творческой силы человека областью эмпирического почерпнуто «ранними» материалистами, вероятно, из учения Д. Юма. Именно для последнего характерны наиболее определенные высказывания в этом плане. Принижая роль мышления в творческом

¹³⁸ Мелешенко, Ю.С. В.И. Ленин и проблемы техники, технического прогресса // Вопросы философии. – 1969 – № 6. – С. 9.

акте, английский философ полагал, что человек способен лишь «соединять, перемешать, увеличивать или уменьшать материал, доставляемый нам чувствами и опытом»¹³⁹. И в советское время и в наше человек причислялся и причисляется некоторыми учеными к разряду механизмов, действующих по законам физики и математики, как любая машина. Такая логика умаляет роль творческой активности человека в социальном развитии.

Пожалуй, что особенно непродуктивными выглядят попытки представить творчество как сверхчувственное переживание, лишенное рациональности и логики. Сведение творчества к актам захватывающей и алогичной одержимости, впечатляемости, безотчетной аффективности заставляло еще Платона искать источник творчества в потустороннем, запредельном, божественном начале. Полное самозабвение, своего рода эмоциональный экстаз, характерные для творческого акта, исключают, по его мнению, возможность познания природы творчества. Раскрытие соотношения чувственно-эмпирического и теоретико-логического во все времена вызывало у исследователей серьезные трудности. А. Эйнштейн указывал на существование между ними «вечного противоречия» и отсутствия логического пути, способного привести к установлению связи чувственного восприятия и мыслительных принципов, лежащих в основе теоретических схем¹⁴⁰, на отсутствие возможности совместить творческое мышление с творческим бытием.

Между тем творчество по своим характеристикам совпадает с трансактивностью. Оно тесно связано с интересами и потребностями, ценностями и убеждениями людей, протекает с повышенной интенсивностью и сопровождается высоким эмоциональным подъемом. Особый характер творчества, как деятельности новаторской, оригинальной, оказывается весьма

¹³⁹ Юм, Д. Соч. в 2-х томах, т. 2, с. 21.

¹⁴⁰ Эйнштейн, А. Собр. научных трудов, т. 4. – С. 154.

неопределенным и относительным. О творчестве говорят как о деятельности «реорганизующей», создающей «новые комбинации» (А. Матейко), «трансформирующей» реальность (Ж. Туссен), обладающей «полезностью», «значимостью» (Д. Пельц, Ф. Эндрюс), «общественной ценностью» (Брогден), как о деятельности, связанной с «открывательством», «изобретательством» (Р. Буарель, Ж.Ж. Руссо), «отысканием проблематичности» (Э.Г. Юдин). Это деятельность, по мнению некоторых ученых, «популярная», «продуктивная» (Гизелин, Смит, Тэйлор), «нетрадиционная» (Ньюэл, Саймон, Шоу), отмеченная «свежестью», *serendipity* (У. Кеннон), являющаяся антиподом шаблонных, автоматических, несамостоятельных, некритичных, комформных, «рутинных» (П.К. Энгельмейер) действий. Новое, неизвестное для одного индивида может оказаться старым, освоенным для другого и не иметь никакой общественной значимости¹⁴¹. Однако деятельность такого новатора по своим переживаниям и характеристикам не будет отличаться от высокого творчества первооткрывателя. В таком случае, если пренебречь социальным значением творческой деятельности, которая устанавливается, как правило, после завершения творческого процесса, то исчезнут последние различия между творчеством человека и его трансактивностью.

Тем не менее, в современной литературе часто под творчеством понимают некоторое социальное новаторство, деятельность, порождающую «нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее»¹⁴². В таком представлении творчество становится некоторой высшей формой проявления все той же трансактивности человека¹⁴³.

¹⁴¹ См. Хвощев, В.Е. Неучитываемое производственное творчество трудящихся промышленного предприятия – Челябинск, изд-во ЧГПИ, 1978. – 43 с.

¹⁴² БСЭ. 3-е изд., 1976, т. 25. – С. 330.

¹⁴³ См. Хвощев, В.Е. Участие в производственном творчестве как проявление активной жизненной позиции личности, в кн.: Формирование активной жизненной позиции учащейся и рабочей молодежи – Челябинск: изд-во ЧГПИ, 1980.

В итоге творчество, как бы оно не понималось, всегда есть либо высшая форма активности субъекта, либо полный ее синоним. А это дает основание считать творческую деятельность *критерием трансактивности*.

4.2.3. Технологии социальной активности

В свое время усилия советской власти были сосредоточены на формировании социально значимых ориентиров реализации активности народа. И в этом была сила социалистического строя. Современное буржуазное общество озабочено, главным образом, ликвидацией избыточной энергии населения. И в этом его слабость. Избыточная активность является «капиталом» индивидуума, обеспечивающим личностное развитие человека, его высокую значимость как общественного существа. Поэтому государство, покушаясь на этот капитал граждан, вынуждено скрывать свои истинные цели и намерения, заменяя их ложными, иллюзорными для большинства членов общества. В этом случае управление политической активностью людей превращается в манипулирование, построенное на массовом обмане.

Политика правящего класса в отношении развития и использования активности людей может быть осмысленной или осуществляться самотеком. Управление человеческой активностью предполагает разработку определенных стратегий и включает в себя совокупность стимулов и запретов реализации активности, которые постоянно действуют в любом обществе и не могут не влиять на развитие и проявления важнейшего человеческого качества – активности.

Управление социальной активностью имеет принципиальных противников, считающих, что «...человеку предстоит перестроить свои технологические способности с принципа

переделки мира на принцип подражания или, лучше, благоговейного следования Творению»¹⁴⁴.

История современного общества отражает процесс усложнения человеческих отношений и деятельности людей. От простых спонтанных действий человек переходит к продуманным, согласованным процедурам, в которых участвует множество субъектов¹⁴⁵. При этом идеологическое обеспечение деятельности и план ее непосредственного исполнения образуют неразрывное целое – технологию.

Составное слово «технология» строго означает учение о способах, методах, навыках выполнения каких-либо действий. Однако в литературе оно встречается, по крайней мере, в трех разных смыслах. Во-первых, технология – это своего рода план, проект, идеальная конструкция предполагаемых действий людей. Во-вторых, это – некоторое учение или даже наука о способах деятельности субъектов. В-третьих, это непосредственная практика реализации задуманного. В широком смысле «технология» включает в себя и первый, и второй, и третий моменты. Однако как искусство, мастерство, умение это понятие может быть представлено в более узком значении в виде некоторого промежуточного звена между теорией (наукой) и практикой, в виде мыслительной конструкции, подготовленной для дальнейшего внедрения. В таком случае «технология» – это некоторый подробный план возможных действий субъекта, а соответствующий «технологический процесс» будет означать не реализацию этого плана, а всего лишь этап его разработки, проектирования. Другими словами, «технология» в этом смысле представляет собой учение о способах соединения

¹⁴⁴ Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – С. 97–98.

¹⁴⁵ Хвощев, В.Е. Социальные технологии как форма реализации политической активности субъектов / Гуманитарные проблемы российского общества: история и современность. Тезисы докладов и сообщений. – Челябинск: ЮУрГУ, 1999.

науки с практикой. Конечно, такие способы многовариантны, поэтому можно говорить о конкурирующих технологиях, о технологических альтернативах действий.

Размышляя о влиянии промышленного производства на человека, К. Маркс в «Капитале» точно заметил, что «технология вскрывает активное отношение к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений»¹⁴⁶. Во второй половине 19 столетия понятие «технология» охватывало исключительно сферу производства, область отношений «человек–природа». Технологические решения того времени в лучшем случае сопровождались разговорами об их социальных последствиях, а большинство технологических теорий были построены на противопоставлении человека природе, технике, производству.

В настоящее время ситуация изменилась в сторону смещения акцентов на социальные, психологические, экологические аспекты новых технологий и даже появились специальные технологии, прямо воздействующие на социальные, в том числе, политические отношения. В технологиях (и особенно политических технологиях) важно различать участников – субъектов, объектов и конструкторов. К первым из них следует относить объединенных общими намерениями людей, генерирующих идеи и алгоритмы будущих технологий. Последние – конструкторы – разрабатывают конкретные программы действий и детали технологических решений.

Любая технология отражает активность субъекта по отношению к природе, обществу, человеку, является энергетической характеристикой ее создателя. Технологическая отсталость общества почти всегда является верным признаком его пассивности. В то же время широкое применение современных технологий не так часто указывает на высокий уровень социальной активности личности и общества. Становит-

¹⁴⁶ Маркс, К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383.

ся обычным, что стихийное, традиционное, самобытное начало в них исчезает, уступая место технологическим стандартам. Такого рода унификация ведет к возрастанию роли освоения отсталыми народами «чужих» технологических рецептов, а, значит, снижению творческого уровня, уровня активности отстающих и, как следствие, к еще большей отсталости. При этом меняется характер человеческого мышления в целом, с каждым днем обретающего все большую технологичность, склонность к механической компоновке известных технологий, утрачивающего эвристическую (активную) составляющую сознания.

Исторические процессы в современном обществе все чаще становятся результирующими множества технологий: политических, экономических, промышленных, социальных. Поэтому сама история приобретает черты искусственного продукта, несущего отпечаток социальной активности субъектов в большей мере, чем объективных экономических процессов, выражающих потребности и интересы людей. Так творчески скудеющий отехнокрачивающийся разум вместо порядка вносит дополнительный хаос и непредсказуемость в процесс общественного развития.

Социальные технологии, как ни странно, решая определенные текущие проблемы, создают проблемы новые, причем, глобального масштаба.

Следует иметь в виду, что выбор и внедрение любой социальной технологии носит исключительно политический характер. В наше время натуралистическим концепциям общественного развития все труднее выдерживать критику активизма с его социальным проектированием, инженерией, технологиями. И даже самые ярые противники активистских воззрений, такие, как К. Поппер, вынуждены признать значение технологических усилий человечества в конструировании исторического процесса.

Можно утверждать, что организация и управление современного общества достигли такого уровня, что чело-

веческая история становится преимущественно рукотворным политическим актом, в основу которого закладываются проекты технологов.

Активное вмешательство человека в общественное развитие в настоящее время стало фактом, а всякие попытки предотвращения такого вмешательства требуют дополнительного политического вмешательства, что только усложняет последствия человеческой деятельности, делает труднопредсказуемыми ее результаты.

Важно подчеркнуть, что объектом социальных технологий является общество или его часть, а субъектом – активные личности. При этом созидаящая личность, в целом адекватно отражая социальные процессы, по своей природе склонна к нетерпению, обладает избыточным политическим темпераментом. И это обстоятельство необходимо учитывать в социальном проектировании.

Нередко бывает, что активность личности выше активности общества, а индивидуальная активность – активности коллективной. По этой причине активность отдельного человека по отношению к обществу имеет революционный характер, отрицающий постепенное эволюционирование. Инертная бюрократия общественных институтов, которая постоянно подвергается вполне заслуженной критике, служит здесь своего рода демпфером между человеком и обществом, обеспечивая относительную политическую стабильность развития. Такую же роль играют и современные социальные технологии, призванные, помимо прочего, ограничить, сдержать избыточную политическую активность людей с помощью «позлементной» инженерии.

Вероятно, что многие неудачи реформ в России конца 20 века связаны с политическим нетерпением и торопливостью реформаторов, технологической непроработанностью многих политических решений.

Достижение общественного согласия является непременным условием гармоничного социального развития.

Это условие особенно актуально для современной России, вынужденной искать оперативные ответы на многочисленные вызовы времени. По разным причинам возможности консолидации нашего общества весьма ограничены и участие в избирательных кампаниях остается одним из немногих путей преодоления разобщенности населения.

Среди известных технологических форм повышения электоральной активности наиболее эффективной продолжает оставаться пропаганда. Несмотря на то обстоятельство, что термин «пропаганда» имеет в настоящее время распространенный негативный характер, соответствующая ему деятельность, направленная на повышение электоральной активности, обладает бесспорной общественной ценностью. Она осуществляется в интересах тех, кому адресована, и способствует сплочению людей вокруг пропагандируемых идей.

Столкновение позитивной и негативной¹⁴⁷, конструктивной и компрометирующей пропаганды приобретает особый накал во время избирательных кампаний. При этом негативная пропаганда навязывает человеку, как правило, чуждые ему убеждения, создает иллюзорную действительность, параллельную реальной, с ложной системой ценностей, преследуя эгоистические цели отдельных групп в ущерб общественным интересам. Негативная пропаганда разжигает социальную вражду, обостряет общественные противоречия, стимулирует низменные человеческие инстинкты и, в конечном итоге, приводит к поляризации общества, его расколу. Негативная пропаганда откровенно направлена на стимулирование протестной и деструктивной активности.

К подобным результатам приводит и политическая реклама кандидатов, которые строят свою кампанию в расчете на протестное голосование избирателей. Технологически это представляет особый вид пропаганды с акцентами на сбор

¹⁴⁷ Цуладзе, А. Политические манипуляции или покорение толпы. – М., 1999. – С. 131.

компрометирующей информации о конкурентах, бедствующее положение значительной части избирателей, гипертрофированные проблем социально-экономического развития страны. Трудно не согласиться, что «предвыборные кампании, рассчитанные исключительно на протестный электорат, эксплуатируют и тем самым культивируют аффект бедности в массовом сознании, используют и тем самым усиливают массовые невротические реакции значительной части населения»¹⁴⁸.

Организаторам избирательных кампаний и выборов можно рекомендовать поддерживать, главным образом, те виды пропаганды, агитации и рекламы, которые обеспечивают высокий уровень электоральной активности. Усилия в этом направлении будут содействовать и укреплению гражданского согласия.

Как видно, социальная и, в частности, политическая активность личности и общества достаточно технологичны по природе и должны обеспечиваться научно обоснованным технологическим сопровождением.

5. АКТИВИЗМ – МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

За тысячелетия истории Homo sapiens сумел освоить два близких по сути подхода к пониманию действительности. Один из них – теологический – рассматривал эту действительность, как творение божественного разума и воли. На этой основе строились вполне логичные философские системы, обладающие многими достоинствами и едва ли не единственным, но решающим недостатком – отсутствием убедительных доказательств существования верховного творца. Это обстоятельство побудило мыслящее существо к модернизации религиозного мировоззрения и замене возвышенной божественности своих построений весьма приземленным, но прогрессивным для того времени, механицизмом.

¹⁴⁸ Мирошниченко, А.А. Public Relations в общественно-политической сфере. – М., 1998. – С. 22.

Здравый смысл стал быстро фиксировать объем окружающего человека фактов механических движений, связывая их по мере сил в единую механическую систему. Так родилась наука, свободная, как казалось, от бога. Служители научного культа на протяжении многих веков, усложняя свои построения и не в силах преодолеть их фундаментального механицизма, тщательно избегали постановки принципиального вопроса: кто тот «механик», который создал из «мертвой» материи «живую» конструкцию и поддерживает ее движение? И не тот ли это сверхестественный создатель, который признается всеми религиями? В таком случае отличие науки от теологии оказывается малосущественным и сводится к второстепенной детали – к живописанию (в первом случае) или замалчиванию (во втором) образа всемогущего «механика». Во всем остальном наука и религия демонстрируют генетическое единство, позволяющее им бесконфликтно сосуществовать в XXI веке.

Можно предположить, однако, что в ближайшей перспективе роль внешнего двигателя в мировом развитии будет пересмотрена в пользу признания решающего значения активности материального мира, признания примата самодвижения, самоупорядочивания, самоорганизации материальных объектов.

Суть активизма отражена в широкоизвестном изречении К.Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹⁴⁹. От объяснения к практическому изменению действительности человечество шло на протяжении всей своей истории, усиливая свои возможности в этом направлении.

Современный мир активно переделывается и перекраивается преследующим собственные интересы человеком. Причем влияние последнего на процессы развития природы и общества стали настолько значительны, что

¹⁴⁹ Маркс, К. Тезисы о Фейербахе. 11-й тезис.

вчерашие объективные закономерности теряются в потоке искусственно направляемых человеческой активностью течений жизни. Не удивительно, что в столь сложном рукотворном движении многие исследователи потеряли смысл и логику происходящего, отказываются понимать, а не то что прогнозировать, лавину событий.

В такой ситуации наиболее сложные социальные процессы необходимо раскладывать на составляющие, обусловленные активностью субъектов, во-первых, и основанные на внешнем воздействии и инерции, во-вторых. Тогда есть надежда обнаружить совокупность социальных закономерностей, результирующая которых воспринимается часто как хаос. Прежде всего, в этом, по-видимому, состоит задача активизма как метода познания.

Содержательную сторону активизма многие его последователи и критики представляют по-разному. «Назовем стремление к активности и неприятие «покоя» *активизмом*»¹⁵⁰ – предлагает К.Поппер. Такая позиция наиболее привлекательна, по его мнению, для «тех, кто чувствует в себе призвание к активности, к вмешательству, особенно в дела человеческие, – тех, кто не хочет мириться с существующим порядком вещей и не считает его неизбежным»¹⁵¹. Остается добавить, что сам активизм может привлекать людей в большей или меньшей мере или не привлекать вовсе. Однако активность объектов необходимо учитывать при исследованиях природных и, особенно, социальных явлений и процессов.

Как безнадежно устаревшее выглядит утверждение, что «активизм оправдан только в том случае, когда покоряется предстоящим изменениям и способствует им»¹⁵². Более того, активизм не часто предлагает плыть по течению, поскольку оно никогда полностью не совпадает с его устремлениями.

¹⁵⁰ Поппер, К.Р. Нищета историцизма: Пер. с англ. – М.: Издательская группа «Прогресс»-VIA, 1993. – С. 15.

¹⁵¹ Там же, с. 15.

¹⁵² Там же, с. 61.

Именно поэтому легко согласиться с А.С. Панариным, что «индустриальный активизм характеризуется «энергетикой противопоставления человека миру»¹⁵³.

Встречаются представления об активизме и другого рода как «полное внутреннее преодоление тварного эгоизма, отказ твари от собственной воли и полная, беззаветная ее отдача себя Богу. Это – решимость не иметь собственной жизни, а жить исключительно жизнью божественною и стать сосудом Божества»¹⁵⁴.

Углубляющееся понимание активности субъектов не могло не отразиться на развитии научной методологии и вплотную приблизило исследователей к переосмыслению утвердившихся представлений о системности.

Общепризнано, что в настоящее время системный подход является мощным инструментом научного познания. Суть самого подхода просто и ясно изложена в одной из работ М.С. Кагана «Человеческая деятельность» и сводится к необходимости рассмотрения изучаемого явления в различных плоскостях (аспектах) – предметной, функциональной, динамической. Можно принять выделение М.С. Каганом в рассматриваемых аспектах дополнительных составляющих, с утверждением необходимости сопряжения предметной, функциональной и исторической плоскостей для образования более или менее целостного научного подхода.

Однако нельзя согласиться с тем, что обозначенные исследовательские срезы «должны быть признаны необходимыми и достаточными методологическими компонентами»¹⁵⁵ для понимания того или иного явления как целого. Логика активизма подсказывает включение в системный подход дополнительной плоскости (аспекта, среза), а именно – преоб-

¹⁵³ Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – 392 с.

¹⁵⁴ Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни, – М., 1994.

¹⁵⁵ Каган, М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974. – С. 22–23.

разовательной, позволяющей учесть в развитии важные роли участвующих в нем активных начал. Действительно, генетический аспект системного подхода, согласно представлениям М.С. Кагана, фиксирует лишь факт развития, оставляя вне поля зрения исследователя глубинные причины движения системы. А между тем изучение внешних и внутренних процессов развития позволяет, во-первых, выделить источники активности системы, определив тем самым содержание компонентного анализа. Во-вторых, ранжировать элементы системы по уровню (объему) их активности, осуществив при этом, по сути, структурный анализ. В-третьих, исследовать активность взаимодействия элементов системы друг с другом и с внешними источниками активности, что является основой функционального анализа. Наконец, в-четвертых, придать осмысленность, установив причинность, динамике существования системы.

Системность знания об объекте не может быть полной без учета его активности. Таким образом, активистский аспект развития, включенный в системный подход, позволяет выделить дополнительный «срез» исследования, с одной стороны, и выступает как связующее звено предметного, функционального и динамического анализов, с другой.

Редкому философу удается сказать что-либо об устройстве мира, хотя бы не упомянув лежащей в его основе активности. Можно бесконечно цитировать труды, в которых прямо или косвенно признается факт ее существования. Намного меньше работ, где уделяется должное внимание природе и сущности активности. И уж совсем мало литературы, посвященной механизму реализации активности физического тела, живого организма, человека. А между тем, изучение этого механизма открывает путь к пониманию и сути активности. Можно утверждать, что повышенное внимание к проблемам социальной (особенно классовой) активности в семидесятых годах нашего столетия не коснулось представлений о ее механизме. Более того, очевидно распространенное у исследо-

вателей того времени пренебрежение к этому вопросу. Так, для М.А. Нугаева, В.Г. Мордковича характерно понимание активности, как некоторого образования, поворачивающегося к действительности теми или иными гранями, сторонами. Такое представление механизма приводит, например, М.А. Нугаева к пониманию активности как «узла», «универсального момента» в развитии материи. И, видимо, чтобы отбить желание дискутировать по этому поводу М.А. Нугаев определял активность как движение и его источник, но не движение и его источник¹⁵⁶. В свою очередь и В.Г. Мордкович, признавая некоторые физиологические механизмы социальной активности, уходит от разговора о них, ограничиваясь пониманием активности, как некоторого свойства объекта, наделенного теми же сторонами и гранями. Возможно, что, сознавая имеющиеся пробелы в представлениях о механизме реализации активности, В.А. Смирнов попытался придать ее сторонам и граням дополнительную многослойность в виде сочетания знаний, убеждений, практических действий и даже обозначить некоторые «эталоны», «образцы», «идеалы» социальной активности. Все это хорошо укладывалось в рамки государственной идеологии того времени, но не раскрывало механизма активности. Несколько определеннее, но все же недостаточно конкретно рассматривает механизм проявления социальной активности Ф.А. Батури¹⁵⁷. Основываясь на работах К.Маркса, процесс этот он видит в возникновении потребностей людей, их удовлетворении путем соответствующего производства и развития на этой основе новых потребностей, создании нового производства, возвышение социальной активности производящего и потребляющего человека.

«Прежде чем был достигнут биологический уровень, вещество и энергия претерпели три отдельные и автономные

¹⁵⁶ Нугаев, М.А. Трудовая активность рабочего класса развитого социалистического общества. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1975. – С. 16.

¹⁵⁷ Батури, Ф.А. Социальная активность трудящихся: сущность и управление. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 21.

эволюции. Это были: эволюция элементарных частиц, эволюция химических элементов и эволюция минералов»¹⁵⁸.

В философской литературе, не говоря уже об обыденном уровне представлений, широко распространено противопоставление материи сознанию, живого неживому. Это и естественно, поскольку наш ежедневный опыт обнаруживает существенное различие между одушевленными и неодушевленными предметами окружающей среды, ориентируя соответственно на активную и пассивную роли того и другого в нашей жизни. В силу своих природных особенностей человек с древних времен все живое ставил выше мертвого, косного, все активное в его понимании – выше пассивного. И если он сталкивался с мощной природной стихией, то непременно одухотворял ее, наделяя слепую силу божественным смыслом, волей и интеллектом. С первобытных времен человек прямо связывал активность объекта с его душой, духом, сознанием. Но сегодня, благодаря успехам естественных наук, становится очевидным, что косная материя обладает активностью неизмеримо большей человеческой. Осознание этого факта приближает нас к пониманию единства мира и собственного положения в нем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное общество сталкивается с множеством проблем, но, пожалуй, самой существенной, определяющей социальное развитие, является проблема создания благоприятных условий для реализации человеческой активности. Избыток неорганизованной активности граждан ведет к опасной политизации общественных отношений, создает угрозу массового деструктивного поведения индивидов и подрывает государственные основы. Поэтому правящий класс, как субъект управления, для сохранения стабильности в обществе

¹⁵⁸ Лима-де-Фарна, А. Эволюция без отбора: Автоэволюция формы и функции / Пер. с англ. – М.: Мир, 1991. – С. 352.

должен предпринимать необходимые меры по регулированию стихийных проявлений избытков человеческой активности. В этом плане у власти есть несколько возможностей:

- создать тяжелые условия жизни для основной массы населения, в которых вся активность индивидуумов расходовалась бы полностью на обеспечение жизнедеятельности, условия, в которых бы трансаktivность перевоплощалась в активность производственно-трудовую,
- сформировать общественнополезные и политически нейтральные к существующему государственному устройству направления приложения активности граждан,
- нейтрализовать избытки человеческой активности с помощью интенсификации массовой развлекательной культуры.

Важно помнить, что высокая активность населения – «золотой» фонд государства, основа всеобщего благосостояния и социального прогресса. Это значит, что политика подавления человеческой активности или «спуска пара» общественной энергии расточительна и не эффективна.

Социально-политическое развитие общества содержит множество противоречий, которые особенно обостряются в периоды социальных кризисов. Прежде всего, в такие времена возрастает общественная потребность в изучении теоретических и практических проблем политических процессов, которые воспроизводятся комплексом разнообразных условий, факторов, обстоятельств, порождающих и усугубляющих кризисные явления. Именно сейчас и, прежде всего, в России осознается необходимость обобщающих исследований причин социальных катаклизмов, имеющих корни в состоянии активности различных групп населения. В подобных критических ситуациях резко увеличивается значение политики и политической активности, участвующих в ней субъектов.

Вместе с тем, изучение феномена политической активности позволяет рассматривать его как некоторую меру зрелости индивидуума и политической системы общества, пока-

затель развитости государственных и гражданских институтов. Действительно, современные сообщества людей характеризуются неоднородностью развития в них социальной активности и высокой неравномерностью распространения активности политической. Поэтому адекватное представление политических процессов в обществе, не говоря уже об их прогнозировании, невозможно без определения уровней политической активности субъектов – задачи, которая решалась излишне идеологизировано и формально в ходе социалистического строительства в СССР.

Ближайшие годы, несомненно, войдут в историю России как период роста социальной активности, в том числе, политической активности населения, а, значит, появятся благоприятные условия для успешной исследовательской работы.

Сложная политическая ситуация в России и в международных отношениях, всё настойчивее требуют качественного научного сопровождения социального управления. Очевидно, что внимание к проблемам активности личности и общества поможет не только осмыслить и спрогнозировать динамику социальных и политических процессов, но и разработать важные рекомендации по развитию государственного и гражданского управления и самоуправления, продвинуть методологию науки на более высокий уровень.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абульханова-Славская, К. А. Деятельность и психология личности. – М., 1980.
2. *Активная жизнедеятельность личности: Экономические аспекты* / В.И. Дриц, В.И. Терешкова, Б.В. Бородин и др.; науч. ред. З.И. Гиоргидзе; Акад. наук БССР, Ин-т экономики. – Минск: Наука и техника, 1985.
3. Активная жизненная позиция борцов за коммунизм. – М., 1979.
4. Активная жизненная позиция советского человека. – Ташкент, 1985.

5. *Активность личности в социалистическом обществе: Сб. ст. / редкол.: Т. Ярошевский, Н.С. Мансуров (отв. ред.) и др.; АН СССР, Ин-т социол. исслед. – М.: Наука, 1976.*

6. *Ануфриев, Е.А. Социальный статус и активность личности: Личность как объект и субъект социальных отношений. – М.: Изд-во МГУ, 1984.*

7. *Алаярова, В.С. Личностный потенциал работника: проблемы формирования и развития / В.С. Алаярова, В.И. Волков, А.Э. Гущина; отв. ред. В.Г. Нестеров, Л.И. Иванько / Акад. наук СССР, Урал. науч. центр, Ин-т экономики; Акад. наук СССР, Урал. науч. центр, Ин-т экономики; Ин-т экономики. – М.: Наука, 1987.*

8. *Ануфриев, Е.А. Социальная роль и активность личности / Е.А. Ануфриев. – М.: Издательство Московского университета, 1971.*

9. *Арефьева, Г.С. Социальная активность: проблема субъекта и объекта в социальной практике и познании / Г.С. Арефьева. – М.: Политиздат, 1974.*

10. *Артемьев, А.И. Социология личности / А.И. Артемьев. – 2-е изд. – М.: Арбат-21, 2001.*

11. *Батулин, Ф. А. Социальная активность трудящихся. Суицид и управление. – Новосибирск, 1984.*

12. *Басов, Е. М. Роль человеческого фактора в ускорении экономического развития страны. – Минск, 1985.*

13. *Беленький, В. Х. Активность народных масс. – Красноярск, 1973.*

14. *Белов, Г.А. Политология. Учебное пособие. – М.: ЧеРо. – 1999.*

15. *Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990.*

16. *Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр – 2-е изд. – М.: Добросвет, КДУ, 2006.*

17. *Большая Советская энциклопедия. Т. 30 / Гл. ред.*

А.М. Прохоров – М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1978.

18. Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. Энциклопедический словарь, – С.-Петербург, 1901.

19. Вайсфельд, М. Слабость инициативы (безволие). – М., 1928.

20. Васильева, Е. Активность студентов как показатель их социализации и социальной компетенции / Е. Васильева, А. Малыгина. // *Alma mater*. – 2007. – №7.

21. Вельган, В. Д. Методы повышения творческой активности трудовых коллективов. – Рига, 1984.

22. Верховин, В.И. Профессиональные способности и трудовое поведение: учеб. Пособие / МГУ им. М.В. Ломоносова, Социол. фак. Каф. социол. труда. – М.: Изд-во МГУ, 1992.

23. Вершлавский, С. Г. Воспитание активной позиции личности. – Л., 1981.

24. Влияние социальной активности субъектов на развитие политического процесса в России: случайности и закономерности. Отчет о НИР, ВНИЦентр; Руководитель В.Е. Хвощев, № ГР 01.99.0007563; Инв.№ 02.99.0002501, – М., 2000.

25. Войтко, В. И. Социальные и психологические аспекты формирования активной жизненной позиции личности. – Киев, 1978.

26. Волочков, А.А. Активность субъекта бытия: интегративный подход / А.А. Волочков; Перм. гос. пед. ун-т, Ин-т психологии. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2007.

27. Воронович, Б. А. Созидательный потенциал человека. – М., 1988.

28. Годфруа, Ж. Что такое психология: Т.1: пер. с франц. – М.: Мир, 1996.

29. Горбачев, М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М., 1987.

30. Гришианов, Л.К. *Нравственные аспекты формирования активной жизненной позиции молодых рабочих* / Л.К. Гришианов, В.А. Блажско; отв. ред. В.Д. Цуркан / Кишинев. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Кишинев: Штиинца, 1988.

31. Гумилев, Л.Н. *От Руси к России: очерки этнической истории* / послесл. С.Б. Лаврова – М.: Экспресс, 1992.

32. Гурченко, В. Н. *Активная жизненная позиция – характерная черта советского человека.* – Киев, 1978.

33. Гусев, Ю. А. *Познание и творчество: логико-гносеологические проблемы художественного творчества.* – Минск, 1987.

34. Даль, В. *Толковый словарь.* 2-е изд., 1982, т.4.

35. Девис, П. *Суперсила: Пер. с англ. / под ред. и с предисл. Е.М. Лейкина.* – М.: Мир, 1989.

36. Демин, М. В. *Природа деятельности.* – М., 1984.

37. Дилигенский, Г.Г. *Социально-политическая психология / Учебное пособие для высших учебных заведений.* – М.: Новая школа, 1996.

38. *Динамика социально-политического развития российско-казахстанского приграничья (2000–2005 гг.). Материалы социологических опросов / под редакцией В.Е. Хвощева.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006.

39. *Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Второй Международной Научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийяра / под общей редакцией В.Е. Хвощева. 4 декабря 2007 г. Том 3. Серия «Дискурсология». Выпуск 7) – Екатеринбург, Челябинск: Издательский Дом «Дискурс-Пи», Изд-во ЮУрГУ 2008.*

40. Дмитрук, Л. А. *Социальная активность производственного коллектива: истоки, формы, тенденции.* – Минск, 1977.

41. Дятлова, М.М. *Деятельность КПСС по развитию активности рабочих в управлении производства в период развитого социализма / Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова.* – Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

42. Ефимов, В. М., Косолапой С. М. *Формирование ак-*

тивной жизненной позиции – цель нравственного воспитания. – М., 1977.

43. Иванов, В. П. Философско-мировоззренческий анализ человеческой деятельности. – Киев, 1977.

44. И конникова, С.Н., Лисовский, В.Т. На пороге гражданской зрелости: об активной жизненной позиции современного молодого человека. – Л.: Лениздат, 1982.

45. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2000. – (Мастера психологии).

46. Ильин, Е.П. Психология воли. – СПб.: Питер, 2000. – (Мастера психологии).

47. Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974.

48. Капто, А. С. Классовое воспитание: методология, теория, практика. – М., 1985.

49. Капустин, Б.Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах / Полис. – 1993. – №3.

50. Карлов, Н.В. Простое рассуждение // Вопросы философии. – 1998. – №1.

51. Кикнадзе, Д. А. Система факторов действия и развития личности. – Тбилиси, 1987.

52. Кирилюк, А.С. Категория «активность»: мировоззренческие и методологические функции / АН УССР, Ин-т философии. – Киев: Наук. думка, 1985.

53. Ключев, А. В. Политическая активность личности и формирование гармонично развитой, общественно активной личности. – Л., 1987.

54. Кон, И. Открытие «Я». – М., 1978.

55. Константинов, В.Н. Социальная активность и пассивность личности. Учебное пособие. – Владимир: ВГПИ. – 1990.

56. Константинов, В.Н. Формирование общественно-политической активности и общественно ценной жизненной позиции студентов пединститута. – Владимир, 1984.

57. Краткая философская энциклопедия. – М.: Изда-

тельская группа «Прогресс» – «Энциклопедия». 1994.

58. Крыштановская, О.В. Нелегальные структуры в России // Социологические исследования. – 1995. – № 8.

59. Курс политологии: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М. – 2002.

60. Ламетри, Ж.О. Соч. – М., 1983.

61. Лапина, Т. С. Этика социальной активности личности. – М., 1971.

62. Лебон, Г. Психология социализма / пер. с франц. – СПб.: Макет, 1996.

63. Ленин, В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // В.И. Ленин / полн. собр. соч. – Т. 1.

64. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.

65. Лима-де-Фариа, А. Эволюция без отбора: Автоэволюция формы и функции / пер. с англ. – М.: Мир, 1991.

66. Личностный потенциал работника: Проблемы формирования и развития / Акад. Наук СССР, Урал. науч. центр, Ин-т экономики; В.С. Аллаярова, В.И. Волков, А.Э.Гуцица и др./ отв. ред.: В.Г. Нестеров, Л.И. Иванько. Урал. науч. Центр. Ин-т экономики. – М.: Наука, 1987.

67. Личность в социалистическом обществе. Философские аспекты формирования. – М., 1988.

68. Лосев, А.Ф. Элементы теологии. Лосев, А.Ф. История античной философии в конспективном изложении, Лосев, А.Ф. Первоосновы теологии – М., 1991.

69. Лукьянчук, Е. А. Человеческий фактор – объект социальной политики. – М., 1988.

70. Маркин, В.Н. Жизненная позиция личности: идеологический и социально-политический аспекты / В.Н. Маркин. – М.: Мысль, 1989.

71. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. / Соч. 2-е изд. – Т. 42.

72. Маркс, К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс,

Ф. Энгельс. / Соч. 2-е изд. – Т. 3.

73. *Материалы XXVII съезда КПСС.* – М.: Политиздат. – 1986.

74. Материальные, духовные и организационные факторы формирования нового человека. – М., 1986.

75. Мелешенко Ю.С. В.И. Ленин и проблемы техники, технического прогресса // Вопросы философии. – 1969 – № 6.

76. Методология развития политической активности личности и общества. Отчет о НИР, ВНИЦентр; Руководитель В.Е. Хвоцев, №ГР 01.97 0002845; Инв. № 02.99.0003257, – М., 1999.

77. Микульский, К. И. Экономические законы социализма и социальная активность трудящихся. – М., 1983.

78. Мирошниченко, А.А. Public Relations в общественно-политической сфере. – М., 1998.

79. Младенов, Е. Формиране и развитие на социалната активност на личността. – София, 1978.

80. Модестов С.А. Бытие несвершившегося. – М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000.

81. Мордкович, В. Г. Общественно-политическая активность трудящихся: автореф. дис....д-ра филос. наук. – М., 1974.

82. Моросанова, В.И. *Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека / Рос. акад. образования, Психол. ин-т – М.: Наука, 1998.*

83. Мосоров, А. М. Общественные отношения и человек. – Красноярск, 1987.

84. Нечаев, В.С. *Активность жизненной позиции.* – М.: Воениздат, 1985.

85. Нугаев, М. А. *Трудовая активность рабочего класса развитого социалистического общества.* – Казань, 1975.

86. *Общественная активность молодежи.* – М., 1970.

87. Общественно-политическая активность трудящихся (Проблемы методологии, методики и техники социологического исследования) / отв. ред. Л.Н. Коган, – Свердловск: РИСО УФАН СССР, 1970.

88. Общественно-политическая активность трудящихся (конкретно-социологический анализ данных эмпирических исследований). – Свердловск, 1972.

89. Овчинников, В. Ф. Репродуктивная и продуктивная деятельность как фактор творческого развития человека. – М., 1984.

90. Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / пер. с англ. К. Бутырина. – М.: ЮВЕНТА, 1996.

91. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990.

92. Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998.

93. Первоосновы теологии. Антология мировой философии в четырех томах. – Т.1. Ч.1. – М.: Изд-во «Мысль» – 1969.

94. Петрик, П.П. Активная жизненная позиция. Вопросы формирования и утверждения. – Кишинев, 1983.

95. *Петровский, В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности: учеб. пособие для студентов вузов. – Ростов на Дону: Феникс, 1996.*

96. Петрушик, А.И. Творческая активность субъекта в познании. – Минск, 1975.

97. Платонов, К.К. Структура и развитие личности. – М., 1986.

98. Повышение социальной активности рабочего класса. – Ростов, 1975.

99. Поликарпова, Е.П. Социальная активность как категория исторического материализма. – М., 1986.

100. Политическая активность населения в период социального кризиса. Отчет о НИР, ВНИЦентр; Руководитель В.Е. Хвощев, № ГР 01.97 0002845; Инв.№ 02.98.0002431, -М., 1998.

101. *Политическая организация и управление обществом при социализме: сб.ст. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; под ред. О.М. Соловьева. - Л.: Изд-во ЛГУ. Вып. 1:Повышение социально-политической активности трудящихся развитого социалистического общества. - 1979.*

102. Политическое сознание и трудовая активность молодежи. - М., 1985.

103. *Политология. Курс лекций / под ред. доктора юридических наук профессора М. Н. Марченко. Изд. 3-е, перераб. и доп. - М.: Издательство ЗЕРЦАЛО. - 1999.*

104. *Политология: Учебник для вузов / отв. ред. д. ю. н., проф. В. Д. Перевалов. - М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА). - 2002.*

105. Пономарев, Я.А. Психология творчества. - М., 1976.

106. Поппер, К.Р. Ницета историцизма.: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс»-VIA, 1993.

107. *Право и повышение активности рабочих и служащих / Г.И. Лях, В.И. Протопович, М.Г. Пронина, Е.А. Зорченко; науч. ред. В.И. Семенов; АН БССР. Ин-т философии и права. - Минск: Наука и техника, 1983.*

108. *Проблемы активности студентов: Сб. ст. / Редкол.: Л.А. Серафимов (отв. ред.) и др. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Рост. гос. ун-т;. - Ростов на Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1975.*

109. Проблемы повышения созидательной активности. - Калининград, 1986.

110. Проблемы социальной активности. Челябинск, 1974. - Вып. 1.

111. *Психофизиологические исследования интеллектуальной саморегуляции и активности / АН СССР, Ин-т психо-*

-----Теория активности: от истоков к началам
логии. – М.: Наука, 1980.

112. П. Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.

113. Рожко, К.Г. Принцип деятельности. – Томск, 1983.

114. Рукавишников, Г. Воспитание вялых детей. – СПб., М., б/г.

115. Сабоцук, А.П. Конструктивная активность и образность мышления / АН МССР, Отд. философии и права / Под ред. А.И. Бабия. – Кишинев: Штиинца, 1978.

116. Свита, А.М. Активная жизненная позиция советского рабочего. – Львов: Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1986.

117. Селье, Г. Стресс без дистресса. – М., 1982.

118. Сержантов, В.Ф. Человек, его природа и смысл бытия. – Л., 1990.

119. Скурлатов, В.И. Молодежь и прогресс: Философские размышления о драме свободы, любви и измены в истории. – М.: Мол. гвардия, 1980.

120. Смирнов, И.П. Советский рабочий: формирование творческой личности. – М., 1987.

121. Смирнов, С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. – М., 1985.

122. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология». Выпуск 1) – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2006.

123. Соколов, Б.М. Нравственный мир советского человека. – М., 1981.

124. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992.

125. Социальная активность. – Челябинск, 1976.

126. Социальная активность личности в условиях развитого социализма. – Киев, 1983.

127. Социальная и трудовая активность молодежи. – Кишинев, 1984.

128. *Социальная активность в обществе развитого социализма. Исследования советских ученых 1981–1985 годов: сб. обзоров / АН СССР, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; редкол.: И.А. Беседин (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН, 1985.*
129. Социальная активность и свобода личности. – Волгоград, 1981.
130. Социальная активность рабочего класса в условиях развитого социализма. – Л., 1982.
131. *Социальная активность трудящихся в развитом социалистическом обществе / Науч. ред. М.А. Рафиков и др. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.*
132. Социальная активность трудящихся масс в условиях социализма. – М., 1987.
133. Социально-политическая активность человека и общества в изменяющемся мире, Отчет о НИР, РФФИ № 002001172 p2001урал, – М., Челябинск, 2002.
134. *Стимулирование академической активности студентов: сб. науч. тр./Ярослав. гос. ун-т; редкол.: В.Ф. Чаплыгин (отв. ред.) и др. – Ярославль: ЯрГУ, 1991.*
135. Струве, П.Б. *Patriotica: культура, религия, социализм / сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова; вступ. ст. и примеч. В.Н. Жукова. – М.: Республика, 1997.*
136. Сулимов, Е.Ф. Теория и практика коммунистического воспитания. – М., 1984.
137. Тиво, М.Д. Общественная активность трудящихся в условиях коммунистического строительства. – Минск, 1974.
138. Титов, В.А. Активная жизненная позиция личности. – М., 1978.
139. *Токвиль А. де. Демократия в Америке; Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Изд. группа «Прогресс»–«Литера», 1994.*
140. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни, – М., 1994.
141. Трудовой коллектив и активная жизненная позиция личности. – Л., 1986.

142. *Управление творческой активностью работников в условиях экономической реформы: сб. науч. тр. / Ленингр. инж.-экон. ин-т им. Пальмиро Тольятти; Редкол.: В.С. Кабаков, Ю.И. Голубев (отв. ред.) и др. – Л.: ЛИЭИ, 1989.*

143. Федотова, В.Г. Анархия и порядок в контексте российского посткоммунистического развития // Вопросы философии. – 1998. – № 5.

144. *Философские и социологические проблемы формирования социальной активности личности: Межвуз. сб. науч. тр. / Владимир. гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского / редкол.: Ф.В. Цанн Кай-си (отв. ред.) и др. – Владимир: ВГПИ, 1989.*

145. *Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1989.*

146. *Формирование активной жизненной позиции. – Челябинск, 1981.*

147. *Формирование активной жизненной позиции людей развитого социализма. – Таллин, 1982.*

148. *Формирование активной жизненной позиции: на материалах конкретно-социологических исследованиях в трудовых коллективах Иркутской области: сб. ст. / Редкол.: В.Х. Харнахоев (отв. ред.) и др. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983.*

149. *Формирование активной жизненной позиции молодого специалиста на основе комплексного подхода к обучению и воспитанию: Межвуз. сб. науч.-метод. ст. / Моск. инженер.-физ. ин-т; под общ. ред.: И.Т. Гусева, Б.Я. Пахомова. – М., 1980.*

150. *Формирование общественно-политической активности студентов вузов / В.А. Дунаев, В.Я. Кочергин, Л.И. Колокольникова и др. / под ред.: Г.П. Давидюка и др. – Минск: Университетское, 1985.*

151. *Формирование развитой творческой личности. – Киев, 1984.*

152. *Формирование социально активной личности в*

условиях развитого социализма. – Киев, 1983.

153. Формирование у студенческой молодежи научного мировоззрения и социальной активности. – Запорожье, 1985.

154. Фофанов, В.П. Социальная деятельность как система. – Новосибирск, 1981.

155. Французова, Н.П. *Общественно-историческая сущность и творческая активность сознания / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. – М.: Мысль, 1983.*

156. Фромм, Э. Бегство от свободы: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1989. – С. 21.

157. Фромм, Э. Иметь или быть? – М., 1990.

158. Хайкин, В.Л. *Активность: Характеристики и развитие: учеб.-метод. пособие / В.Л. Хайкин; Рос. акад. образования, Моск. психол.-социал. ин-т. – М.; Воронеж: МПСИ: МОДЭК, 2000.*

159. Хвощев, В.Е. Неучитываемое производственное творчество трудящихся промышленного предприятия. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ. – 1978. – 43 с.

160. Хвощев, В.Е. Участие в производственном творчестве как проявление активной жизненной позиции личности / В.Е. Хвощев // В кн.: Формирование активной жизненной позиции учащейся и рабочей молодежи. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ. – 1980.

161. Хвощев, В.Е. Массовое производственное творчество как элемент трудовой активности и фактор формирования личности рабочего в условиях развитого социализма: автореферат дис. ... к.ф.н. / В.Е. Хвощев. – Казань, 1983.

162. Хвощев, В.Е. Критика как форма и фактор социальной активности трудящихся // Тезисы докладов всесоюзной научно-практической конференции (Кишинев, 24–27 окт. 1988г.). – М., 1988.

163. Хвощев, В.Е. О значении критики и самокритики в совершенствовании социалистической демократии // Седьмые уральские социологические чтения «Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии». –

Ижевск, 1989.

164. Хвощев, В.Е. Социальные общности как объекты и субъекты политики // Тезисы докладов научно-практической конференции «Советское общество и судьбы социализма», 4.2. – Челябинск, 1990.

165. Хвощев, В.Е. Теневая идеология социализма // Тезисы докладов научно-теоретической конференции. – Челябинск, 1991.

166. Хвощев, В.Е. Национальные отношения в крупном городе // Восьмые уральские социологические чтения. – Курган, 1991, – С. 18–20.

167. Хвощев, В.Е. Пространство и поле российской власти // Тезисы докладов и выступлений республиканской научной конференции «Россия на пути реформ: децентрализация и политика регионов». – Челябинск, 1995.

168. Хвощев, В.Е. Проблемы активности. – Челябинск, ЧГТУ, 1996.

169. Хвощев, В.Е. Городская интеллигенция в лабиринтах политики (опыт социологического исследования политической активности интеллигенции) // Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1996.

170. Хвощев, В.Е. Активность и политика // ЧГТУ. – Челябинск, 1996.

171. Хвощев, В.Е. Самодеятельность народа как мера демократии // Тезисы докладов республиканской конференции «Россия на пути реформ: политические, правовые, социологические аспекты анализа общества». – Челябинск, 1996.

172. Хвощев, В.Е. Кризис теории активности и его причина // Тезисы докладов и выступлений республиканской научно-теоретической конференции «Россия на пути реформ: основные парадигмы развития общества». – Челябинск, 1998.

173. Хвощев, В.Е. Влияние электоральной активности на результаты выборов // Материалы XI Уральских социологиче-

ских чтений «Уральский регион как социум». – Челябинск, 1998.

174. Хвоцев, В.Е. (в соавт.) *Законотворческая активность депутатов Государственной Думы РФ. В кн. «Проблемы человека в историческом процессе: ученые записки».* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 1999.

175. Хвоцев В.Е. (в соавт.) *Влияние политической активности на отклоняющееся поведение личности. В кн. «Проблемы человека в историческом процессе: ученые записки».* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 1999.

176. Хвоцев, В.Е. *Возрастание революционной активности политических страт русского общества. В кн. «Проблемы человека в историческом процессе: ученые записки».* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 1999.

177. Хвоцев, В.Е. (в соавт.) *Особенности современной пограничной политики России. В кн. «Проблемы человека в историческом процессе: ученые записки».* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 1999.

178. Хвоцев, В.Е. *Снижение созидательной активности российского общества как причина системного кризиса // Тезисы выступлений международной научной конференции «Стратегия опережающего развития для России XXI века. – Т.4. – М., 1999.*

179. Хвоцев, В.Е. *Политическая активность личности и общества. Программа курса по специальности 020200-Политология.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 1999.

180. Хвоцев, В.Е. *Социальные технологии как форма реализации политической активности субъектов / Гуманитарные проблемы российского общества: история и современность. Тезисы докладов и сообщений.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 1999.

181. Хвоцев В.Е. (в соавт.) *Пограничная политика и социально-политическая активность ее субъектов / Гуманитарные проблемы российского общества: история и современность. Тезисы докладов и сообщений.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1999.

182. Хвоцев, В.Е. (в соавт.) *Повышение политической активности населения северного Кавказа (на примере выборов главы Карачаево-Черкесской республики в 1999 году) / Гуманитарные проблемы российского общества: история и современность. Тезисы докладов и сообщений.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1999.

183. Хвоцев, В.Е., Муллаянов Р.Ш. *Пограничная политика и безопасность. Опыт регионального анализа.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2001.

184. *Границы безопасности и безопасность границ / Под редакцией В.Е. Хвоцева* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2001.

185. *Мир без границ – войны без фронтов? / Под редакцией В.Е. Хвоцева.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2002.

186. Хвоцев, В.Е. *Становление и развитие философских идей активизма. Известия ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2002.

187. Хвоцев, В.Е. (в соавт.) *Активизация международного терроризма и новые проблемы российско-казахстанской границы. Известия ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2002.

188. Хвоцев, В.Е. (в соавт.) *Современный мир: возрастание угроз экологического терроризма. Известия ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2002.

189. Хвоцев, В.Е. *Активность материальных объектов. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2003.

190. Хвоцев, В.Е. *Активность и толерантность: в поисках синтеза. Кросс-культурные исследования: методология, опыт эмпирического анализа. Материалы 8-й Международной конференции памяти Л.Н. Когана. Ч. IV – Екатеринбург, 2005.*

191. Хвоцев, В.Е. *Изменяющаяся Россия: обновление приоритетов политической науки. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки.* – Челябинск: Изд-во ЮУр-

ГУ. – 2006.

192. Хвощев, В.Е. Изменение социальной активности общества как основа трансформации политической системы. // Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы. Международная научная конференция. Тезисы докладов, Москва, 22–23 ноября 2007 г. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2007.

193. Хвощев, В.Е. Идеи активности и самодвижения в учении об эманации Прокла Диадоха. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2007.

194. Хвощев, В.Е. Фундаментальные основы дискурса. Доклады Второй Международной Научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийяра, «Дискурсология: методология, теория, практика» / Под общей редакцией В.Е. Хвощева. 4 декабря 2007 г. Том 3. Серия «Дискурсология». Выпуск 7) – Екатеринбург, Челябинск: Издательский Дом «Дискурс-Пи», Изд-во Юго-Восточного института геополитики, 2008.

195. Хвощев, В.Е. Дискурс политической активности. Доклады Второй Международной Научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийяра, «Дискурсология: методология, теория, практика» / Под общей редакцией В.Е. Хвощева. 4 декабря 2007 г. Том 3. Серия «Дискурсология». Выпуск 7) – Екатеринбург, Челябинск: Издательский Дом «Дискурс-Пи», Изд-во Юго-Восточного института геополитики, 2008.

196. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность: Пер. с нем. – М.: Педагогика. – Ч.2. – 1986.

197. Хьелл, Л.А., Зиглер, Д.Д. Теории личности: Основные положения, исследования и применение: Учеб. пособие для студентов и аспирантов психол. фак., психол. дисциплин гуманитар. фак. вузов РФ: пер. с англ. – СПб. и др.: Питер-пресс, 1997.

198. Цуладзе, А. Политические манипуляции или по-

корение толпы. – М., 1999.

199. *Чередниченко, А.П. Культура активного политического действия.* – М.: Мысль, 1986.

200. *Щановский, В.К. Диалектика сущностных сил человека.* – Киев, 1985.

201. *Шапиро, И. Введение в типологию либерализма* – Полис. – 1993. – №3.

202. *Шарден, П. Тейяр де. Феномен человека.* – М.: Наука, 1987.

203. *Шепель, В. Партийная организация и социальная активность трудящихся.* – М., 1980.

204. *Шмелева, Т.Л., Бугаева, Т.Б. Воспитание общественно-политической активности студенческой молодежи в условиях развитого социализма.* – М.: Высш. шк., 1982.

205. *Чередниченко, А.П. Культура активного политического действия.* – М., 1986.

206. *Щербакова, Н.В. Правовая установка и социальная активность личности.* – М., 1986.

207. *Эйнштейн, А. Собр. научных трудов, т. 4.*

208. *Энгельмейер, П.К. Теория творчества.* – СПб., 1910.

209. *Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 21.*

210. *Юм, Д. Соч. в 2-х томах, т. 2.*

Владимир Ефимович Хвощев

**ТЕОРИЯ АКТИВНОСТИ:
ОТ ИСТОКОВ К НАЧАЛАМ**

Монография

Техн. редактор А.В. Миних

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 07.02.2008. Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,76. Уч.-изд. л. 8,12. Тираж 500 экз. Заказ 18. Цена С.

Отпечатано в типографии ЮВИГ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, оф. 458а